Олег Глушенков

В поисках птичьих колоний

Рисунки выполнены художником-анималистом
Анатолием Романовым.

Глушенков Олег Владимирович. В поисках птичьих колоний. Чебоксары, КЛИО, 2001. – 218 с.

Дорогим учителям – преподавателям
биолого-химического факультета
Чувашского государственного педагогического института
периода 80-х годов,
поверившим в меня,
и поддержавшим
в самый сложный период моей жизни,
с благодарностью
посвящается.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Кто из нас в пору отрочества и ранней юности, начитавшись приключенческих романов, не мечтал пуститься в длительные странствия по дальним странам, чтобы совершать открытия одно удивительнее другого. Именно дальние страны, под которыми подразумевалось нечто большее, например, вся Африка или Южная Америка, могли удостоиться нашего внимания. А все, что близко - неинтересно. Здесь все обследовано-переобследовано. Леса повырублены. Из крупных хищников были медведи, и тех истребили. Одна единственная ядовитая змея - гадюка, и то настолько редка, что и увидишь не всегда, потому что каждый считает своим долгом убить ее, если встретит, только за что, непонятно. Вот Африка - вот это да! Там джунгли непроходимые, где за каждым кустом прячется ядовитые змеи; реки кишащие крокодилами; саванны, где хозяйничают прайды львов. Так что, туда и только туда!

Следует, конечно признать, что в пору юности романтические мечты начинают постепенно уступать пониманию реальной действительности. В этот период начинаешь осознавать, что наши границы действительно под крепким замком, но не от врагов закрыты они, а от собственного народа. И поэтому в Африку или в Австралию ты вряд ли сможешь когда-либо попасть.

На этом этапе большая часть повзрослевших, поумневших юношей и девушек, иногда легко, иногда с глубоким сожалением, расстаются со своими голубыми и розовыми мечтами. И лишь немногие продолжают верить в осуществление мечты о путешествиях. Но их мечты все более приобретают реальные очертания.

Представители этой части юношества рассуждают чуть-чуть иначе. Они прозревают и видят, наша страна огромна и в ней есть что посмотреть. Чего стоят, например, горы и пустыни Средней Азии, Северные джунгли Приморья, тундра бескрайнего севера. Вот туда можно попасть вот это точно.

Вот и я, не потерявший надежду и жажду к странствиям и исследованиям, чтобы приблизить свою мечту к ее осуществлению, поступил на биофак Чувашского пединститута. Здесь, будучи студентом, на первых же заседаниях зоологического кружка, который жил стараниями глубокоуважаемого Ивана Михайловича Олигера, я понял, что нахожусь на правильном пути.

На кружках выступали студенты, только что вернувшиеся: "Откуда бы вы думали?" – конечно, с Дальнего Востока, Алтая, Кандалакши и других удивительных мест нашей великой страны. Они упоенно рассказывали об удивительной природе этих мест, о своих исследованиях, в подтверждении своих слов демонстрируя слайды. А в моей голове, с каждым разом все настойчивее билась мысль: "Скоро и для меня это окажется возможным, только чуть-чуть потерпеть до лета".

Весной, когда все живое приходит в движение и даже человеку трудно усидеть на месте, хотя ученые считают, что человек существо не подверженное сезонным колебаниям, во мне с новой силой вспыхнула тяга к странствиям. За время, проведенное на институтской скамье, я разузнал, что поехать куда-то может только тот, кто занимается какой-либо научной работой. Обязательно под руководством влиятельного ученого, который, пользуясь своими связями, мог бы организовать для тебя путешествие.

Осознав это, я навязался в провожатые к одной из студенток со старшего курса, активной участнице зоологического кружка,

которая направлялась к своему научному руководителю, профессору В.П.Хрусцелевскому.

В его уютной квартире Лена, так звали девушку, и профессор оживленно и долго обсуждали предстоящую поездку в Центрально Черноземный заповедник пока, наконец, дошла очередь и до меня. - Ну, а Вы, молодой человек, по какому вопросу? Или Вы просто сопровождающий?

На что я ответил:

- Нет, не только, мне бы хотелось тоже заняться какой-либо интересной научной работой, чтобы была возможность поехать куда-нибудь.

- Хорошо… - медленно протянул профессор,

- Тогда я мог бы предложить Вам вот что. Ну, скажем, заняться изучением грызунов? - Владимир Павлович всю жизнь занимался исследованием природных очагов чумы, хранителями которой являлись как раз грызуны. И через годок я бы устроил Вашу поездку в Казахстан на противочумную станцию.

Я был внутренне готов к такому предложению, зная характер прежней работы В.П.Хрусцелевского, и поэтому ответил так:

- Если откровенно, грызунами мне не очень хотелось бы заниматься. А нет ли у Вас темы связанной с изучением более крупных млекопитающих и птиц?

- Пожалуй, нет, - подумав, ответил Владимир Павлович. - Вам, наверное, лучше обратиться к Ивану Михайловичу Олигеру, он с такими вопросами ближе связан. Хотя погодите, - неожиданно прервал он начавшее наплывать на меня огорчение. - Возникла тут одна проблема недавно. Наша единственная колония серых цапель стала терять свою численность. Вот бы Вам и заняться этим вопросом и выяснить причины. А также придется подумать над

тем, как остановить этот нежелательный процесс. Но, только, - после неожиданной паузы продолжил профессор - Вы уже никуда не поедете, будете работать в Чувашии. - Хорошо, - сознательно затягивая с ответом ошарашенный столь неожиданным поворотом, медлил я, - я подумаю и возможно займусь этой проблемой. - Подумайте, подумайте, но проблема действительно интересная! - подбодрил напоследок Владимир Павлович.

На этом и расстались. Я очень долго обдумывал это предложение. Ведь заняться серой цаплей для меня значило расстаться со своей мечтой о путешествиях в дальние уголки нашей Родины. Меня так и подмывало сходить еще и к И.М.Олигеру, попытаться вернуть ускользающую надежду. Но в конце концов я попросил Лену, ту самую, с которой мы ходили к профессору, показать мне эту колонию цапель, так как она знала примерное ее местонахождение.

После посещения колонии я принял окончательное решение - работать на своей родине в Чувашии, и совершенно об этом не жалею. И вот почему. Как говориться в поговорке: "В чужом глазу мы соринку видим, а в своем и бревно не замечаем", так и мы думаем, что интересное - это где-то далеко, а оно, совсем рядом с нами, только надо уметь видеть.

Чувашия оказалась белым пятном в биологическом плане исследований. И эти исследования доставили мне настоящую радость открытий, которые совершались во время, как кратких экскурсий, так и длительных путешествий по республике.

И даже сейчас, после того как я испытал жару Каракумов, поднимался в горы Тянь-Шаня и сопки Сихотэ-Алиня, бродил по северным джунглям Приморья, любовался неповторимой красотой Байкала, плавал по лабиринтам дельты Волги, не кривя душой, могу

сказать, что чувство первооткрывателя я испытал только в Чувашии и нигде больше.

И моя книга, составленная на впечатлениях полученных во время моих путешествий по родной Чувашии, признана доказать истину, высказанную мудрым народом об удивительном свойстве наших глаз.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Череда майских, теплых, солнечных деньков еще не опечалилась черемуховыми холодами. Скоротечные ливни с первыми грозами оживляли изумрудную зелень молодой листвы, заставляя играть ее всевозможными тонами и полутонами. Умытая синева неба становилась какой-то глубокой, неизъяснимо притягательной. Громады парусников-облаков бороздили эту безбрежную синеву, появляясь где-то у горизонта и исчезая за этой же таинственной линией.

Возвышенное, благоухающее состояние природы передается людям. В такие дни душа поет, человеку хочется взлететь и парить, парить, парить бесплотным, невесомым созданием в бесподобной синеве майского неба. Но первое же столкновение с нашим ненавязчивым сервисом низвергает нас на землю, напрочь, ломая выросшие за спиной крылья весеннего настроения.

Консервная банка автобуса, как положено, до отказа набитая маринованными в собственном поту людьми, натужно двигалась по Ядринскому шоссе, чуть не чиркая правым боком серую твердость асфальта. Время от времени автобус останавливался, выдавливая из себя очередную порцию полупереваренных, судя по пышущим жаром лицам, существ и тут же поглощая и утрамбовывая губами-дверьми почти столько, а то и больше, свеженьких жертв этого вида сервиса.

В неестественной позе кильки в томатном соусе, без привычной опоры на обе ноги, так как место нашлось только для носка правого сапога трудно любоваться проползающими мимо пейзажами. Сквозь радужную пленку заливающего глаза едкого пота, иногда проблескивали лужи в обрамлении зелени кювета, да

проступали очертания серого забора ограничивающего проникновение средств передвижения в остатки некогда роскошных Чувашских дубрав, и это, пожалуй, все, что удалось увидеть за тридцать километров поездки.

Наконец настала счастливая минута выдавливаться и нам с Леной, девушкой, которой я был обязан знакомством с профессором, посягнувшим на мою мечту о дальних странах, и предложившим вместо них изучать какую-то колонию серых цапель в соседнем со столичным Моргаушском районе. Несколько удивившись моей навязчивости, Лена все-таки согласилась удовлетворить мое нетерпение поскорее увидеть то, что с успехом должно было мне заменить всех сказочных животных райских уголков, хотя знала месторасположение колонии очень приблизительно. Но я ведь не знал даже и приблизительно! А необходимо было срочно разрешить эту почти Гамлетовскую ситуацию: "Стоит или не стоит?". И вот мы уже выходим на остановке "Шомиково".

Расправив глубоким вздохом изрядно помятую грудную клетку, разогнав интенсивным морганием темные круги, я начинаю осознавать смысл надписи на дорожном указателе, на который, оказывается, направлены мои глаза - "Шомиково, 3". Я поворачиваюсь в ту сторону, куда показывает указатель. Села не видно, но вдали в мареве горячего воздуха угадывается водохранилище.

- Слушай-ка, а нам километров пять прошагать придется, - информирую я Лену.

- Это почему это? - наивно спрашивает она, явно не знакомая с разделом "Указательные знаки" Правил дорожного движения и еще не успевшая осмотреться.

- Видишь ли, - начал я умозрительные рассуждения с наигранной серьезностью, - колония, которую мы ищем, называется Шомиковской, следовательно, она расположена где-то около села под названием Шомиково, а до него три километра. Насколько мне известно, из прочитанных мною некогда книжек, цапли питаются рыбой, а рыба, как известно, плавает в реке. А до реки, которая называется Волгой, километров шесть будет, - продолжал я с улыбкой в душе. Следовательно, где-то там, между селом и Волгой, и надобно искать колонию.

- С чего это ты взял, что до Шомиково три километра? Ты же в этой деревне никогда не был? - резко отметая мои доводы, вставила Лена, все еще уверенная, что мы уже доехали до Шомиково и село и Волга где-то рядом за уступом лесочка.

- Согласен, не был, и все же, знающие люди говорят, что Волга вон в той стороне, - показал я в сторону до сих пор не замечаемой Леной великой реки, - и до нее шесть километров будет. А указатель, у которого мы стоим, показывает в ту сторону, а название и цифра три красноречиво говорят, что даже до Шомиково нам придется прогуляться, - с открытой улыбкой на лице закончил я.

- Так бы сразу и сказал, а то развел тут... - немного обиделась Лена, поняв, что ее разыграли.

- Ну, извини. И давай-ка пойдем. Это будет приятнее, чем ехать кильками в автобусе и стоять тут на дороге, вдыхая всякую гадость. - Думаю, чем тащиться по открытому полю, лучше пойдем по опушке, веселее и прохладнее. И мы согласно зашагали к опушке, выходящего к самой дороге леса.

Через несколько секунд молодой соснячок укрыл нас своей тенью от лучей жаркого солнца. Правда, вместо благодарности возникло подсознательное ощущение, что соснячок здесь не на

своем месте. Постепенно ощущение оформилось в четкую мысль. Конечно, это место, занятое соснячком, испокон веков принадлежало дубу, но, к сожалению, человек решает по своему, часто не согласуя с целесообразностью природы. В настоящее время сосну сажают там, где ее и в помине не было, лишь бы скорее получить продукцию. К моей внутренней радости, посадки сосны быстро закончились, и в свои полноправные владения вступила дубрава.

Опушка - граница: леса и поля, леса и степи, в общем - леса и открытого пространства. Нет, лучше: опушка - леса начало. Да, красивее, но по смыслу все-таки граница: начала и конца. А для животных такие пограничные места, будь то опушка или берег, просто райские. Для животных это не начало одного и не конец другого, для них это сочетание двух начал, начал разнообразных, дающих право выбора. Многочисленные зяблики росчерком расписываются в конце каждой своей громкой, но короткой трели, как бы утверждая эту истину. Тут и пеночка-весничка ставит свою скромную подпись. Сразу три вида славок: черноголовка, серая и садовая, отдают свои голоса в поддержку этого вопроса. А со стороны поля льются журчащими ручейками, частично сливаясь в более крупные потоки, звуки песен полевых жаворонков: "Славься, славься родимое полюшко!".

В это самое время активного впитывания ласкающих ухо птичьих голосов тренированный с детства на всякое движение взгляд ловит на фоне неба крупную, летящую от дубравы к Волге птицу. Резко вскидываю бинокль к глазам, указательный палец правой руки ловким движением устанавливает резкость - Цапля! - ленивый, с ритмическими взмахами широких крыльев полет, длинные ноги вытянуты далеко назад, голова как бы втянута в плечи

- Точно, цапля! Цапли единственные среди длинношеих птиц изгибают ее в полете в виде латинской буквы "зет".

- Интересно, почему она летит с поля? - непроизвольно вслух размышляю я - Ведь в той стороне речек близко нет .

- Насколько мне известно, из некогда прочитанных мною книжек... - очевидно мстя мне за розыгрыш на дороге, начала ответ на мой непроизвольный вопрос Лена, - среди цапель есть любители полакомиться для разнообразия насекомыми и даже грызунами.

Как ни странно, этот ироничный ответ сразу удовлетворил нас обоих, и мы продолжили движение в заданном направлении. Но когда появилась следующая птица, а за ней и третья, мы вынуждены были остановиться и обсудить явившуюся нам картину. Думать долго, однако не пришлось. Две цапли, летящие встречным курсом, натолкнули нас на мысль обследовать участок дубравы, прилегающий к шоссе, вдоль которого мы и двигались. Не мешкая, мы вступили под сень дубовых исполинов.

Величие дубрав меня всегда поражало. В Присурье, где я вырос, дубравы были уже почти сведены на нет. Только темно-коричневые разваливающиеся гнилушки пней почти двухметрового диаметра остались постепенно исчезающей памятью о былом. Их исконные места занимает спелый мелколиственный лес. Лишь дважды, благодаря отцу и школьному лесничеству, я попадал в настоящую дубраву, сохранившуюся по тому времени вдоль озера Долгое. Для меня она явилась воистину сказочным лесом. Лесом из доброй, светлой сказки. Только там, в сказке, по моим детским представлениям, могли расти, держащие на могучих плечах-ветвях бремя веков, с задубелой от ветров времени корой, чудо-великаны. И, наверное, поэтому, даже сейчас, став взрослым, я испытываю

душевный трепет, входя в дубраву как в сказку - сказку моего детства.

Мягко ступая по зеленому снытевому ковру с лилово-фиолетовыми узорами сочевичника и мышиного горошка, мы углубились в лес. Для исследователя в лесу особую важность приобретает слух. Уши в лесу, как минимум, направляющий орган для глаз, и тренированный человек видит в лесной чащобе больше чем глазами. Вот и мы, шли полностью сосредоточившись на звуках леса. Пока все было знакомо, но вот чуткие уши уловили совершенно неизвестный позыв: "Крак", "Крак". Точно, такого глухого, с некоторой натяжкой можно сказать, "карканья" я еще не слышал. Остановились, осмотрелись. Не обнаружив ничего нового, продолжили путь с большим вниманием. Вот вновь отчетливо раздался тот же звук, теперь где-то над самой головой. Моментально подняли головы кверху. Из поля зрения ускользнула за скелеты ветвей планирующая цапля, а в ответ с ближайшего дерева донеслось почти гусиное "гаканье", но тоже какое-то пробитое, надтреснутое. Там-то мы и рассмотрели сквозь переплетения ветвей соседнего дуба крупное гнездо. В этот момент в поле зрения опять вплыла цапля. Глухо "кракнув", она ушла на следующий круг. И тут же слева раздалось такое же "крак", "крак", а через секунду ответное надрывное "Га, га, га". Повернувшись, успел заметить, как ловко цапля села на ветку у гнезда. Да там не одно гнездо, а два. Мы подошли к этому дереву поближе. Оказалось все же тут три гнезда и не на одном дереве, как казалось издали, а каждое на отдельном дубе, выросших в тесной дружбе. Рассмотреть гнезда получше не удалось ни с одной

из ближайших к дереву точек. Слишком густы кроны у дубов, да и высоковато, при всем при том, что еще не распустилась листва.

- Надо же, как удачно! Вышли прямо на колонию, - с нескрываемой радостью высказалась Лена.

- Действительно, даже не верится, - подтвердил я, - и, видимо, это надо рассматривать как окраину. Да здесь и плохо видно. Пойдем, поищем еще.

В приподнятом настроении двинулись дальше. Сделав всего десятка три шагов, оказались на краю глубокого оврага. Лес как бы уходил вниз по склону, а затем спокойно поднимался подругому. Этот лесной провал дал нам возможность сразу увидеть цапельник на противоположной стороне. Мы насчитали целый десяток гнезд. На некоторых гнездах, или рядом стояли цапли. Бинокли дали возможность рассмотреть, что из тех, на которых невооруженным взглядом цапель не было видно, торчат перископы их голов, внимательно наблюдающие за окружением.

- "Крак», «крак", "Га-га-га-га", - над самой головой.

Наши взоры обратились к верху, а над нами четыре гнезда, да два еще справа от нас.

- Черт побери! - рассмеявшись, выругался я.

- Опять эта классика насчет наших глаз. Под носом у себя не сразу замечаем, а тем более, выше.

- Смотри, вон еще одно слева, - показала рукой на незамеченное мною гнездо Лена.

К сожалению и эти гнезда плохо просматривались среди ветвей.

- Придется попытать счастья на той стороне оврага, - констатировал я.

Осторожно, цепляясь за стволы молодых липок и кусты лещины, стараясь не споткнуться, о скрытые снытью валежины, мы спустились на дно оврага. Дно оказалось немного топким, но до ручейка еще дело не дошло. Затем, прилагая значительно больше усилий, подтягиваясь за ветви деревьев и кустарников, совершенно под другим углом положения тела, поднялись на противоположный склон.

Оказалось, мы попали на полуостров, почти правильной треугольной формы, образованный двумя рукавами оврага, отходящими от широчайшего, центрального ложа. Один рукав мы уже пересекли, а другой еще только предстояло преодолеть.

В вершине этого "треугольника", на несколько обособленном, гордо стоящем дубе, располагалось хорошо видимое гнездо. Оно было достаточно массивное, построенное из крупных ветвей, и, несмотря на это, очень компактное, в форме усеченного полушария. Крепилось гнездо в развилке двух сучьев. Над гнездом покачивалась на длинной шее голова серой цапли с кинжалообразным клювом и направленными вниз, скорее всего на нас, выпуклыми глазами. Сейчас пора насиживания и, наверно, торчащие "перископы" голов мы будем видеть над каждым гнездом.

Из того десятка гнезд, которые были видны нам с той стороны, шесть расположились на одном дереве. Раскидистая крона дуба с мощными скелетными ветвями позволяла это сделать свободно. Над гнездами не было ни одного лишнего сучка, которые могли бы помешать взлету и посадке таким ширококрылым птицам, каковыми являются цапли.

Гнезда явно отличались по внешнему виду. При строительстве одних было использовано очень много материала, других - поменьше; одни опрятные, другие неряшливые. Наверное, состояние квартир у них тоже зависит от характера хозяина.

На листве молодых вязов, лещины, жимолости - составляющих подлесок, непосредственно под гнездами цапель, выделялись неестественной для этого места белизной многочисленные пятна помета. Взяв на вооружение эту верную примету, начали обследование полуострова на предмет обнаружения всех гнезд.

Выбирая более разреженные места, мы продирались между деревьями и кустарниками. В условиях густой растительности именно помет заставляет обратить внимание на расположенные выше гнезда. У противоположного "берега" мы, таким образом ,обнаружили пять гнезд, каждое на отдельном дереве. Затем мы вышли к основанию полуострова. Здесь-то мы и нашли, наконец, такие гнезда, которые хорошо были видны. Их было четыре на одном дереве и ничто не закрывало панораму. Мы решили использовать представившуюся возможность и немного понаблюдать за происходящим вокруг.

Рядом оказался огромный пень свежесрубленного дуба. Это нас очень удивило и возмутило: "На каком основании в дубраве ведется рубка?". Ведь мы прекрасно знали, что Чувашские нагорные дубравы находятся под охраной законов республики... Оставив выяснение этого вопроса, как говориться, "на потом", мы удобно устроились на пне и стали рассматривать гнезда в бинокль. В двух из четырех торчали головы цапель. Цапли внимательно наблюдали за нами. То справа, то слева доносились

теперь уже знакомые нам голоса. Это радовало и приводило к выводу, что и за следующим рукавом оврага есть жилые гнезда.

Через некоторое время в небе показался партнер одной из насиживающих цапель. "Крак. Крак". - издает он крик возвещающий

о прибытии, а возможно, это запрос разрешения на посадку, и плавно уходит на круг. Над гнездами, казавшимися пустыми, мгновенно вытягиваются две длинные шеи, несущие любопытные головы, а в правом от нас гнезде цапля приподнимается и глубоко запрокидывает голову назад: "Клу-у-у-у", - хриплый со стоном крик вырывается откуда-то из глубины ее чрева, и как бы вся подается вперед. Такое впечатление создается в результате вытягивания шеи и клюва вверх, с одновременным вставанием во весь рост. В это время партнер уже спланировал на соседнюю ветку, тем самым оказался в поле зрения бинокля, и тоже весь вытянулся. "Га-га-га-га-га" - гогочут довольные друг другом партнеры. Только сейчас, когда они стоят рядом, становится ясно, что прилетевший самец, а в гнезде, соответственно, самка. Ведь они отличаются друг от друга только размерами - самец немного крупнее.

Самка, стоящая на гнезде, делает глубокий книксен, или если по-простому - приседает, выпрямляется она уже с приподнятым хохлом, и выходит из гнезда. Прилетевший партнер спускается в гнездо, едва не задевая выходящую супругу. Он что-то двигает клювом в лотке, возможно, переворачивает яйца или поправляет веточки, затем осторожно усаживается. Самка взлетает и прямым курсом уходит в сторону Волги.

У наблюдаемых нами гнезд устанавливается затишье. Но тишины в колонии нет. То с одной стороны, то с другой слышны запросы на посадку, приветственные восклицания, или выражение удовольствия, что наконец-то смена. После только что проведенного наблюдения нам легко удается классифицировать доносящуюся отовсюду гамму голосов.

Прождав еще минут двадцать, мы поняли, смена партнеров это довольно едкое явление, и нам просто повезло вот так сразу

наблюдать этот процесс. Зато отдохнули и, поднявшись, споро зашагали обратно к "вершине" полуострова.

Бодрость продержалась в нас недолго. Она мигом улетучилась, стоило нам преодолеть главный ствол оврага. О его глубине красноречиво говорил текущий по дну ручей. И это на правом, возвышенном берегу Волги, в шести километрах от русла, эрозия достигла уровня грунтовых вод.

Овраг оврагом, бодрость бодростью, а вышли мы снова прямо на гнезда. Они располагались цепочкой вдоль оврага по одному-два на дереве. Гнезда здесь были не чета тем, которые мы уже видели, и когда я, под первым впечатлением, описал те как массивные, компактные, то, глядя на эти, понял, как глубоко ошибался.

Пред нами были действительно капитальные, мощные постройки, одна к одной. Смотрелись они как гладкие, ровные полусферы метрового диаметра, хотя построены из крючковатых, разномерных веток и сучьев. Не верилось, что сооружены они без рук и топора, одним, а точнее двумя клювами. Но не только человеку дана способность красиво строить.

Все было хорошо, добротно, красиво, но чувствовалось, чего-то не достает здесь. Настораживала какая-то неестественная тишина и пустота около гнезд. Осмотревшись, мы поняли: цапель здесь нет. И дубы, на которых расположены гнезда, стоят очень одиноко, рядом вырублено почти все, и на значительной для дубравы территории.

Что-то тут не так, и это первая задача, с которой мне предстоит разобраться. Да, именно мне. Сердце мое, после знакомства с этими красивыми, интересными птицам, с каждым шагом по колонии все больше и больше склонялось к согласию

заняться их изучением, и, если потребуется, сделать все возможное для сохранения колонии.

Снова перешли главный овраг, теперь уже в обратном направлении. Поднимаясь по склону, мы сразу увидели гнезда еще одного участка колонии. Насчитали здесь двенадцать гнезд, но некоторые, своими маленькими размерами, вызывали сомнения: "Цаплям ли они принадлежат?".

С этого полуострова хорошо были видны гнезда на соседнем, и, видимо, не том, на котором мы были. Но нужно было возвращаться, оставив изучение колонии на другой срок. На выходе с территории колонии малиновогрудый самец чечевицы назойливо спрашивал: "Витю видел?", "Витю видел?". На что я ему, движимый приподнятым настроением, шутливо ответил: "Нет, дорогой мой, не Витю я здесь видел, а цапель, и еще не раз увижу!". Да, я окончательно решил, что вернусь сюда!

КРУГ ИНТЕРЕСОВ РАСШИРЯЕТСЯ .

Если бы не свежая зелень листвы, можно было бы подумать, что и не май на дворе. Солнце палило как в конце июня, словно кто-то нарочно раскочегаривал его термоядерные топки на полную мощность.

На необорудованных волжских пляжах появилась не свойственная этому времени масса загорающих и купающихся.

Несколько таких майских дней нам и выделили учебным планом для проведения весенних экскурсий. И мы, первокурсники, целыми днями пропадали в Заволжье. Обливаясь обильным потом, отлавливали многочисленных, разнообразных насекомых и собирали различные травы для более близкого знакомства с ними в приятной прохладе институтских лабораторий.

Как-то после очередной экскурсии меня отыскала Лена. Она была необычно возбуждена.

- У тебя сегодня прекрасное настроение! - констатировал я при встрече.

- Представляешь, - с ходу начала она, - сегодня мы на экскурсии видели такое, что поинтереснее цапельной колонии будет. Там столько птиц и таких разных, - продолжала взахлеб Лена, - я в жизни не видела такого.

- И где это? - ее возбуждение непосредственно передалось и мне, рождая какое-то нетерпение в моей душе.

- Вот именно, что совсем рядом, под Новочебоксарском, на очистных сооружениях.

- Завтра воскресенье, - быстро прикинул я. - Едем!

Воскресенье. Новочебоксарск. На 13 маршрутном автобусе быстро добрались до самой, что ни на есть, окраины и вышли на предпоследней остановке.

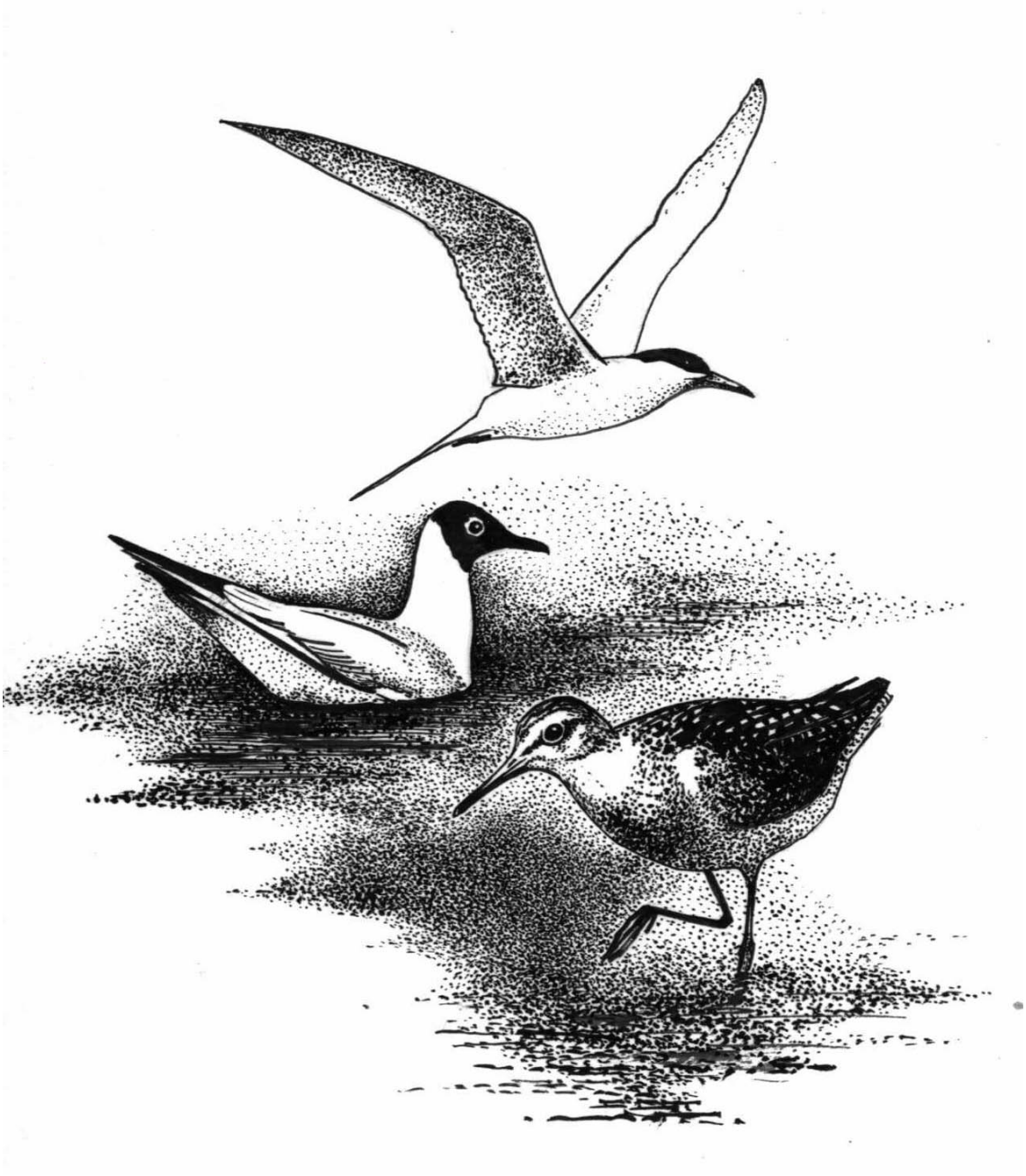
Погода благоприятствовала, но окружающая действительность на месте остановки грозила перекрасить наше радужное настроение в черно-белые тона, а скорее даже в серые. Слева представали серые унылые здания кирпичной и железобетонной индустрии города, покрытые толстым слоем серой пыли, которую она с избытком выдает как побочный продукт. Справа, чуть ли не друг на друге, понатыканы серые, безликие хибары, гордо именуемые дачами. Расположились они на смехотворных земельных участках, таких, что площадь изгородей, отделяющих их друг от друга, разве чуть-чуть уступает таковой, которую они огораживают.

Но нам не сюда, а чуть подальше, где возвышаются очистные тэнки на фоне гиганта Чувашской промышленности - Новочебоксарского химкомбината. Там нас ожидает зрелище, достойное восхищения и удивления.

В нос шибануло таким запашком, что в великом русском языке не сразу и подберешь подходящее словечко, а если и подберешь в запретной его части, то это будет в самый раз - значит, подходим.

Лена ведет мимо закрытой, наиболее оборудованной зоны очистных, к шламонакопителям, в виде квадратов в четверть километра, именуемых в просторечии отстойниками.

Над отстойниками летали речные крачки, как бы опираясь на воздух концами своих острых крыльев. В дальнем конце их было значительно больше.

Поднявшись на стену отстойника, представляющую собой обычную земляную насыпь высотой метров восемь и шириной в верхней части шесть метров, обозрели открывшуюся картину. Три из четырех отстойников до краев заполнены черной, зловонной жижей. К нашему удивлению, в одном из них спокойно плавали белоснежно-сизые озерные чайки. Они что-то собирали клювом с поверхности и взлетели при нашем приближении. В бинокль

хорошо было видно, оперение брюшка не несет на себе и следа этой черной гадости. Значит, в отстойнике не нефтепродукты. По окраине отстойников бродили кулички со смешным названием "фи-фи".

Мы подошли к отстойнику, над которым летало множество крачек. Они сразу обратили внимание на непрошеных визитеров. То одна, то другая крачка после резкого пике зависала над нами, трепеща крыльями: " Киирррр", - в их скрипучем крике слышалась угроза. Затем прерванный полет продолжался с короткими, редкими выкриками: "Кик", "Кик", "Кик", - которые можно расценивать как тревогу.

Отстойник не был заполнен до конца. Поэтому среди жидкости выступали твердые островки очистного субстрата. На них сидели, стояли, что-то делали многочисленные крачки. Бинокль дал возможность понять их действия. Крачки приступили к гнездованию.

Конечно, островки остаются островками - окруженной водой часть суши, будь они из камня, песка, или очистного субстрата. Однако, до чего мы довели природу, если такие изящные бело-сизые птицы с черной береточкой на голове, со щегольски красными ногами и клювами, вынуждены гнездиться среди этой грязи и вони. Неужели мы полностью лишили наших крачек чистоты речных песчаных кос и островов?

А крачки во всю готовили ямки. Кто-то уже насиживал первые отложенные яйца. То и дело среди соседей возникали территориальные споры. Если кто-то нарушал невидимые границы чужого участка, крачка-

хозяйка низко опускала голову и клюв, вздергивала вверх хвост, приспускала крылья, становясь при этом какой-то сутулой. Что ж, поза угрозы должна быть отталкивающей. Забредший на чужую территорию спешил принять безразличную позу: голова и клюв высоко вздернуты, клюв тоже. При этом поворот головы в противоположную от хозяйки сторону как бы говорил: "А мне здесь ничего и не нужно", - но все равно долго испытывать чужое терпение не решался и степенно, независимо ретировался. Да, время размножения не терпит промедления.

Наблюдая за крачками, мы, незаметно для себя, оказались на противоположной стороне отстойников. Только вволю насмотревшись на склоки и заботы крачек, мы, наконец, смогли переключить свое внимание на панораму окрестностей, открывавшуюся с высоты этой стороны отстойников.

Перед нами лежала пойма Цивиля. Сам Цивиль только угадывался по резко поднимающемуся на востоке облесенному историческому берегу. Зеленый разлив лугов, текущий откуда-то с юга между поросшим дубом косогором на востоке и химкомбинатскими корпусами на юго-западе и западе, разбивался о постройки человека на севере и лишь у устья прорывался к самой Волге, как бы вливаясь в ее могучее русло. Ближе к Цивилю в этом серо-зеленом море тут и там виднелись темно-зеленые острова лесов и покрытые щеткой кустарников болот, а недалеко от нас, над низиной, скрытой обрывом отстойника, витало белое облако птиц.

- Нам туда, - показала Лена в сторону живого облака, и мы поспешили навстречу главному чуду в этом уже изрядно испохабленном человеком уголке некогда удивительной по красоте Цивильской поймы.

Наше появление на гребне крайнего отстойника вызвало настоящий взрыв на лежащем под нами болоте. Сотни белых птиц разом поднялись в воздух с неописуемым гвалтом. Какие-то утки спешили удалиться вплавь с ближайших к нам участков вглубь болота. Лишь черношейные поганки крутились почти на месте, пытаясь оценить вероятность опасности.

Переполох продолжался минуты три. Постепенно облако взрыва осело, оставив на фоне голубого неба многочисленные белые пушинки прилетающих и улетающих, а то и просто разминающих крылья озерных чаек. Именно озерные чайки облюбовали это заросшее рогозом болото с обширными "окнами" открытой воды.

Мы с Леной сели на насыпь и спокойно стали рассматривать колонию в бинокли. Чайки больше не обращали на нас никакого

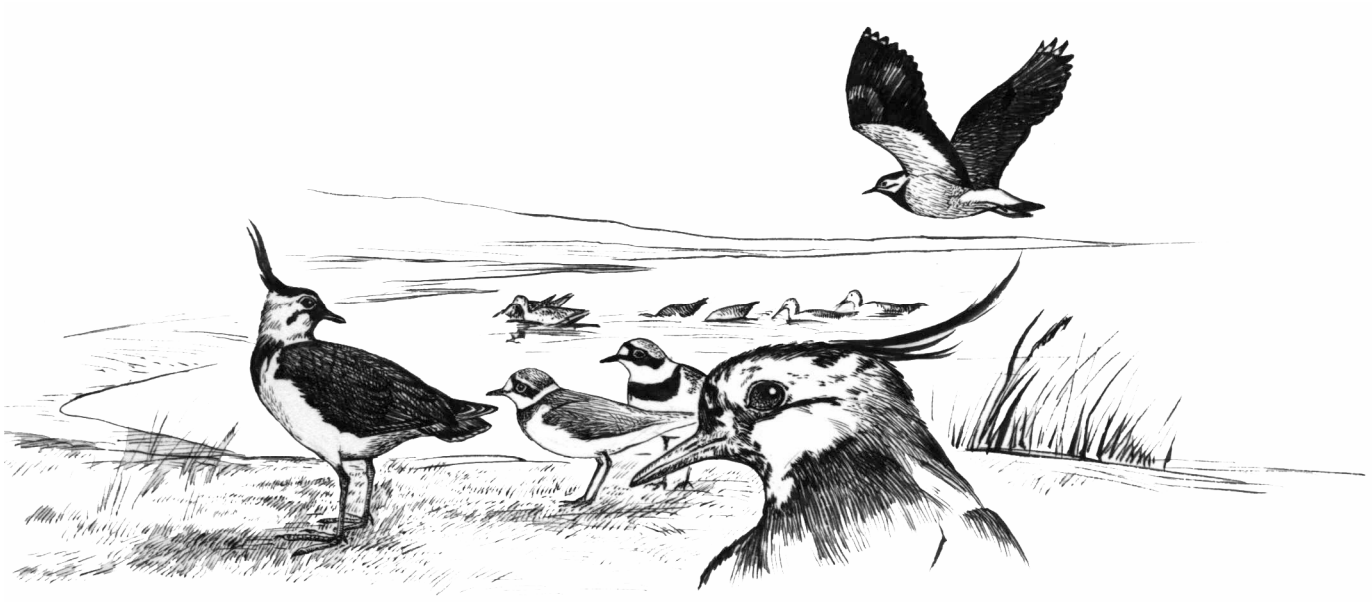
внимания. Они насиживали яйца. Свои гнезда чайки расположили на заломах прошлогоднего рогоза, сквозь побуревшие листья которого дружно пробивались язычки молодой поросли.

То тут, то там из-за рогозовых островов выплывали те самые утки, которые поспешили скрыться при нашем появлении. Ими оказались селезни красноголовых нырков. Название свое они получили по кирпично-красной окраске головы и шеи. Тело этих птиц имеет серебристый струйчатый рисунок. Нырков от речных уток на воде отличает посадка. У нырков хвост как бы опущен в воду, чего не скажешь о речных утках, у них, как говориться, хвост пистолетом - высоко над водой.

Ближе всех к нам плавают черношейные поганки. Они оказались довольно красивыми при ближайшем рассмотрении. Внешне поганки напоминают миниатюрных нырковых уточек, только шейка их выглядит неестественно тонкой. В воде сидят очень глубоко, как перегруженная лодка, и поэтому почти не видна белая окраска низа тела. А верх тела, шея и голова черные, лишь бока рыже-бурые. На голове плотный хохол. Однако, красоту и очарование этой, на первый взгляд, невзрачной птичке придают глаза. Алая радужная оболочка в обрамлении золотистых окологлазничных перышек создает впечатление движущегося огненного кольца, от которого, как бы центробежной силой выбрасывается сноп золотистых искр-перьев. Насколько я знаю, только поганки из наших птиц обладают таким шикарным украшением на голове.

Первое посещение, и как водится, хочется посмотреть все понемногу. С неохотой, оторвавшись от приятного созерцания редкостной картины живой природы, идем в обратном направлении, но с другой стороны очистных. Слева от нас простирается

заболоченная луговина. Здесь только начинается строительство новых шламонакопителей. Такие луга - куличиный рай. Мастера высшего пилотажа птичьего мира - чибисы, резвятся в воздухе. Из их груди исторгается плач восторга. Они самые многочисленные на лугах. То здесь, то там взлетают все новые и новые пары. Продемонстрировав несколько пируэтов, садятся, по инерции пробегая некоторое расстояние, и, встопорщив хохол, беспокойно обхаживаются.

Щеголеватые модники травники со стоном ревности встречают нас в своих угодьях. Их невзрачный, пепельно-серый, переходящий в черное, костюм, с белой, как бы запачканный грязными пятнышками, рубашкой, ни в какое сравнение не идет с праздничным черным, с металлическим зеленым отливом фраком и белоснежной манишкой чибиса, однако красные сапожки ног - воистину верх щегольства.

А справа по краям отстойников с бетонированными стенками бегают небольшие кулички с коротенькими клювиками. Они больше похожи на воробышков, чем на куликов, но это кулики, а не

какие-то там воробышки, это малые зуйки. В грязь лицом они тоже не ударят. При галстуке, с черной повязкой через глаза, как бы присутствуют здесь инкогнито.

Хорошо слышны голоса мородунок и еще каких-то куликов на дальнем плане, разберемся в следующий раз.

Непосредственно у строений станции очистки сточных вод заболоченность лугов сильно возрастает, начинает проблескивать открытая вода. В бинокль видны чирки-трескунки. Селезни этих уток хорошо отличимы по белой косице над глазом. Спокойно плавают пары широконосок. Впечатляюще красивы по окраске оперения селезни. Их черная голова и спина имеют металлический отлив цвета воронова крыла. Бока кирпично-красные, низ белый. Несколько портит впечатление расширенный на конце как лопата клюв, но, видимо, таким удобнее фильтровать ил в поисках пищи.

Эта птичья вотчина привела меня к мысли, что и рядом, как говориться под боком, можно увидеть нечто удивительное, только стоит присмотреться повнимательнее. И конечно, после этого, я укрепился в своем нелегком выборе.

А вот Лена? Лена уехала в заповедник. И после этого она потеряла живой интерес к родному краю, и наши пути разошлись.

ДЕТСТВО ЦАПЕЛЬ

Отцвела черемуха, белым снегом своих цветов охладив благоухающий май до состояния ранней весны. Сильные, холодные дожди быстро превратили свадебную белизну их подвенечного платья в грязные лохмотья, которые и смыли в месиво разъезженных, чавкающих дорог.

Незаметно наступило лето, холодное и дождливое. Но лето это не осень, и солнце, нет-нет, да и появится на несколько часиков подсушить немного излишки влаги. Ближе к середине июня оно все активнее вступало в свои летние права, и иногда ему целые сутки удавалось не пускать дождевые тучи в небесные владения.

В эти летние дни закончилась сессия и началась полевая практика. Несмотря на занятость и неустойчивую погоду, я улучал моменты для посещения Шомиковской колонии, а с переездом в деревню Хыркасы, на основную базу проведения полевой практики, оказался совсем рядом с колонией, и наблюдения стали регулярными.

В мае я подробно изучил структуру колонии. Цапли заселили четыре полуострова между тремя западными рукавами оврага. На ближайшем к шоссе - загнездились семь пар: четыре пары на одном дереве, две на другом и одна на третьем. Гнезда здесь были наименее опрятные, небольшие. Про одно, так вообще, если бы не сидевшая в нем на яйцах цапля, я бы никогда не сказал, что оно принадлежит такой крупной птице. Всего лишь несколько небрежно брошенных веток, сквозь которые видны лежащие в лотке голубые яйца, вот и вся постройка. На втором полуострове

гнездилось девять пар, на третьем их было шестнадцать, а на четвертом одиннадцать. Наиболее массивные и аккуратные гнезда были на последних двух полуостровах, как раз тех, которые мы обнаружили первыми. Все без исключения гнезда расположены высоко на дубах.

В конце мая дубы покрылись листвой, и стало хорошо видно, почти все они суховершинные. Это беда всех нагорных дубрав Чувашии. Дубы сначала суховершинят, а затем погибают. Считают, что это связано с образованием водохранилища. Усугубила это явление морозная зима 1979 года. Тогда произошла массовая гибель дубов. После этого в наших дубравах начались интенсивные санитарные рубки. Не прошел этот процесс и мимо участка, на котором расположились на гнездование серые цапли.

Если вспомнить, еще в первое посещение, мое внимание привлекли восемнадцать основательно отстроенных гнезд по ту сторону основного ствола оврага. До сих пор они пусты.

Как-то случайно повстречались с лесником этого обхода. Из разговора с ним выяснилось, что к цаплям здесь относятся бережно и с интересом. Деревья, на которых расположены гнезда, не трогают при санитарных рубках, даже погибшие. Да и рубку на территории колонии стараются завершить до прилета цапель с мест зимовки, а ведется она с того самого злополучного 1979 года.

Лесник оказался человеком наблюдательным, даже сроки прилета по годам назвал. В прошлом 1981 году цапли прилетели 6-го апреля, а в этом году 7-го апреля. Эти восемнадцать гнезд, птицы покинули только в этом году. Хотя рубка на участке, занимаемом цаплями, завершилась 6-го апреля, то есть до прилета. Серые цапли с этого участка переселились на два ближайших к

дороге полуострова по ту сторону оврага, где и построили себе новые гнезда.

Этот разговор, при некотором осмысливании, давал ответы на многие вопросы. Хотя и говорил лесник, что закончили рубку еще до прилета цапель, но, видимо, они ее сильно затянули в этом году, а цапли прилетели чуть раньше указанного срока. Треск мотопил, костры горящих сучьев, присутствие людей - все это сильнейшие факторы беспокойства. Цапли вынуждены были бросить обустроенные многолетним трудом, обжитые гнезда и начать строить новые квартиры по другую сторону оврага, где рубку осуществили еще зимой. В том направлении и в предыдущие годы шло расширение колонии, итам уже были освоены два дальних от дороги полуострова. Беженцам пришлось заселять два соседних пустующих, изрядно облысевших после вырубки. Этим и объясняется некоторая необустроенность гнезд на вновь заселенных участках.

В то же время, как о сокращении численно пары - больше, чем в про вопросов не угас, н Появлялись все новые и новые вопросы, разрешить которые можно было, только наблюдая за жизнью цапель.

В последней декаде мая в гнездах

цапель начали вылупляться птенцы. И к началу июня долгожданное пополнение появилось практически во всех гнездах. Забот у родителей значительно прибавилось. Довольно дождливая и прохладная весна требовала

постоянного присутствия одного из родителей рядом с птенцами. Своих чад требовалось обогреть и укрыть от непогоды. Но это не вносило каких-то осложнений в обеспечение кормом беспомощных желторотиков.

На первый взгляд кажется трудным прокормить ораву из трех-четырех, а то и пяти голодных ртов при посменной работе родителей. Однако птенцы маленькие, а родители приносят за один раз очень много пищи и поэтому достаточно кормить их в этот период два, иногда три раза в сутки.

После прилета родителей с кормом происходит смена партнера на дежурстве. Церемония смены точно такая, как и в период насиживания, но постепенно, со взрослением птенцов, некоторые элементы церемонии исполняются менее четко, а такие, как приседания и вытягивания, становятся нерегулярными.

В те редкие солнечные часы, когда можно было отвлечься от обогрева, цапли-родители принимали солнечные ванны. Их поза с приспущенными крыльями напоминала человека с заложенными назад руками. Ванны принимались или стоя, или сидя, большей частью со стороны груди, на которой перья взъерошиваются клювом. Когда выдавался целиком теплый, солнечный денечек, дежурившие цапли позволяли себе большие послабления. Помногу времени стояли на гнезде в комфортных, расслабленных позах. При этом шея всегда находится в согнутом положении и голова как бы утопает в мягком оперении плеч. Иногда они вообще прячут голову под крыло, но ненадолго.

Цапли очень аккуратно следят за своим оперением. И в часы отдыха можно наблюдать за туалетом красивой птицы. Оперение перебирается и чистится клювом, начиная с груди, переходя на туловище, а затем на поочередно распускаемые крылья, где каждое перышко подвергается тщательному уходу. Даже шею умудряются чистить клювом, но расчесать оперение головы возможно только ногами.

Такие чистюли ревниво относятся не только к состоянию своего оперения, но и к чистоте и порядку своего гнезда. Постоянно перебираются веточки, выбрасываются какие-то мелкие предметы.

В начале июня количество кормлений увеличилось до 3-4 раз. Птенцы растут, следовательно, требуют больше корма. Но дежурства пока остались постоянными, только меньше времени стало тратиться на обогрев птенцов. Сами птенцы заметно подросли. Их смешные головки с пуховыми, напоминающие одуванчики, хохлами и несоразмерно большими клювами, все большие периоды времени начинают торчать над лотками гнезд.

Кормить птенцов цапли начинают с первого дня их появления на свет. Вначале кормят полупереваренной пищей, отрыгивая ее не прямо в клюв своим детям, как это делают многие другие птицы, а на дно лотка. Родителя, вернувшегося с кормежки, теперь встречает не только партнер, выполняя обязательную церемонию смены поста. Его встречают птенцы, вытягивающие щуплые шейки и издавая при том своеобразные чавкающие звуки: "Чак-чак-чак-чак-чак-чак". Прилетевший некоторое время стоит на гнезде с независимым видом, несколько подняв клюв кверху. Проголодавшиеся птенцы в это время начинают вытворять нечто похожее на клоунаду. То, вытягивая головку на тонкой шейке, то, зябко втягивая ее в плечики, то, приседая, то, вообще, распластываясь по лотку гнезда, растопыривая и складывая беспомощные культяшки крыльев, и все это с широко открытыми голодными клювиками. В этологической литературе такое поведение птенцов получило довольно точное название - "юродство". Конечно, никакая, даже черствая, душа не устоит перед таким набором поз выклянчивания, а тем более кормилец. Он резко наклоняется, так, что почти касается дна гнезда кончиком клюва, делает внутреннее усилие и отрыгивает полупереваренную пищу. Затем также резко выпрямляется. А птенцы хватают склизкие

пищевые комки и, задирая клювы кверху, делая импульсивные движения шеей, проталкивают их по длинному пищеводу в желудок, постоянно требующий своей нормы.

Иногда, прилетевший с кормом родитель, то ли для того,

чтобы подзадорить своих птенцов, то ли еще для чего, некоторое время уклоняется от своей непосредственной обязанности. Он чуть ли не вертикально задирает клюв, но шея при этом остается согнутой, или, наоборот, вытягивает шею, а клюв только чуть приподнимает, и ни в какую не хочет отрыгивать пищу. Вот в эти моменты наблюдается наиболее уморительное юродствование. И когда, наконец, кормилец соизволяет склониться, чтобы отрыгнуть

пищу, наиболее нетерпеливые птенцы хватают своими клювиками его клюв, распластывая тело по гнезду и, хлопая крыльями, пытаются как можно быстрее склонить родительскую голову к лотку, где должен произойти наиболее желаемый сейчас акт отдачи еды. Накормленные птенцы успокаиваются и засыпают, а родители подъедают не съеденные остатки пищи.

К середине июня постоянные дежурства около птенцов прекратились, но увеличилось число прилетов для кормления, до 4-х раз. Встречи родителей у гнезда, если и происходили, то совершенно случайно.

Шло время, птенцы быстро взрослели. К концу июня количество кормежек вновь уменьшилось до двух раз в сутки. Взрослых птенцов цапли кормят почти свежей пищей. В колонии стало скучновато, и я решил выяснить, где цапли добывают корм.

Во время наблюдений в колонии было замечено, небольшая часть цапель, с определенных гнезд, летает в прямо противоположную от Волги сторону и, естественно, возвращаются не с нее. Но сначала необходимо узнать, где столуется основная масса птиц. Наш преподаватель Н.Т.Хмельков говорил, что раньше цапли кормились на мелководном заливчике, образовавшемся в правобережье после затопления пойменных лугов водами Чебоксарского водохранилища, почти напротив месторасположения колонии.

В запланированный день, несмотря на идущий с ночи дождь, я отправился от колонии к Волге. Путь мой пролегал то по опушке дубравы, то луговинами между участками леса, то самим лесом. При движении хорошо ощущалось постепенное понижение местности. Несильный дождь не спешил промочить мою одежду. Однако в лесу... Каждый куст, ненароком задетый мной, считал

своим долгом окатить меня скопившейся на его листве влагой. Поэтому вскоре я изрядно вымок, но холода не испытывал, дождь был по-летнему теплый, а температура воздуха достаточно высокой.

Вышел я к небольшому заливчику в горловине огромного оврага. По ту сторону оврага простирались поля, а у самой подошвы сохранился небольшой лоскуток пойменного луга с маленьким островком леса. На лугу, не обращая внимания на непогоду, кормились озерные чайки. Дальше за пеленой дождя ничего не было видно.

Понемногу дождь стал редеть. Над Волгой появились сизые чайки, вылетел на облет своих владений коршун. В сплошной облачности появились разрывы, словно трещины на весеннем льду. Дождь прекратился. Безбрежное поле дождевых туч окончательно распалось. И громады отдельных облаков, гонимые ветром, понеслись по синему небу подобно льдинам в ледоход на реке. В разрывы, то исчезающие, то вновь появляющиеся, проглядывало солнышко. Используя каждое предоставленное ему мгновение, для того, чтобы приободрить все живое на Земле. Вот, мол, я, такое же жаркое и совершенно невредимое, ничего со мной за тучами не случилось.

Спустя некоторое время, со стороны колонии показались три цапли. Они пролетели над заливчиком и опустились где-то на середине Приплотинного плеса водохранилища. Видимо там какая-то отмель. Но даже в бинокль, из-за туманных испарений идущих от воды, нельзя было рассмотреть, что это за место. Появилась еще одна цапля. Она села на мелководье заливчика и застыла в ожидании добычи.

В этот и другие дни наблюдения удалось выяснить, что большинство цапель летает на кормежку очень далеко от колонии,

порядка 10-15 километров, на новообразовавшиеся мелководья. Эти мелководья, расположенные в зоне левобережья, очень обширны, так как когда-то они представляли собой великолепные пойменные луга. В ближайшее время планируется следующий этап поднятия уровня водохранилища. Мелководья Приплотинного плеса исчезнут. Цаплям придется летать еще дальше, в район Козьмодемьянского расширения, где затоплению подвергнутся огромные территории. Там, за счет обширной площади, глубина водохранилища будет меньшей, и цаплям будет, где кормиться. Однако, дальность расстояния может привести к негативным последствиям для колонии.

После того как были выяснены наиболее предпочтительные места кормежки, оставалось узнать, куда летают те единичные особи, отправляясь с колонии в противоположную от Волги сторону.

Я миновал небольшой лесок за Ядринским трактом. Передо мной разлилось светло-зеленое безбрежье полей. Маленькие клочки лесных участков выделялись темной зеленью. Хорошо видны были и несколько серо-коричневых пятен деревень. Долго пришлось побродить по полевым дорогам, прежде чем около одного лесочка я наткнулся на небольшой пруд. Местные мальчишки медоткой из мешковины ловили в нем маленьких карасиков.

- Как ловится, пацаны? - спросил я для завязки разговора.

- Нормально, - ответили хором они. - На уху хватит.

- А много бывает тут любителей половить рыбу?

- Много. И пацаны, и взрослые после работы бродят, - не уловив иного смысла вопроса, ответил самый маленький в этой компании, видимо, самый боевой.

- Это понятно. А птицы большие, серые, красивые здесь не ловят рыбу? - пояснил я суть предыдущего вопроса.

- Цапли что ли? - со знающим видом вопросил тот же малой. - Бывает, что и здесь ловят, но больше летают дальше, там несколько больших прудов, да и рыбы там больше.

Вот так в непринужденном разговоре разрешился этот вопрос. И это неудивительно, ведь почти любой исследователь делает открытие факта, давно уже известного местному населению, но приоритет остается за исследователем, потому что он первым доводит этот факт большинству общества. Подтвердили ребята и то, что некоторые цапли кормятся на полях. Давно известно, среди цапель есть любители грызунов и саранчи, которых и добывают на полях. Выходит, что есть они и в Шомиковской колонии.

Пока осуществлялись поиски мест кормежки и путей к ним, в это время в колонии птенцы учились летать. Они стали большими и в гнезде им не стало хватать места. Поэтому желторотики проводили большую часть времени на соседних ветках, тренируя холостыми взмахами сформировавшиеся крылья. Кроме этого, они с большой охотой учились передвигаться по ветвям, перепархивать с ветки на ветку, а затем и с дерева на дерево. Постепенно полеты становились все увереннее и увереннее. В первой декаде июля опустели первые гнезда. А к 15 числу опустела вся колония. Здесь стало необычно тихо, и грусть закралась в мое сердце. Цаплята вступили в самостоятельную жизнь, полную сложностей и опасностей. Домом им теперь станут прибрежные заросли озер, прудов, рек. По ним они будут путешествовать все оставшееся теплое время в поисках лучших кормных мест.

БРАЧНЫЕ ИГРЫ НА ЛЬДУ

Полевой сезон орнитолога начинается ранней весной и быстро достигает своего первого пика активности в период массового прилета птиц. Этот период очень сложен из-за часто меняющихся климатических условий. Когда после морозной ночи наступает непривычно теплый, солнечный день. Когда неожиданно среди ясного дня налетают тучи, идет дождь, переходящий в снег, и сухую приятную погоду сменяет промозглая сырь, перед выходом из дома долго думаешь: "Какая экипировка подойдет на сегодня? " А затем, однозначно решив, что накидка от дождя и свитер лишними не будут, кладешь их в рюкзак, несмотря на обещанную гидрометцентром хорошую погоду.

Однако период этот наиболее интересный и привлекательный. После длинной, успевшей наскучить, зимы происходит радостное пробуждение природы. Начало пробуждения всегда связано с таянием снегов и прилетом птиц. Тысячами, десятками, сотнями тысяч летят они на север, где ждет их таинство бракосочетания и зачатия новой жизни. Они стремятся к этому через непогоду, дальние расстояния, через смерть, так часто встречающуюся на их пути и не только в виде дробовых ружейных зарядов. Преодолев все невзгоды, они несут пробуждение в сонную зимнюю страну.

В такое время невозможно усидеть в каменных джунглях города. Внутри что-то зовет, тянет и, поддавшись этому зову, ты целыми неделями бродишь по лесам и лугам, плаваешь на лодке по талым водам, вдыхаешь полной грудью сырой, настоянной на весенней свежести воздух, любуешься разливами рек, красотой брачного оперения птиц, и приобщаешься душою к возвышенному

чувству пробуждения и ликования. Полностью забыв при этом об основном роде своих занятий.

В эту весну мне пришлось выбирать между Шомиковской колонией серых цапель и Новочебоксарской колонией озерных чаек. И те, и другие прилетают очень рано, в первой декаде апреля. Пронаблюдать ритуалы образования семейных пар заманчиво и у тех, и у других. Решающей в этом нелегком выборе оказалась поездка в марте месяце на Шомиковскую колонию. Там я окончательно убедился в невозможности сооружения укрытия на деревьях для наблюдения за цаплями, очень высоко. Поэтому я, не теряя времени, приступил к его строительству на чаячьей колонии, чтобы понаблюдать за брачным ритуалом озерных чаек.

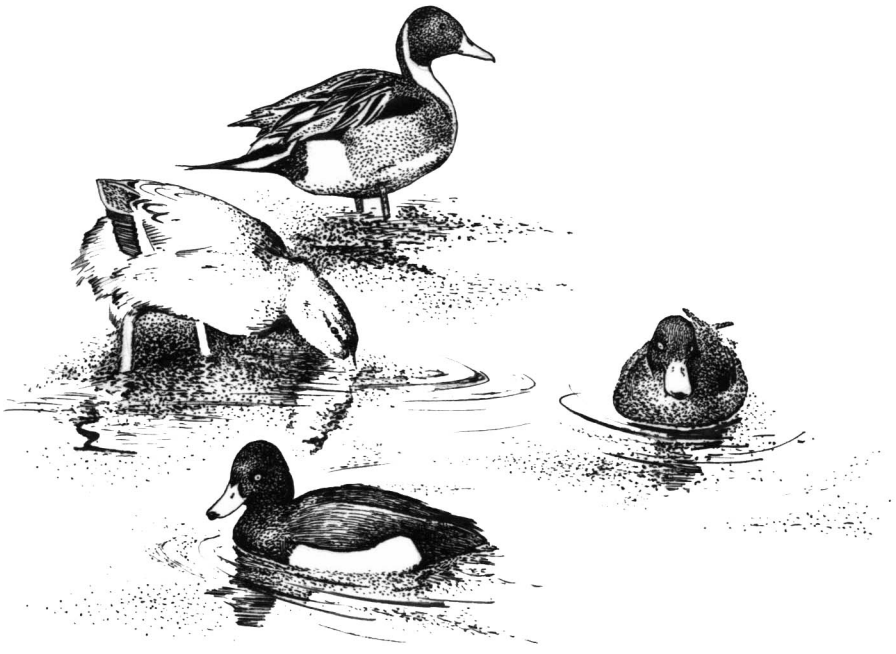
На каркас пошли дубовые сучья, принесенные из ближайшего лесочка. Покрывал шалаш остатками сена со стоговищ вперемежку с нарезанными прошлогодними листьями рогоза. Чтобы все это сооружение не разлетелось на весенних ветрах, пришлось еще соорудить и наружный каркас. Внутри настелил на лед много сена, чтобы ноги несильно мерзли. Проделав отверстия для наблюдения во все четыре стороны, я счел свое укрытие готовым к работе. Воспользоваться им пришлось неожиданно скоро.

Март шел как обычно. Шестого прилетели грачи. С двадцать третьего началось заметное снеготаяние, и у скворечен запели скворцы. Двадцать седьмого отмечены первые проталины на полях, прилетели жаворонки. И вдруг, проснувшись первого апреля, вижу в окна своей комнаты не робкую капель солнечного утра после морозной ночи, а настоящие водопады, низвергающиеся с крыш. Водосточные трубы не справляются с потоками мгновенно тающего снега, и вода переливается прямо через карниз. Перевожу взгляд

на столбик термометра: «Батюшки-светы, десять градусов! И это утром, что же будет днем?"

Пока добирался до остановки сто одиннадцатого автобуса, идущего в Новочебоксарск, видел сизых чаек в небе над городом. Через час уже проезжал мимо тракторного завода, с нетерпением ожидая его окраины - там свалка. Вот и она. Точно, белые птицы кружились над оттаявшей горой отбросов. Озерные чайки прилетели.

Вскоре я был на очистных. Что тут творилось... Залитые водой низины, очистившиеся от снега возвышенности, и утки, утки, везде утки. В воздухе вереницы крякв. На воде плавают их же стайки. Какие наряды у селезней! Чего стоит изумрудный металлик перьев шеи и головы с контрастирующим ярко-желтым клювом. Белое ожерелье отделяет драгоценный верх от красно-коричневой груди. На светло-серой струйчатой окраске тела резко выделяются фиолетовые зеркальца на крыльях и темно-зеленый хвост. Изрядные, изрядные красавцы, особенно рядом с

невзрачными пестренькими уточками. А на дальнем плане, в районе Цивильского устья, в обширной переполненной водой низине целая армада черных уток, скорее всего северные виды – или турпаны, или синьга.

Подхожу к колонии, над ней кружатся, кричат озерные чайки, но никто не садится. Лед на территории покрыт водой. Она просто-напросто не успевает стекать.

Я целый день провел в Цивильской пойме. К сожалению, обычные сапоги не дали возможности добраться во все места. И большую часть времени я просидел на возвышенностях, наблюдая за происходящим. Снег таял на глазах. Его обширные поля уменьшались и уменьшались. Все больше открывалась земля, покрытая бурой прошлогодней травой. Все дальше и дальше выползала из низин вода, захватывая новые участки. Я всем телом ощущал непривычное после зимы повышение температуры. Вечером мне сообщили, что она в полдень достигла 14 градусов.

К полудню в небе появились клинья гусей. Шли серые и белолобые. Их стаи насчитывали от 60-ти до 140 птиц. Они держали северное и восточное направления.

Вечером все чайки улетели на Волгу. Я счастливый, переполненный впечатлениями, словно на крыльях, возвращался в Новочебоксарск. Душа пела, заглушив голодные позывные желудка. На ночь я нашел приют в квартире своего брата в Новочебоксарске.

Утром, чуть свет, я снова был на колонии. Ночь простояла пасмурная и теплая. Снег на лугах почти стаял, залив их водой. С воды при моем приближении то и дело слетали кряквы, а в одном месте поднялись семь гусей. Я проследил за их полетом. Недалеко от Цивиля к ним присоединились еще более трех десятков

сородичей, и вся стая ушла на Волгу. На одном из отстойников, чуть обособленно от крякв, кормилась парочка гоголей. Фрак селезня цвета вороненой стали, с однотонным капюшоном, белая манишка более подходящи к свадебному торжеству и эффектно выделяются среди одеяний кряковых собратьев, а белые пятнышки на щеках привлекают, как румянец на лицах девушек.

Над колонией чаек еще не было. Зато над обсыхающими возвышенностями появились чибисы. Они обычно раньше водоплавающих птиц прибывают к нам. На этот раз весна застала их врасплох.

Сегодня я в болотных сапогах и поэтому сумел добраться до Цивиля. Вода шла поверх льда и в некоторых местах с пониженными берегами выходила за их пределы. Рядом в переполненной ложбине скопились на отдых несколько сотен уток. В основном, это кряквы и хохлатые чернети. Среди этой массы удалось разглядеть несколько десятков шилохвостей. Северные утки улетели дальше. Почему-то до сих пор нет чирков.

Дошел до дубравы. Тут очень шумно. Только здесь замечаешь, что идет пролет и мелких птиц. Стайки зеленушек и овсянок, множество зябликов. Все это щебечет, прыгает, мельтешит. Сколько птиц успело прибыть за ночь! И продолжает прибывать. На расчистившемся от туч небе, то здесь, то там видны вереницы уток и углы гусиных стай.

После полудня Цивиль вышел из берегов, затопляя все вокруг. Я еле успел возвратиться на стены отстойников. Чайки кружились над местом своего гнездовья. По-прежнему не желая спускаться.

На следующий день вешние воды подточили закраины льда и взломали его. Начался ранний ледоход. Стук и треск стоял в воздухе от натыкающихся и ломающихся при этом льдин. Иногда

раздавались оглушающие выстрелы лопающегося льда. В ледоходе заключена своя первозданная, необузданная природная сила. В нем есть собственная красота беспорядочной архитектуры и своеобразие цвета. Льдины различной геометрической конфигурации, белые и грязно-белые, выступающие над водой, и темно-зеленые, почти полностью погруженные в ее мутное нутро, плыли толкаясь и громоздясь друг на друга. Со льдин, выпираемых вверх, стекала вся свободная вода, и изъеденный ею до тончайшего, ажурного строения лед начинал сверкать и переливаться как сказочный дворец, составленный из друз горного хрусталя. Вся эта красота внезапно рушилась и возникала вновь.

Ледяные поля несли с собой стволы деревьев, бревна и очень много различного хлама человеческой бесхозяйственности. Льдины в своей борьбе выталкивали соседей за пределы русла, и они застревали там, на мелководье, обреченные дотаивать на суше после спада воды.

В эти дни массой пошла свиязь, ей сопутствовали чернети. Их пролет длился несколько дней.

Ночами вернулись морозы, и днем стало не так жарко, как в первые апрельские дни. Мощная подпитка от таяния снегов в лесах в связи с похолоданием резко ослабла, и Цивиль постепенно вошел в свое русло.

На колонии оголился лед, и я решил пройти к шалашу. В самом начале с трудом преодолел переполненную водой канаву. Еле-еле хватило высоты моих болотников. За эти дни у ледяного поля, покрывающего болото, образовались приличные закраины. С великой осторожностью я пробовал лед на крепость. С краев он рушился, и я перенес попытки взойти на основное поле через лед, скрепленный растениями. Края здесь оказались

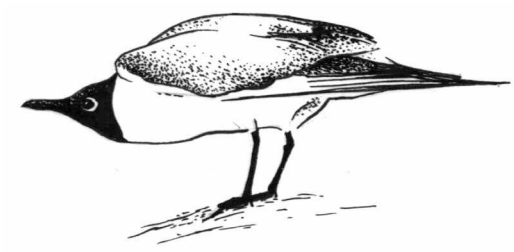
действительно крепче, и я взошел на ледяное покрывало. Оно все было в дырках, такое ноздреватое, серо-синее. При моем осторожном ходе из дырок выдавливалась вода.

Шалаш пострадал лишь немного, не было сильных ветров. Но подстилка вымокла изрядно, и вряд ли теперь будет греть ноги. Поправив, что было необходимо, я вернулся тем же путем.

Чайки по-прежнему прилетали утром и улетали вечером. Лишь на шестой день я увидел их на льду и заломах рогоза. Они садились, кричали и снова взлетали, но большая часть их оставалась в воздухе. Еще через день я заметил у них элементы брачного поведения, значит, можно приступать к наблюдениям. За это время на сопредельных территориях появились красноголовые нырки, а из куликов - мородунки и поручейники.

Утром следующих суток, если непроглядную темень в половине пятого можно назвать утром, я с глубоким сожалением в душе покинул теплую квартиру в Новочебоксарске и зашагал на очистные ,к своему шалашу.

Чуть больше получаса понадобилось мне, чтобы дойти до колонии. В темноте, с большой осторожностью, преодолел канаву и оттаявшие забреги. С опаской ступил на шершавый, с хрустящей корочкой наледи, неверный весенний лед. Не спеша, осторожно проверяя пружинящим нажимом ноги его прочность, я дошел до шалаша, и укрылся в нем. Поудобнее уселся на предусмотрительно захваченном с собой пластмассовом ведре. После ходьбы холода пока не ощущалось.

Скучать пришлось недолго. В половине шестого послышались крики подлетающих чаек. Голосов становилось все больше и больше, но самих птиц я пока не видел, они кружились где-то надо мной.

Через некоторое время чайки стали садиться на заломы рогоза и на лед. Воздух посерел, и силуэты севших птиц четко обозначились над линией горизонта.

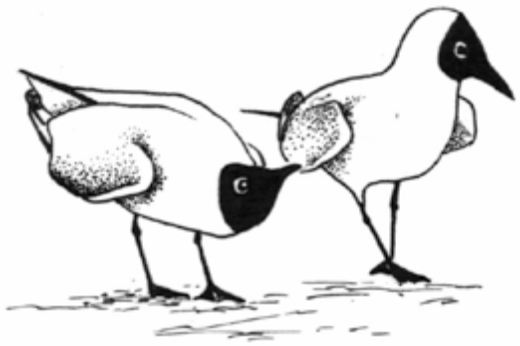
Незаметно становилось все светлее и светлее. В какое смотровое отверстие ни посмотри, всюду вокруг моего шалаша чайки. Они стояли, расхаживали, ссорились, взлетали, садились, и все это сопровождалось общим шумовым эффектом голосов и крыльев. Присмотревшись, я стал отмечать обособленные пары среди общей массы. Сначала было совершенно непонятно, где здесь новобрачные пары, а где просто соседи? Чайки садились на лед поодиночке, а начало взаимоотношений между сближающимися птицами было скорее похоже на угрозу, чем на предложение о знакомстве. Посудите сами: все видели, как атакует гусь своего противника. Распластав горизонтально полусложенные крылья и вытянув шею параллельно поверхности, он как бы стелется по земле. Точно так и чайки атакуют своего сородича. А вот продолжений этой демонстрации у чаек оказалось два. В одном случае начиналось бурное выяснение отношений с вторгшимся на чужую территорию нарушителем. В другом, атакуемый оказывался партнером, и он принимал точно такую же позу и вставал параллельно. Затем партнеры, наигранно отвернув друг от друга головы, полуобернувшись при этом всем торсом, с широко

расправленными плечами и заложенными за спину руками-крыльями, заканчивали на этом демонстрацию неприязни.

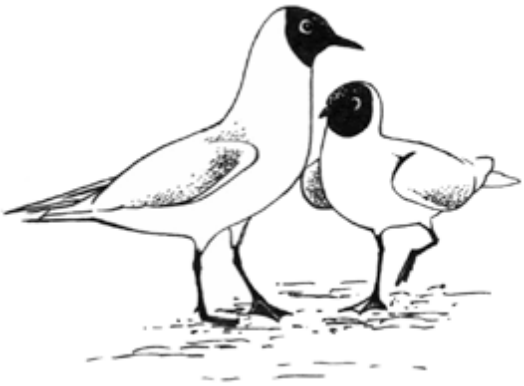

Впоследствии, насмотревшись на такие демонстрации во время длительных наблюдений, удалось отметить одно отличие в позе поступательного движения хозяина территории к рядом опустившейся птице, в зависимости от того, кем она является: партнером или соперником. Оказалось, что когда в распластанной, стелящейся позе угрозы птица спешит к сопернику, тогда клюв держится горизонтально, а когда к партнеру - он приподнят кверху.

А вот отличий в специфическом, так называемом, "долгом крике", которым предупреждается, как и в первом случае, и соперник, и партнер установить не удалось.

Голова поднята высоко горизонтально, а крылья чуть приспущены. Из гортани вырывается очень мощный, высокий крик. Возможно, я со своим слабоватым музыкальным слухом не улавливаю в этот момент разницу в высоте звука?

Спаривание у чаек, фиксирующее брачный договор, наблюдалось в этот день только у отдельных пар. В последующие дни этот процесс стал массовым, и большинство супружеских пар завершали им брачные игры.

Спаривание происходит после другого ритуального действия "кормления". Самка принимает позу выпрашивающего корм птенца. Тело, как и в случае позы угрозы, распластано, но при этом нет идеальной ровности спины и шеи. Напротив, спина как бы сгорблена, шея немного прогнута вниз, клюв полураскрыт и направлен вверх, да и звук, издаваемый самкой в этот момент, напоминает свист птенца. Самец воспринимает ритуальную игру как действительную просьбу и отрыгивает небольшое количество полупереваренной пищи. Самка со всей серьезностью принимает подарок.

И все же чаще, реальное действие заменено имитацией.

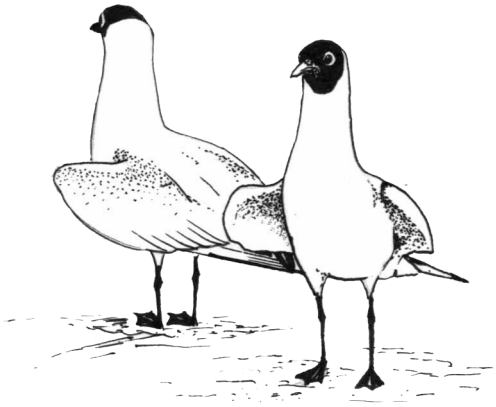
После ритуального кормления самец начинает «закручивать самку». С распластанной позы, постепенно выпрямляясь, он стремится зайти со стороны клюва – «лицо в лицо». Самка, как бы стремясь не допустить обхода вокруг нее, поворачивается по малому диаметру. И хотя самец следует по внешнему кругу, уже в конце первого вращения шеи партнеров перекрещиваются, а в конце второго ли третьего самец

оказывается сзади и сразу вспархивает на таз самки. Взмахивая крыльями, пытается удержать равновесие. Однако копуляции пока, обычно не происходит – это произойдет чуть позднее, ближе к началу гнездостроения. Пока наблюдаешь, не замечаешь, как день вступает в свои права. К 10-11 часам чайки в большинстве своем успокаиваются, принимают позы отдыха. Многие дремлют, втянув голову в плечи, или спрятав ее под крыло, при этом частенько на одной ноге. Другие проводят уход за оперением. А те, которым не надоело ссориться, выясняют отношения на местах будущих гнезд.

Описывая брачные взаимоотношения, нельзя не обратить внимание на красоту свадебного наряда озерных чаек, который они с блеском демонстрируют друг другу в лучах яркого весеннего солнца. У жениха сизый с черными полами фрак. Хотя и не очень характерный цвет для торжественных случаев, но очень изящный. Белоснежная манишка легко контрастирует с сизым фраком. Белые лосины штанов заправлены в сапоги кровяно-красного цвета. У невесты платье непорочной белизны с воздушной сизой накидкой и красные сапожки. Однако, оба молодожена, почему-то, в темно-коричневых масках, из-под которых выступают темно-красные клювы, как будто совершается тайный брак. Хотя свидетели и слева, и справа. В тоже время и они пытаются сохранить свое лицо в тайне.

Надеюсь, читатели поймут из этого сочного описания, что брачные наряды и самца, и самки совершенно одинаковы, и внешне они практически неотличимы друг от друга. Отличить их можно только по поведению, впрочем, когда долго наблюдаешь, замечаешь, что самочка рядом с самцом выглядит намного изящнее, женственнее что ли.

Покидал я шалаш после полудня. В это время большинство чаек отдыхало, и я своим появлением вызвал ужасный переполох. Чайки, вначале бросились врассыпную от неожиданности, быстро опомнились и предприняли ряд атак на меня. Налетая сверху, а затем, неожиданно тормозя на достаточно приличном от меня расстоянии, истошно ругались за такую наглость с моей стороны.

Такие взрывы возмущения нередки в колонии. Иногда они происходят даже без видимых причин, но чаще при появлении какого-либо пернатого или наземного хищника, а также человека.

Наблюдать за брачным поведением чаек мне удалось в течение четырех дней, пока провалившийся подо мной лед наглядно не продемонстрировал опасность дальнейшего посещения. Хорошо еще, что провалился я недалеко от берега и, искупавшись по пояс в ледяной воде, понял, пора кончать.

А в это время, рядом с колонией остановились транзитные путешественники - турухтаны. Небольшая стайка, всего шестнадцать птиц и все самцы. Видимо, самки летят отдельно, возможно, позже. Им еще лететь и лететь до болот северной тайги и тундры. Там они осуществят балетную постановку типа "танца с

саблями". А пока "актеры" воспользовались передышкой в пути и усиленно репетируют.

Расфранченные петушки, на которых вы не увидите двух одинаковых костюмов, до удивления напоминают кавалеров-дуэлянтов Франции. Распустив прекрасные воротники, выставив вперед шпаги-клювы и позабыв все на свете, фехтуют. Один за другим следуют выпады, прыжки вверх, своевременные отступления и отклонения, но все это лишь имитация - танец, где не пускаются в ход ни клюв-шпага, ни кулаки крылья. Репетиции часто резко прерываются, и кулики, уложив воротники, бродят в поисках пищи, но вдруг, неожиданно, все начинается сначала.

Однако, к глубочайшему сожалению, как ни прекрасно это и другие действия театрализованного представления, поставленные талантливым режиссером – весной, и разыгранное великолепными пернатыми артистами на луговой сцене Цивильской поймы, основной род деятельности требует заканчивать посещение спектаклей первого этапа начавшегося театрального сезона.

ПЕРВЫЕ ПОИСКИ, ПЕРВАЯ УДАЧА

Брачные торжества на Новочебоксарской колонии закончились, начались будни насиживания. А мой мозг все более нетерпимо сверлила одна и та же мысль: "Не может быть, чтобы в нашей, хотя и маленькой республике, омываемой водами двух крупных рек - Волги и Суры, существовала только одна колония серых цапель?"

Эта мысль зародилась сразу, после того как я познакомился с этими красивыми птицами. А осенью произошло событие, которое определило направление поисков.

Моему другу, прекрасному таксидермисту, Константину Арзамасцеву, учительница биологии Шоршельской средней школы принесла мертвую цаплю, с просьбой сделать хорошее чучело для кабинета. Это был взрослый птенец, покинувший гнездо в этом сезоне, и погибший, как определили после вскрытия, от полного истощения организма. Такая смерть наиболее часто встречается среди молодых птиц, покинувших родительское гнездо. Потому как опыт самостоятельной добычи пищи приходит к ним с очень большим трудом.

Я попросил Костю расспросить поподробнее учительницу, когда она придет забрать готовое чучело, об этой птице, и, вообще, о серых цаплях. Что и было вскоре сделано. Из ее ответов стало ясно, на Цивиле цапли частые гости, и гнездятся они в дубраве на береговом склоне. Конечно, моему нетерпению не было предела, но впереди зима, и нужно было смириться в ожидании весенних, теплых дней.

И вот пора подошла. Три дня первомайских праздников были как нельзя кстати. После полудня 30 апреля мои друзья,

работавшие в это время со мной на колонии чаек, переправили на резиновой лодке нас с Наташей Кузьминой, ставшей не только верной спутницей моих путешествий, но и верной спутницей всей моей жизни, на другой берег Цивиля. Цивиль все еще был полноводен, грязная вода бурлила, подмывая крутые берега, как бы пытаясь в третий раз за эту весну вырваться на широкий простор лугов.

Помахав друзьям рукой, мы пошли вдоль русла. Прошли совсем немного. Быстро вечерело, и в месте ближайшего соприкосновения леса и реки мы решили засветло разбить свой бивуак.

У старого стоговища нашли достаточно прошлогоднего сена, которое и расстелили толстым слоем под палатку. Развели костер, приготовили ужин. Потом долго сидели у костра. В холод палатки заходить не очень хотелось. Но все же сон взял свое, и мы залезли в нашу холодную брезентовую пещеру, где и провели в зябком полусне оставшуюся часть ночи.

Уже с серым рассветом мы нетерпеливо раздували теплящиеся угольки кострища, подложив в него сухих веточек. Наконец, язычки пламени облизали предложенную им пищу и с треском, смачным похрустыванием начали ее пожирать. Аппетит огня разгорался и разгорался, и мы подбрасывали все новые и новые сучья.

От сытого огня пошло приятное тепло. Это было очень здорово после холодной ночи, хотя мы и успели прогнать неприятную утреннюю дрожь в процессе интенсивного кормления всепожирающего красного цветка. Согревшись, мы решили и сами подкормиться, разогрев нехитрую консервированную еду и полкотелка вечернего чая.

Первые лучи солнца застали нас в пути. Мы шли по берегу против течения Цивиля, внимательно вглядываясь в небесное пространство над поднимающейся в гору дубравой.

Над лесом кружили коршуны, постепенно спускаясь к пойме. Над излучинами реки широко скользили сизые чайки. Иногда появлялись чайки озерные. Воздух журчал многочисленными ручейками жаворонков. По берегам Цивиля мелкими шажками то, разбегаясь и при надобности взлетая, то на полном ходу резко останавливаясь, ловили насекомых белые трясогузки. Внизу у воды перекликались мородунки. Там, где приходилось обходить заболоченные участки, нас радовали своим мастерством высококлассные пилоты-чибисы. Однако тех, ради кого мы сюда пришли, не было видно.

К полудню мы подошли к автотрассе на Марпосад, так и не увидев ни одной цапли. У дороги нас ничего не интересовало, и мы повернули назад. Отойдя километра два от нее, мы решили посидеть отдохнуть, перекусить и заодно понаблюдать.

И за два часа обеденного отдыха мы не увидели серых цапель, но все равно, созерцание происходящего в природе никогда не бывает скучно и бесполезно.

Жизнь в пойме не останавливается ни на минуту. То и дело проносятся небольшие стайки различных уток, непрерывно куролесят в воздухе чибисы, с высоты слышится блеяние "небесного барашка" - бекаса. Довелось с очень близкого расстояния наблюдать, как коршун поддевает с воды погибшую рыбу.

После отдыха мы продолжили обратный путь. Встреча с цаплями в этот день так и не произошла. Зато ближе к вечеру, мы увидели пару больших белоснежных лебедей. Ровным, мощным полетом они прошли в сторону устья.

На ночевку мы расположились на том же самом месте, что и вчера. Во вторую ночь всегда спится лучше, несмотря на такой же собачий холод ранневесенней ночи, потому как в первую ночь обычно не высыпаешься. И все-таки, предутреннее понижение температуры - хороший будильник.

После легкого завтрака мы вступили под решетчатый свод скелетных сучьев крон могучих дубов. Начался затяжной подъем. Наш путь лежал в самое сердце марпосадской дубравы.

Дубы-исполины еще не накинули на плечи зеленые мантии. Не смея опережать своих повелителей, не спешили зеленеть липы и клены. И только молодежь: веселые березки, долговязые липки и их подружки черемухи, всегда скептически настроенные к блюдущим традициям старикам, во всю примеряли шелка зеленые на свои хрупкие плечики. Они словно смеялись над неверием стариков в то, что весна пришла, пришла окончательно и бесповоротно, но никакой смех молодых глупышек не сможет заставить мудрых старцев надеть свои зеленые наряды преждевременно. Опыт веков подсказывал, запоздалые морозы могут изрядно испортить дорогое одеянье, и пусть они пока еще немного полежат в сундуках-почках.

Целый день мы шагали по дубраве, наслаждаясь неумолкаемым пением птичьего хора. За время длинного пути знакомясь лично со все новыми и новыми солистами. Каждый считал себя непревзойденным мастером, стараясь первенствовать по всем статьям среди своих ближайших соседей. Пели самозабвенно, каждый сам по себе, не слушая другого. Удивительно, что из этого

спора не возникла беспорядочная какофония, наоборот получалось нечто удивительное, бесподобное, ласкающее слух.

Шагали без тропинок и дорог, напрямую. То и дело нас сбивали с ритма движения многочисленные стрелы оврагов. Приходилось осторожно спускаться по крутому склону и с трудом подниматься на противоположный. Овраги были настолько глубоки, что в их сумрачной глубине кое-где лежал снег, а по дну бежали холодные ручьи.

Здесь в дубраве ко мне пришло какое-то новое ощущение. Нет, не то, которое я вынес из своего детства. Это было что-то новое, пока неведомое. Лишь к концу дня, я, наконец, осознал, а точнее, почувствовал те перемены, которые произошли в моем сознании за этот долгий день.

Входя утром в сказку своего детства, я оказался в храме. Именно в храме, и уже в зрелом возрасте. Проведя этот день в дубраве, я начал понимать, почему именно она - дубрава, стала храмом нашему народу в пору древнего язычества. Не темный ельник, который только издали и внешне можно сравнить с готическим стилем католических соборов. Не сосновый бор, своим внутренним убранством напоминающий светлые залы православных церквей. Сравнивая, мы уже подразумеваем вторичность. Не веселые березнячки да соснячки, видом своим не внушающие и мысли о вечном, а именно дубрава, дышащая величием, внушающая трепет и благоговение, со своею первозданной чистотой и свежестью, только она могла стать местом поклонения.

Так в глубокой задумчивости, размышляя над теми переменами в моем сознании, я не заметил, что мы уже начали спуск по гребню стыка берегов Волги и Цивиля. За день мы прошли

всю дубраву насквозь и вышли на шоссе почти у Марпосада, повернули обратно и вот, в преддверии вечера, спускаемся к устью Цивиля. Видели мы много птиц. Нашли гнездо ястреба-тетеревятника. Слышали клики журавлей, существование которых мы здесь и не предполагали, а цапель так и не нашли.

Спуск, не то, что подъем, идет быстро и весело, потому как склон еще и подгоняет идущих по нему вниз. Но вот слух уловил треск сучьев и быстрые тяжелые скачки. Кто-то поднимался к нам на встречу. Сразу возникла настороженность. Еще несколько шагов и останавливаемся как вкопанные: мы и лось. Противостояние длилось какие-то секунды. Я почему-то не теряюсь при таких неожиданных встречах, и в эти краткие мгновенья я просто спокойно любовался грациозным лесным красавцем с великолепными шестиотростковыми рогами на голове, покрытыми бархатистой шерсткой. Наташа инстинктивно прижалась ко мне. Резкий, очень длинный скачок в сторону - и лось скрывается в кустах, с неимоверным треском уходя вниз по склону. Мы, конечно, медленнее лося, но тоже вскоре закончили спуск, и вышли к устью.

Солнце закатывалось в темный слой обл вдоль всей западной линии горизонта. С Волги отошли немного вверх от устья и среди р нашли удобное место для ночлега. Чувствуя, что ночь будет холодная и, по всем приметам, пойдет дождь, мы занялись устройством теплого местечка. Натаскали много сушняка и развели большой костер, равный своим периметром размерам днища палатки. Чуть поодаль горел еще один

небольшой костерчик, на нем варился ужин.

Пока ужинали, костер прогорел. Очистив место кострища от золы и угольев, поставили на него палатку. Положили внутрь хороший запас сухих дров, а вскоре и сами нырнули в печную духоту палатки. Впервые спали без свитеров, но даже в легких рубашках было жарко.

Разбудил нас танец дождя на пологе нашей палатки. Как разбудил, так и усыпил вновь. До его прекращения нечего было и думать о дальнейших поисках. Вволю выспавшись, приготовили под непрекращающимся дождем завтрак, который, с таким же успехом, можно было назвать и обедом. Хорошо, что с вечера позаботились о сухих дровах.

Дождь прекратился только к вечеру. Несмотря на это обстоятельство, мы не были намерены оставаться на этом месте еще на одну ночь, и поэтому, собрав палатку, двинулись к Волге. Исследование береговой линии великой реки до Марпосада вполне отвечало наши целям.

Было сыро и прохладно. Солнце быстро закатывалось, подкрашивая последними всплесками оранжевых красок клочья разбитых ветром некогда огромных куч облаков. Пришлось снова ставить палатку, пройти успели совсем немного.

Зная, что это последняя ночь и завтра предстоит возвратиться в каменный холод города, мы решили подготовить шикарный прощальный ужин. Из единственной, во все времена дефицитной банки тушенки, используя неограниченные запасы витаминной, нежной, умытой, освежающим дождичком зелени сныти и крапивы, мы сварили ароматнейшие щи. Кушанье получилось необычайно вкусным. В этот вечер мы долго сидели у костра, не спеша, потягивая густой чай с земляничным джемом - выспались за день.

Раннее утро. День обещает быть солнечным, а значит теплым. Мы продолжили наше путешествие по берегу Волги. Идти было легко. Прижимов, таких, чтобы пришлось идти водой, не было.

Весь берег разделен на гнездовые участки коршунов, они достаточно обширны. Их хорошо осматривать с большой высоты, во

время круговых облетов. Над водой только чайки: озерные и сизые. В одном месте на берегу, мы увидели, невесть откуда взявшуюся в это время года в наших пенатах, пару серебристых чаек. Рядом с ними кормились три сизых и несколько озерных чаек. Так неожиданно представилась возможность сопоставить их величину. Было удивительно видеть, что наши озерные чайки, которых мы никогда не относили к мелким птицам, выглядели двухнедельными гусятами рядом со своими мамой и папой, представленными в лице серебристых чаек. Даже сизые были вдвое меньше залетных великанов, но они превосходили всех своим изяществом.

Уже под палящими лучами полуденного солнца мы подошли к месту, очень любимому рыбаками, под названием "Белые камни".

Берег здесь был действительно белокаменный из-за выходящей на этом уровне из размытого склона щебнистой породы. Место это совсем недалеко от Мариинского Посада. И поэтому на "камнях" много рыбаков, тягающих на "резинку" серебристые сабли и сабельки чехони.

Наши первые поиски можно было считать завершенными. Конечно, узнать, что в Марпосадском лесу цапли не гнездятся, не очень утешительный, но тоже результат.

По приезду в Чебоксары, я поделился результатами поисков со своим учителем и добрым, старшим другом Николаем Тихоновичем Хмельковым. Он-то и дал мне понять, что поиски в этом направлении не завершены. Из его повествования следовало, что, отдыхая, во время отпуска на Волге между Марпосадом и Козловкой, ему часто приходилось наблюдать цапель в районе впадения в Волгу Большой и Малой Кокшаг. Цапли летали со стороны высокого чувашского берега в пойму этих рек и обратно. Из этого факта мог следовать только один вывод. Если Малая и Большая Кокшаги являлись для цапель местом кормежки, то высокое пустынное правобережье могло быть облюбовано только под гнездование. Так что стоило поискать колонию где-нибудь в районе деревни Ураково. С благодарностью восприняв совет, в последнее воскресенье второй декады мая мы с Наташей сели с Новочебоксарской пристани на "Комету", идущую вниз на Казань.

Теплоход быстро набрал ход. Не доходя устья Цивиля "Комета" повернула в левую протоку, обходя большой лесистый остров под названием Казин. По левобережью тянулся густой ивовый кустарник. На колене протоки в сплошных зарослях возник значительный разрыв, и нам открылась обширная панорама заливных лугов, с довольно глубоко врезавшимися в них заливами

и затонами. Последовал еще один поворот, и "Комета" вошла в протоку между Казиным и соседним с ним островом. Второй остров был совершенно безлесным, лишь кое-где по берегам торчали отдельные куртины кустов. Вскоре мы причаливали к пристани в Мариинском Посаде.

От Марпосада справа потянулся высокий голый берег. Изредка на нем показывались, каким-то чудом, уцелевшие участки леса, и поэтому мы больше любовались низким, поросшим густым зеленым лесом левым берегом. На песчаной косе, ограничивающей глубокий залив, полностью завуалировавший собой устье Большой Кокшаги, так что сразу и не сообразишь о существовании притока, скопилось множество серебристых чаек. Возможно, здесь, на Большой Кокшаге, они гнездятся.

Вот и следующая пристань - Йошкар-Ола. Незнаючи, можно подумать, что прибыли в столицу Мари-Эл, до которой десятки километров. На самом деле это ворота другого марийского города - Кокшайска, расположенного чуть в глубине от берега.

На скамеечках дебаркадера сидели аккуратненькие старушки. Я невольно рассмеялся.

- Ты чего смеешься? - удивилась Наташа.

- Да вот посмотрел на старушек и вспомнил смешную историю, рассказанную Николаем Тихоновичем.

- Ну-ка, расскажи, - сразу ухватилась Наташа.

- Николай Тихонович с друзьями, - начал я свой рассказ, - делали на этой пристани небольшую остановку на пути домой, и стали невольными свидетелями следующего действия.

Сухонькая старушка, лет так под семьдесят, ну, прямо, такой божий одуванчик, с двумя кошелками поднималась по трапу. Взойдя на дебаркадер, она сразу поставила свою ношу на пол и

пошла прямехонько к расписанию движения речного транспорта. И в тот момент, когда она надолго вцепилась подслеповатым взглядом в еле различаемые надписи, из группы сидевших на скамейках дебаркадера старушек и, видимо, от нечего делать глазевших на пассажиров, поднялась одна и двинулась к трапу. Старушонка точно такая же, как и подошедшая, маленькая, сухонькая, в белом платочке. Не говоря ни слова, она подхватила обе кошелки, и засеменила вниз по трапу. Хозяйка неожиданно обернулась в этот момент и от удивления только всплеснула руками.

- А батюшки! Это как это? Так это не твое, это мое! Это чего ж это ты делаешь? - опомнившись, через несколько секунд, запричитала хозяйка.

- А не оставляй! - полуобернувшись, и немного присев, ответила наглая старушонка и посеменила дальше.

Наташа смеялась от души.

- Вот и Николай Тихонович говорил, что все, кто наблюдал эту сцену, чуть в Волгу не попадали со смеху от такого непосредственного ответа.

- А дальше что было? - немного успокоившись, вопросила Наташа, надеясь на такое же неординарное продолжение.

- А дальше все как надо, поэтому не интересно, - ответил я, не оправдав ее ожиданий.

Наша комета отвалила от пристани и устремилась к следующей. Следующая наша - Ураково. Мы все внимание переключили на правый берег, надеясь на лесистом склоне разглядеть колонию. Но вот и Ураково, а мы ничего похожего на колонию не заметили.

Деревенька в два порядка серых невзрачных домов, один повыше, другой пониже, вытянулась по берегу Волги.

На наш вопрос, первому попавшемуся на глаза жителю, чинившему лодочный мотор рядом с причалом: "Встречаются ли тут у Вас цапли?" Он, не отвлекаясь от дела, ответил: "Идите вон в тот лесок, там их полно", - и не глядя, махнул рукой против течения.

Вот тебе и раз, так просто?! У местных жителей они даже внимания не заслуживают. Значит, их тут достаточно. Нам предстояло обследовать около трех километров лесистого берегового склона, насколько позволяла судить виденная с борта теплохода картина. После Марпосадской дубравы, такая малая площадь обследования нас не пугала. Мы вышли за околицу. Скользя по влажной глине, пересекли распластавшийся язык ложа огромного оврага. Овраг казался пастью издыхающего от жажды могучего чудовища, из последних сил пытающегося дотянуться до воды. На его склонах, как зубы из десен, торчали многочисленные елки и березки.

Сразу за оврагом начинался лес. Он занимал только береговой откос, поднимаясь от уреза воды более, чем на сто метров. Лес был довольно разношерстным: на ровной площадке в двух метрах от воды росли ивы, выше - посадки дуба, еще выше - сосны, кое-где осины, березы. Вход в лес преграждала проволочная изгородь.

Решив, что сверху нам будет легче увидеть колонию, мы начали подъем. Хотя не такой уж и крутой берег, но пришлось попотеть. Наверху, насколько хватало взгляда, простирались поля.

Отсюда, с высоты, открывался замечательный вид на Заволжье. Как на ладони раскинулись леса левобережья. Темно-зеленая волна лиственных пойменных лесов далеко-далеко переходила в сизо-зеленый прибой сосняков. Лишь вдоль извилистой синей змейки Малой Кокшаги заглушенная волна

тонкой зеленой струйкой проникала в сизую дымку. Сама береговая линия глубоко изрезана многочисленными заливами. А напротив Ураково располагался большой, почти безлесный остров. Вниз по течению Волга делала глубокий поворот, и там тоже виднелись острова.

Очень приятная, замечательная картина, однако, ближний план, который нас интересовал в первую очередь, был скрыт вершинами деревьев. Поэтому метров через пятьсот мы спустились вниз, где несколько выше уреза воды проходила тропа, которая постепенно становилась все менее и менее заметной.

Мы шли, внимательно осматриваясь и прислушиваясь. Под пологом чуть распустившейся листвы дубов, кленов и лип, среди зелени сныти белели цветочки звездчатки. А это что, чуть в стороне от тропы?

- Наташа! Посмотри на это чудо! Ведь это Венерин башмачок! - я не верил своим глазам.

- Первый раз в жизни! Это же редчайший цветок! - продолжал восклицать я, присев на корточки перед тремя одиночными, крупными цветками.

- Действительно, башмачки, - еле слышно выдохнула Наташа. - Какие крупные, ярко желтые и сверху будто бантики завязаны фиолетовые.

- Это счастье увидеть такую редкую красоту! - возбужденно продолжала моя спутница.

- Давай попробуем сфотографировать, может, что и получится. Жаль, что вспышки нет, -

приходя в себя и вынимая фотоаппарат, искренне пожалел я, так как цветы находились в глубокой тени.

Сфотографировав Венерин башмачок, мы пошли дальше, все еще возбужденно обсуждая редкую находку. Через несколько шагов, перед нами возникла поляна с цветущими ландышами. Она была прекрасно освещена, и грех было упустить такой кадр.

Чуть выше по склону начинался достаточно взрослый сосняк, посаженный вместо вырубленной дубравы. Я заканчивал съемку ландышей, когда донеслось хорошо знакомое: "Крак, крак." Звуки доносились из-за соседних деревьев. Мы бросились туда, я на ходу запихивал фотоаппарат в футляр. А вот и первое гнездо. А вон второе, третье..., пятое..., десятое... - мы продвигались дальше, спугивая цапель с гнезд, - двадцатое..., тридцатое... - да сколько же их тут?

Прошли через всю колонию. Стало понятно, что здесь очень много гнезд. В большинстве "чакали" птенцы, следствие ранней весны. От увиденного захватывало дух. Необходимо присесть, осмотреться. Колония расположена очень удачно. Под строительство гнезд выбраны деревья, растущие метрах в сорока выше уровня воды на широкой террасе. За счет этого оказалось возможным размещение гнезд в одной плоскости, несмотря на сильную крутизну берегового склона. В отличие от Шомиковской колонии, они здесь расположены не высоко, всего в 10-15 метрах от земли.

Сразу бросались в глаза гнезда, расположенные на сухих деревьях. Это, в основном, клены и молодые дубки, погибшие в морозную зиму 1979 года.

Отдохнули. Волнение открытия улеглось. Можно приступать к детальному изучению. Подсчитать гнезда в такой большой колонии оказалось не таким простым делом. Попробовали считать, двигаясь параллельными курсами - не получилось, попробовали по участкам - тоже не получилось. Наконец, двигаясь зигзагообразно, зарисовывая схему расположения гнезд, удалось с максимальной точностью определить количество загнездившихся пар. Их мы насчитали девяносто три. Это в два раза больше, чем в Шомиковской колонии. Но здесь, в Ураковской, наблюдается какая-то беспечность в выборе основы под гнездо. Свои "жилища" цапли понастроили на всех подряд, как говорится, попавших под руку, во время строительного бума, деревьях: дубах, кленах, вязах, ольхах, дна пара даже на сосне умудрились расположить. И самое страшное, чуть ли не половина всех гнезд на сухих, мертвых, которые через год-другой рухнут под их тяжестью. Об этом уже наглядно свидетельствовали несколько лежащих на земле деревьев с гнездами.

- Насколько мне помнится, по изученным некогда материалам, такой широкий спектр древесных пород, использованный под строительство гнезд, уникален для Поволжья, - выдал я вслух не совсем понятное для Наташи научное рассуждение.

- Чего, чего? - вопросила она, глядя на меня.

- Да, видишь ли, во всех известных в Поволжье колониях, цапли гнездятся на деревьях первого яруса. А он, обычно составлен деревьями одной породы либо дубом, либо сосной и т.д. и т.п. А тут гнезда построили на деревьях и первого и второго ярусов.

- А почему так? - последовал следующий вопрос.

- Ну, видимо, первые цапли поселились здесь все-таки вон на тех дубах, - показал я на группу старых, мощных дубов, - там гнезда компактнее. А в 1981 или 1982 году произошел массовый приток птиц с других мест. Цапли, как все колониальные птицы, легче селятся там, где уже гнездятся их сородичи, чем осваивают новые места. Да и внутри колонии они стремятся построить свои гнезда как можно ближе к тем, первым, составляющим ядро нового поселения. Соответственно, они заняли все рядом стоящие с первозаселенными дубами деревья, не обращая внимания на ненадежность сухостоя, хотя тут, рядом, чуть пониже, прекрасные, крепкие дубы.

Конечно, цаплям придется перестраиваться после крушения деревьев с их гнездами, но пока

инстинкту не прикажешь, - закончил я столь пространственные объяснения.

- Теперь понятно, - констатировала Наташа. - Мы тут будем еще что-то обследовать?

- Пожалуй, да. Мне хочется посмотреть кладку. А для этого необходимо забраться наверх, - глазами я подыскивал подходящее для подъема дерево. – Вот на это подняться будет легче всего, - остановил я свой поиск.

- Отложив под ближайшим кустом могущие помешать при подъеме вещи, я шагнул к дереву, на котором громоздились три гнезда. Подпрыгнув, я уцепился за нижний сук и, подтянувшись, вывернулся на него и перекинул ноги, а дальше по сучкам как по лестнице. Очередная сложность возникла у гнезда, его край выступал от ствола более чем на длину руки. Хорошо, что гнездо в развилке расположилось чуть ассиметрично и мне удалось, максимально отстранившись от ствола, подняться над гнездом с другой стороны. В лотке, выстланном мелкими веточками, лежало пять голубых яиц, величиной с гусиные.

- Наташа! Пять, красивых, голубых. Жаль измерить не чем, так, что спускаюсь.

Спускаться всегда сложнее, чем подниматься, но по сучкам больших проблем этот процесс не вызвал. И, вскоре, я ловко приземлился у комля.

- Теперь можно возвращаться. Да и цапли вернулись на гнезда, больше не будем их беспокоить.

Вот так, довольно легко, было сделано первое наше открытие. Даже не пришлось оставаться на ночевку и вечерним рейсом мы возвратились в город. Теперь, зная место расположения колонии, нам ее было видно с борта теплохода, и было удивительно, как это мы утром не смогли ее заметить, ведь смотрели очень внимательно.

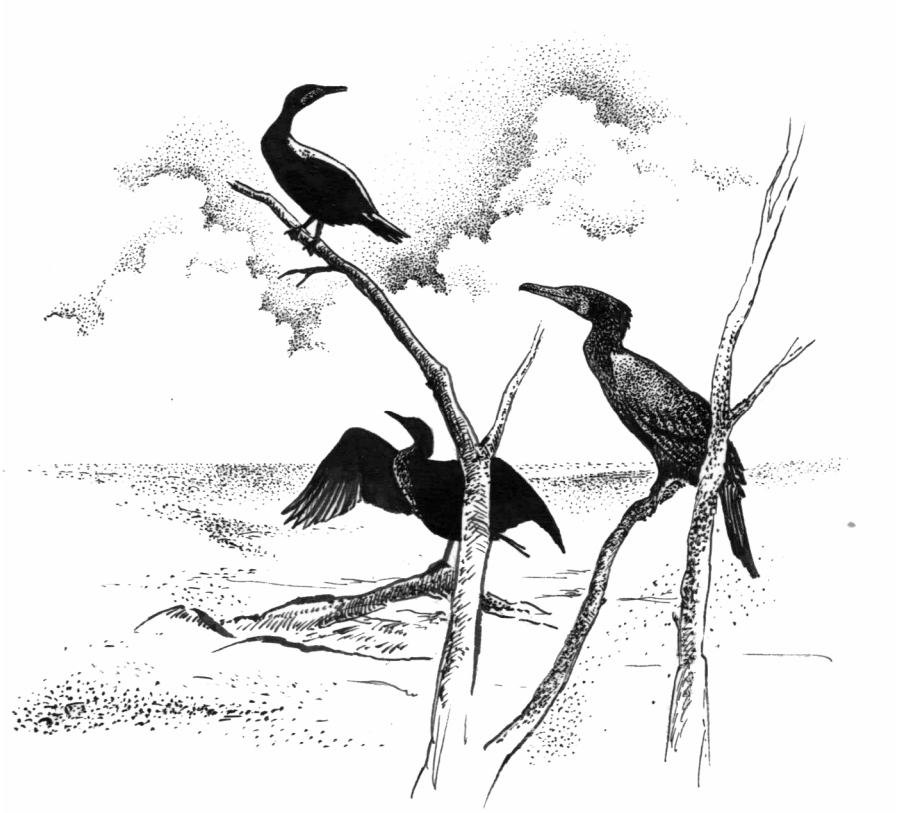
СВАДЬБЫ В ЦАПЕЛЬНИКЕ

Начало лета я провел в Шомиковской колонии, посвятив все свое свободное время наблюдению за гнездованием серых цапель. А затем, на два месяца, я попал в Астраханскую область.

После посещения Астраханского заповедника, расположенного в дельте Волги, я уверенно могу сказать, что видел птичий рай.

Разнообразные птицы, связавшие свою жизнь с водой, гнездятся там тысячами. В заповеднике я впервые увидел белоснежных колпиц с черными клювами-лопаточками. Особенно прекрасными они мне показались летящими в лучах заходящего солнца, окрасившего их оперение в нежно-розовый цвет. Темно-коричневые каравайки вызывали легкую улыбку видом своих длинных, загнутых серпом клювов. Угольные бакланы, сушащие на ветру и солнце подмоченное на рыбалке оперение, выглядели пришельцами из древнего мира. Степные орлы, собирающие кровавую дань с райского уголка, величественно смотрелись на своих высоких присадах. Как царственно красиво выглядели гордые лебеди в зарослях цветущего божественного лотоса, крупные розово-красные цветки которого, приводили в волнующий трепет.

А каких там цапель только нет! Большие и малые белые цапли, словно невесты, идущие под венец, старались поразить непорочной белизной своих нарядов. Чуть скромнее выглядели желтые цапли, тоже белые, но с палевыми шеей, грудью и спиной. И уж совсем скромницами выглядели наши старые знакомые - серые цапли и их ближайшие родственницы - рыжие. Как бы укороченными, по сравнению со своими стройными сородичами, выглядели кваквы и выпи.

Всех этих многочисленных родственников нашей серой цапли можно было увидеть летящими куда-то или стоящими на мелководье, словно в почетном карауле, через каждые 10-15 метров вдоль проток по обеим их сторонам.

Однако, больше самих цапель меня поразили цапельники. Гнезда, кучась, чуть ли не друг на друга, многими сотнями, образовывали целые кварталы птичьих городов, расположившихся вдоль многочисленных рукавов дельты. После всего этого благоухания, наши маленькие цапельники не потускнели в моих глазах. Напротив, они приобрели еще большую значимость и ценность из-за своей ранимости, незащищенности. Потому что когда много, мы не ценим, а когда мало, начинаем сознавать, что можем потерять, и прилагаем все усилия для сохранения и

преумножения. Так что малочисленные цапли Чувашии представляют больший интерес, чем все их сородичи, вместе взятые в дельте Волги.

Сразу по приезду из Астрахани я три дня провел на территории Ураковской колонии. Строил настил на деревьях, а на нем укрытие для наблюдения за цаплями в следующий сезон, а заодно отдыхал. Отдыхал от одуряющей жары Астраханских степей, от сухости тамошнего воздуха, от бесцветных красок выгоревшей на солнце и покрытой серой пылью, словно пеплом, природы. Ведь основное время я провел именно в душных степях, а не в райском птичьем уголке.

Каждая исстрадавшаяся клетка моего организма насыщалась свежестью сентябрьских ночей. Выцветшие глаза впитывали благоухание красок осени. И казалось, этому не будет предела, настолько выгорела моя душа на Астраханском пепелище. Действительно, мне понадобился еще целый месяц, проведенный в Присурских лесах, чтобы, наконец, Астраханская степь осталась в далеком прошлом. В делах и заботах минули осень и зима. Март, сырой и пасмурный, свидетельствовал о приходе ранней весны. Наступил долгожданный апрель. В первый же апрельский день я отправился в Ураково. Нет, я шел туда не затем, чтобы увидеть цапель, они еще не должны были прилететь к этому времени. Я просто решил узнать, каким образом можно туда добраться весной, ведь Волга еще скована льдом и путь, по которому я всегда туда добирался, закрыт. Ну и, конечно, нужно было поправить укрытие, наверняка обветшавшее за зиму.

Ранним утром, хрустя ледком застывших за ночь весенних луж, я дошел до автостанции в Новочебоксарске и сел на автобус, идущий в Марпосад. Дорога до него заняла около часа.

Девушка, сидящая в кассе Марпосадской автостанции, любезно объяснила мне, что на Ураково общественный автотранспорт не ходит, и можно доехать только до спиртзавода, а там есть грунтовая дорога на Кушниково. Вот по ней и нужно идти, если повезет, то какой-нибудь колхозный трактор подбросит. Только нужно в определенном месте, километров через семь, свернуть в сторону Волги, и через поле выйдешь на Ураково. Я от всей души поблагодарил девушку за такой исчерпывающий ответ.

- Да, сейчас будет автобус до спиртзавода, идите садитесь. Билеты в автобусе купите, - напоследок подсказала кассирша.

Выйдя с автостанции я отыскал нужный автобус, и через пять минут был в пути. Еще минут через двадцать мне подсказали, что нужно выходить, и я послушно вышел на остановке.

Перейдя на другую сторону, я углубился в переулок, дорога шла на подъем. Переулок между домами основного порядка неожиданно превратился в улицу. Там вдоль дороги выстроились двух и многоквартирные дома. Минуя тракторный парк и ферму, дорога уходила в поле.

Солнце поднималось все выше, но морозец еще не отпустил, и по дороге идти было легко и приятно. Тем более, справа, недалеко от дороги, темнела дубрава, а мой слух ласкали трели то тут, то там поднимающихся свечой жаворонков. Дорога изгибалась петлей. Тут меня и обогнал молоковоз. В кабине сидели пассажиры, голосовать было бесполезно, и я вновь набрал размеренный ритмичный ход. Мое внимание привлекали только пролетающие грачи да вороны. Молоковоз вскоре свернул куда-то налево и скрылся из вида. Через некоторое время я был в том месте, где скрылся молоковоз. Тут отходила полевая дорога, а грунтовая, по которой я шел, под прямым углом поворачивала вправо. Мне очень захотелось свернуть

на полевую дорогу, так как она шла прямо в сторону Волги, грунтовая, насколько хватало глаз, чернела параллельно реке. Однако, вспомнив, что поворачивать с грунтовки я должен только через семь километров, а прошел всего три, зашагал направо.

Через полтора километра меня догнал колесный трактор Т-40 с тележкой. Я жестом остановил его и, подойдя к кабине, попросил тракториста добросить до поворота на Ураково. На что он махнул рукой в сторону тележки: "Садись, мол".

Тележку изрядно болтало. Я приготовился к длительной трепке, но остановился трактор для меня неожиданно быстро. Тракторист, высунувшись из кабины, крикнул, перекрывая гул мотора: "Тебе туда!"- и показал рукой в сторону, угадывающейся на горизонте реки. Я спрыгнул с тележки, жестом поблагодарил тракториста и осмотрелся. В той стороне, куда мне нужно было идти, не было видно никакой деревни. Может, тракторист меня неправильно понял, и высадил не там где нужно, но выяснять было уже поздно, трактор нырял на ухабах далеко от меня.

Передо мной лежало поле, покрытое неглубоким снегом с толстой коростой наста. Оно равномерно горбилось валами снегозадержания. Невдалеке я заметил след гусеничного трактора, видимо, прошедшего здесь вчера с чунями (большие тракторные деревянные сани). Предположив, что он ехал в Ураково, я не задумываясь больше, пошел по этому следу. Идти по тракторному следу было легче, чем по целине. Лишь в ложбинках, где в колее скапливалось много воды, я проваливался, но не очень глубоко.

Вскоре завиднелась деревенька, выходит, я иду правильно. Оказывается, расположилась она не на самом юру, а на начавшемся береговом понижении, и поэтому ее не было видно издалека.

Еще полчаса ходьбы и я на Волжском берегу у околицы, правда, с дальнего от колонии края деревни.

Листопад и снег неузнаваемо изменили картину Заволжья. Белизна безбрежного снежного савана, испещренная затейливым коричневым рисунком деревьев и кустарников, переходила вдали в зеленое покрывало сосняков. Неприглядно выделялись в узорочье проплешины вырубок и озер. Серо-синевато-белая, кое-где с зеленоватым отливом, ледяная змея Малой Кокшаги, постепенно истончаясь, уползала вглубь лесов. Широкая лента Волги тоже утратила зимние, светлые тона. Лед на ней приобрел серо-синие и зеленоватые оттенки. Грязная ниточка санного пути, с темнеющими кучками лошадиного навоза и желтыми клочками соломы, тянулась наискось через Волгу от самой деревни в сторону Кокшайска. Эта ниточка-то и связывала затерянный в зиме людской островок с основной цивилизацией.

Задворками, задами я вышел к оврагу. К этому времени солнце набрало силу, снег отсырел, и зашумели, понеслись по склонам ручьи, низвергаясь водопадами в овраг. Западный и юго-западный склоны его уже чернели оголившейся землей. А с восточной, и северо-восточной - простирались гигантские откосы сугробов.

Я решил, что перебраться в этом месте, в верхней части оврага, будет очень трудно и лучше спуститься вниз к подошве, и там, бережком, пройти к колонии.

Падая и поднимаясь, осторожно опускаясь и отчаянно скользя на спине, я, в конце концов, оказался у Волги. Мутный ручей выскакивал из жерла оврага и от неожиданно открывшейся шири, резко замедляя ход, расплескивался грязной лужей по волжскому льду.

Здесь я легко оказался по другую сторону оврага и подошел к лесу. Снег в лесу был еще достаточно глубок. Для своего передвижения вглубь него я избрал самый краешек берега, где местами снег вообще стаял, но вскоре и здесь стало очень трудно идти, мешали деревья и кусты ив, да и снег под их пологом стал глубже. К тому же, нужно было начинать постепенный подъем к колонии.

Мимо, вдоль берега, скользнула крупная серая птица. Я не сразу сообразил, что это цапля, столь неожиданным было ее нахождение здесь 1 апреля. При этом, факт оставался фактом - они прилетели!? Где же они находят себе пропитание, ведь реки еще не освободились ото льда? Я только сейчас по настоящему задумался над этим вопросом, а до этого спокойно считал, что прилет цапель приурочен к ледоходу, до которого минимум неделя. Видимо, в эту пору их спасают появляющиеся на реках и озерах забреги и полыньи, где цапли и добывают корм и, может быть, это, большей частью, погибшая во время зимних заморов рыба?

Я решительно направился вверх к колонии и сразу увяз в глубоком снегу, погрузившись значительно выше колен. Приходилось прилагать серьезные усилия, чтобы в тяжелом мокром снегу протаскивать ноги вперед. Очень усложнял движение и крутой подъем. Цепляясь за кусты и стволы, я, хоть и с трудом, продвигался к цели, оставляя за собой глубокую борозду. Штанины брюк, ниспущенные на сапоги, мгновенно промокли, и, вскоре стало чувствоваться, как холодные струйки талой воды стекают к моим ступням. Когда я добрался к колонии, в сапогах хлюпала ужасно холодная вода.

При моем появлении на колонии, с ближайших гнезд, без криков, метнулись несколько цапель. Пара взмахов широких

крыльев и их уносит вниз, к Волге. На дальних гнездах цапли не спешили улетать и внимательно следили за мной. Я пока не стал подходить ближе и вынул бинокль, впервые в этом году полюбоваться грациозными птицами. Моему удивлению не было предела, когда я разглядел, что их ноги окрашены в винно-вишневый, а клюв - в оранжево-алый цвет. Это было для меня абсолютно неожиданно, потому что я, видимо, упустил описание особенностей брачного наряда цапель в литературе. Возможно, был невнимателен, но тем приятнее было для меня увидеть это воочию, неподготовленным. Выходит, и цапли умеют щегольнуть в торжественный момент.

В последнем рывке я достиг дерева с моим укрытием. Вода в сапогах немного, и стало терпимее, но необходимости терпеть дальше не было. Я сел на ствол поваленного дерева, снял сапоги и выжал носки и портянки. Затем, с не очень приятным чувством, опять надел носки, навернул портянки, и с огромным усилием, еле-еле, натянул сапоги. Стало более или менее сносно.

Я залез наверх, осмотрел укрытие, где нужно поправил. Цапель с соседних гнезд как ветром сдуло, лишь с дальних внимательно наблюдали за мной. Я понял, сейчас мне в колонии делать нечего, тем более с мокрыми ногами и без запаса продуктов. Необходимо вернуться домой, собрать все нужное для этой цели, и срочно вернуться сюда на несколько дней.

Спустившись с настила, я почти на одном дыхании (передышку делать все-таки пришлось) поднялся на самый верх берега. От наполнившей снова мои сапоги ледяной воды ломило ноги. Нужно было предпринимать что-то серьезное. Я наломал сухих сучьев и устремился к неподалеку стоящему омету. Там, надергав изнутри сухой, расстелил ее под ноги и разулся. Затем

развел костер и расположил вещи на просушку. Пользуясь моментом, достал сухпай и, запивая горячим чаем из термоса, принялся за обед. Тепло от костра и горячего чая быстро вывели мои ноги из анабиозного состояния.

Внимательно следя за равномерностью сушки моих вещей, я думал о том, где буду ночевать, когда приеду сюда на несколько дней. Попроситься к кому-нибудь на постой в Ураково меня не очень прельщало. Брать палатку и мерзнуть ночами - тоже мало хорошего. И тут меня осенило - сделать хорошую, большую нору в омете, будет и тепло, и сухо, и колония под боком. Не откладывая в долгий ящик, я принялся выдергивать солому. За полгода плотно слежавшаяся солома поддавалась с трудом. Более часа пришлось потрудиться, прежде чем моя берлога была готова. Я заткнул вход в нее пучком соломы с чувством глубокого удовлетворения. Мои обутки за это время просохли, сапоги остались чуток сыроваты, но это уже полбеды. Нужно было возвращаться, чтобы успеть в Марпосад к последнему автобусу на Новочебоксарск. Я с большим удовольствием натянул сухие носки и навернул разогревшиеся до горяча портянки, и сырость сапог даже не почувствовал. Загасил костер. Прикинув, решил идти напрямую, так должно быть ближе.

В поле снег неглубокий. За день он сильно набух водой. Местами снега вообще не было, и ноги по щиколотку увязали в оттаявшем слое почвы. Даже стерня не держала моего веса, настолько напиталась земля.

Выбирая заснеженные и заледенелые участки, я споро двигался, пока не вышел к краю обширного понижения, переходящего далеко внизу в овраг. Я остановился и осмотрел местность в бинокль. Судя по всему, овраг мог оказаться достаточно глубоким. Кроме того, растущие по бокам

многочисленные деревья обещали глубокий снег. Конечно, преодолеть его можно, но снова иметь мокрые ноги не хотелось, на сегодня достаточно.

Мое внимание привлекло движение черной черточки далеко по ту сторону оврага. В бинокль стало ясно видно, что это лиса. Мех ее, из такой дали, казался грязно-желто-зеленого цвета. Она неторопливо обходила все чернеющие среди снега места, иногда копалась, а то вдруг, принималась скакать, подпрыгивать прямо на снежной целине. Впрочем, занималась своим привычным делом - мышковала. Полюбовавшись, я решил обойти овраг слева. Что и сделал, и вышел на дорогу недалеко от того места, где начал свой путь на Ураково. Сквозь до Марпосада пришлось идти пешком, попутного транспорта не оказалось, но на последний автобус в Новочебоксарск я успел.

Дома несколько ночных часов ушло на сборы. Нужно было не забыть взять все необходимое. В рюкзак укладывались: спальник, запасное теплое белье и носки, легкие валенки, называемые у нас чесанками, продукты питания, котелок, ложка, фонарик, топор, ... и прочие необходимые мелочи. Рано утром, после легкого завтрака, я добавил в него термос с горячим чаем, обул, наученный горьким опытом, болотные сапоги, и зашагал на автовокзал.

Проделав тот же путь что и вчера, с той лишь разницей, что от спиртзавода до колонии всю дорогу прошел пешком, я к десяти часам был на месте. Затолкав вещи в свою берлогу, конечно, оставив при себе самое необходимое для длительного сидения на холоде, я заспешил вниз, в колонию. Сегодня я не страдал от попадания в сапоги мокрого снега, высоты болотников хватало, чтобы избежать такой неприятности.

Некоторые цапли снялись с гнезд, как только я появился в их зоне видимости. Остальные улетели при подходе к границе колонии. Как и вчера меня удивила их излишняя пугливость, ведь в сезоны насиживания и выкармливания они вели себя более сдержанно. Тем не менее, я решил, что ничего страшного в этом нет - успокоятся и прилетят обратно. Поэтому поднялся в укрытие и стал устраиваться. Переобувшись в теплые чесанки, осмотрелся. Еще раз убедился в удачном выборе места. На ближнем плане с трех видовых сторон находятся целых девять гнезд, да и дальше еще сносно видны несколько.

Итак, можно начинать. Однако цапли, видимо, так не считали. Появление человека на колонии, хотя и бесследно исчезнувшего, вызвало у них какую-то настороженность. Да они возвращались, кружили над колонией, кричали, даже некоторые садились на гнезда или на ветви рядом с ними, но через некоторое время внезапно срывались и уносились на широких крыльях к Волге. Лишь некоторые, с дальних гнезд, устроились по возвращению без всякого беспокойства. Я понял, что сегодня ничего не смогу наблюдать и мне необходимо уйти. Спустившись я полез по сугробам вверх по склону.

Лишь со следующего утра, можно сказать с ночи, так как появлялся я на колонии затемно, около пяти часов, началась моя ежедневная вахта. Оказалось, даже в такую рань цапли, в большинстве своем, присутствуют на колонии. Видимо, здесь ночуют, и поэтому было замечательно, то, что в темноте на мое появление не было почти никакой реакции. Только когда я влезал на настил, с соседних гнезд слетели цапли, да и то быстро вернулись, как только скрылся в шалаше.

Провел я в колонии семь дней. Вставал около 5 часов утра и затем спешил в укрытие. Там и завтракал бутербродами с запасенным с вечера, горячим чаем из термоса. Терпения сидеть на этом импровизированном насесте обычно хватало до полудня. Затекали ноги, немела спина, потому как движения были очень ограничены. Улучив момент, когда на соседних гнездах цапли отсутствовали, хотя так бывало не всегда, спускался и шел готовить горячий обед. Спуск по неверным ступенькам перекладин, закрепленных прямо на стволе дерева, был более опасным – тело, занемевшее от многочасового сидения плохо, управлялось.

Остальную часть дня бродил в окрестностях. В это время по Волге шел пролет мелких певчих птиц: зеленушек, овсянок, зябликов ... . Когда птицы останавливались в лесочке, он мгновенно наполнялся многоголосым гомоном. За мелкими птицами следом шли хищные соколки - дербники и чеглоки. Иногда над Волгой появлялись крупные серебристые чайки, замечены были даже клуши - северный подвид этих чаек, отличающийся почти черной окраской верха. Скорее всего, они стремились в освободившуюся ото льда приплотинную зону. В конце недели моего пребывания в колонии появились коршуны. Раза четыре удалось увидеть орлов. Каких? Даже в бинокль нельзя рассмотреть точно. Они, редко взмахивая крыльями, или паря гигантскими кругами, медленно продвигались к северо-западу вдоль русла Волги на большой высоте.

Изрядно устав за день, я долго сидел у костра, ужинал, заливал в термос горячий чай и заваливался спать в свою берлогу. В ней было тепло и мягко, и я забывался мертвым сном, пока тоненькое дребезжание будильника в наручных часах не доходило до моего спящего сознания. Это была удивительная неделя. Мне не

было скучно. Разве на свадьбе может быть скучно? Конечно, нет! А я как раз присутствовал на свадьбе, точнее сразу на нескольких - на свадьбах серых цапель! И пусть я был незваным гостем, мне было очень интересно!

Спервоначала, в поле моего зрения оказались три самца, четыре пары и несколько пустых гнезд. В процессе постоянного наблюдения самцы обрели пару, а гнезда своих хозяев. Однако, обо всем по порядку.

Как выяснилось, первыми гнездо занимают самцы. Они либо находились в гнезде с ночи, либо прилетали поутру откуда-то с Волги или Кокшаги. Самцы, время от времени, вытягивали свои шеи и клювы в одну линию, даже приподнимая передний конец туловища. При этом приспускаются крылья, оттопыриваются перья на шее, раздувается горловой мешок и из груди вырывается хриплый, длинный крик: «Кра-а-а-ак". После чего голова запрокидывается далеко назад, а сами чуть приседают. Возвратившись в исходную позицию, самцы приступали к следующему ритуальному действу – «общелкиванию гнезда». Они медленно двигались по большому радиусу гнезда. Через определенные секторы окружности шея из полусогнутого зетобразного положения вытягивалась вниз, образуя дугу вместе с наклоненным еще ниже клювом. Сопровождалось это обязательным приседанием и щелканьем клюва. По завершении круга, следовало очередное вертикальное вытягивание.

Этот ритуал повторяется довольно регулярно, иногда прерываясь минутами отдыха или ухода за оперением. Очень часто

самцы встают навытяжку при появлении очередной прилетевшей цапли, независимо от того самец это или самка. Видимо такое поведение несет в себе двойное значение: самцов информирует о том, что место занято, а для самок является приглашением.

Ко всем, без исключения, подсаживающимся цаплям холостые самцы ведут себя очень агрессивно. Они сразу же демонстрируют позу угрозы. Голова отведена глубоко назад на изогнутой в виде буквы "зет" шее, клюв кинжалом торчит параллельно основным линиям шеи направленных, в этот момент, в сторону визитера. Затем следует резкий выпад, сопровождающийся громким щелканьем клюва и последующим встопорщиванием перьев на спине и голове. Выпады следуют один за другим, пока визитер не уберется восвояси. Если попалась слишком упрямая цапля, самец срывается с гнезда, и ... приземляется на мигом опустевшее место, только что занимаемое поспешившим смыться дразнильщиком.

Может показаться невероятным, но образование пары тоже начинается с угроз в адрес будущей супруги, которой принадлежит инициатива знакомства.

Самка подсаживается на соседнюю ветку в недосягаемости удара клювом самца в туловище. Правда, до клюва самки в определенном положении он, при глубоком выпаде, может достать. Самец сразу принимает позу угрозы и делает ряд выпадов, метя в клюв самки. Если клюв в пределах досягаемости, самка уклоняется от удара. Если нет, то в ответ на грубое поведение, она только хорохорится - встряхивая все оперение. Тем самым как бы показывая: "Ну, что ты сердишься, видишь как я хороша, и я хочу с тобой только познакомится."

Игра эта продолжается довольно долго, иногда до 1,5 часов. Словно самец хочет заранее испытать терпеливость будущей супруги, ведь основа сосуществования в семье - терпение. Часто при уклонении от очередного удара, самка не удерживает равновесия и слетает с ветке но каждый раз, настойчиво, сделав круг, возвращается обратно. Все начинается сначала. В атаках самца бывают значительные перерывы, тогда он начинает ухаживать за своим оперением или поправляет веточки в гнезде. Самка в это время тоже прихорашивается.

Постепенно активность выпадов со стороны самца заметно угасает, и самка очень медленно, с самым безразличным видом, по ветке приближается к гнезду. И вот она в гнезде, и сразу начинаются ласки взаимного перебирания оперения.

Интересно было наблюдать ритуал знакомства, когда при скученности гнезд на одном дереве, на соседних одновременно солировали два или три самца. Бывало, что согнанная в очередной раз самка подсаживалась ближе к другому самцу, чем к тому, с которым хотела познакомиться и связать себя брачными узами. И вроде бы со стороны ближайшего самца должна быть сделана попытка, переманить свободную самку, но, он был настолько безразличен к происходящему рядом действию, что даже не проявлял угроз. В который раз приходится убедиться, что бездумной агрессии в природе не бывает.

Дальнейшие сцены спектакля развернулись на сценах-гнездах, где выступали супружеские пары.

Цапли нежно ухаживали друг за другом, перебирая оперение. После некоторого успокоения, такая нежность вновь и вновь выплескивалась наружу, то у одного, то у другого партнера. Часто происходило совпадение желаний легонько потрепать, погладить оперение клювом. При этом их шеи как бы переплетались. Иногда чувства настолько переполняли одного из супругов, что клюв его буквально вонзался в оперение другого, но после быстрых стригущих движений нежное поглаживание.

Как-то после одного активного излияния чувств, когда самка стояла с опущенной головой, полностью отдавшись ласке, неожиданно, подняв перья на голове и шее, сделал резкий выпад сомкнутым клювом, метя в голову. Самка ловко ушла от атаки, пригнув голову ниже. Атака повторилась еще и еще раз, но самка

удачно увертывалась из-под удара, а в четвертый раз умудрилась перехватить раскрытым клювом клюв самца. После этого самец сразу успокоился, и птицы вновь предались взаимным ласкам.

Только тогда, когда, с течением времени, такие агрессии повторились, стало понятно, что это всего лишь один из стереотипов супружеского поведения, и, по-видимому, несет в себе элемент разрядки возникшей напряженности.

Ласки и игры, как во всяких любовных отношениях являются прелюдией к самому главному - зачатию новой жизни.

Инициатором спаривания явился самец. Он ходил, ходил вокруг самки, потрепывал, поглаживал, перебирал перья на спине подруги, пощелкивал клювом. Самка размягчилась от такого повышенного внимания, чуть наклонилась, что и послужило сигналом для самца. Он, не торопясь, забрался к ней на спину, хлопая крыльями, чтобы удержать равновесие, схватил ее клювом за затылок и опустился на таз самки. Самка, чтобы не упасть под тяжестью самца, уперлась клювом в край гнезда и полусогнула ноги. После этого самец соскочил, и супруги долго успокаивались, перебирая свое оперение. Половые акты повторяются каждой парой неоднократно.

Кроме обычного процесса спаривания не единожды приходилось наблюдать несколько экстравагантное для животного мира поведение в такой ответственный момент.

Самка сидит на гнезде. С Волги, без кругового облета, подлетает самец. Возвещающий крик издает, почти подлетев к гнезду. Самка, среагировав на него, пытается поднятья, чтобы исполнить церемонию приветствия, но самец, не давая ей сделать

это, приземляется прямо на таз самки, устанавливает равновесие, совершает половой акт и улетает. Такому удивительному поведению я дал название "насильник", хотя спаривание происходит с самцом из своей пары. Доказательством тому, что балует свой, является попытка самки встать для приветствия, в ответ на возвещающий крик. А, что если, как и люди цапли пытаются разнообразить свой секс?

Супружеские пары достаточно агрессивны к своим сородичам, как и холостые самцы. Особенно часто это наблюдается, когда они заняты обустройством гнезда.

Гнезда ремонтируются тщательно. Сначала перекладываются ветки в надстройке гнезда. Затем партнеры начинают носить новые веточки. Пока нравится, передача осуществляется по правилам определенной церемонии. Подлетающий с веткой в клюве партнер не может издать возвещающий крик и поэтому создает шумовой эффект крыльями. Второй, в зависимости от того, что делал в этот момент, встает или поворачивается и делает вертикальное вытягивание, поднимая по завершении хохол. Прилетевший, не успев принять устойчивое положение на сучке, тоже сразу же встопорщивает хохол и продвигается в сторону гнезда. Подойдя к гнезду, он передает ветку находящемуся в гнезде партнеру, и тот укладывает ее на нужное место. Однако такой ритуал быстро надоедает супругам и действия по обустройству гнезда приобретают чисто деловой характер. Ветки приносятся, передаются без всяких восторгов, и сразу укладываются в гнездо. Последним выстилается лоток. Чаще ветки приносит самец. Их он собирает в округе или ворует с чужих гнезд. Делает это с оглядкой, настораживаясь при

появлении рядом пролетающих цапель или при резком звуке со стороны какой-либо пары. Поза, в которую он встает при этом, очень уморительна. Шея вытягивается наклонно вверх и при этом прогнута немного вниз. Клюв продолжает линию шеи и тоже наклонен вниз, составляя дугу вместе с шеей и головой. Вся поза нарочито напряженная и смотрится со стороны как живой знак вопроса.

Мое житье-бытье и процесс наблюдения осложнились в последние дни дождями. Четвертого апреля дождь лил целый день. Цапли во время дождя неактивны, большей частью сидят нахохлившись на гнезде или вообще отсутствуют. Да и для меня приятного мало: отсыревшая одежда, трудно разводящийся костер, - все это не вселяло большого оптимизма, но стоило дождю прекратиться, цапли мигом поднимали упавшее настроение. Забывалось все. И ради этого стоило претерпеть временные неудобства.

Напоследок я уточнил количество гнезд в колонии. Их, как и в прошлом году, оказалось девяносто три. Значит, пока не попадали. Во время обхода колонии я нашел много погадок цапель, целиком состоящих из шкурок полевок и мышей. Это явилось частичным ответом на беспокоящий вопрос о питании цапель в ранний период. Да, действительно во время таяния снегов очень легко ловить грызунов на полевых и луговых проталинах, так как талая вода затопляет их норки, и им некуда спрятаться. И вот, оказывается, цапли пользуются таким благоприятным охотничьим моментом.

Ко времени моего отъезда неясным остался только вопрос о заселении этих девяносто трех гнезд. Брачный процесс у цапель очень растянут. Одни уже откладывают яйца, вторые справляют свадьбы, третьи ремонтируют гнезда. Некоторые гнезда еще пусты, другие заняты только еще холостыми самцами, нервно вытягивающимися при появлении каждой летящей мимо цапли, в надежде на взаимное внимание. Так что все свадьбы еще не сыграны, а я покидаю колонию, но это не важно, сценарий у них один, как в наших загсах.

ВСЕ ЛИ В ПОРЯДКЕ У ЧАЕК?

Второй год очень ранняя весна. Чайки прилетели раньше обычных сроков. Реки еще были под панцирем льда, но для всеядных чаек, в отличии от цапель, проблемы с пропитанием не было. Наша ужасная привычка жить в антисанитарных условиях, когда грязные подъезды и улицы, редко убираемые, переполненные бачки с пищевыми отходами, свалки рядом с городами стали для нас нормой, все это обернулось для чаек чуть ли не райским существованием в самый сложный период года.

С самого рассвета озерных чаек можно увидеть в городе копающихся в наполненных доверху и не закрытых баках и ящиках для пищевых отбросов. Чуть ли не сутками дежурят они на свалках, находят обильный корм на станции очистки сточных вод.

За достаток корма волноваться не приходилось. Все большее и большее беспокойство вызывал их выбор места гнездования рядом с Новочебоксарским химкомбинатом и очистными сооружениями. Не сказывается ли химическое загрязнение местности на потомстве озерных чаек?

В этот период на изучение озерных чаек переключилась аспирантка Пермского пединститута Семенова Наташа. Ее интересовали вопросы эмбрионального развития чайковых птиц. Она попросила помочь ей в работе на колонии. Я дал согласие, так как интересы наши совпадали, ее работа тоже могла дать ответ на интересующий нас вопрос. Объем работы предстоял большой, и я привлек к ней своих друзей: Кузьмину Наташу, Павлову Надю, Арзамасцева Константина, и двух Юриев Николаева и Илларионова. На следующий год удачно влилась в нашу компанию

Скрябина Таня. Такое количество участников обеспечивало бесперебойный и беспрерывный процесс работы.

На первом этапе предстояло определение размеров и массы яиц, толщины скорлупы. Для получения достоверных результатов нужно было взять под наблюдение более пятидесяти гнезд.

Мы ежедневно, с самого начала откладки яиц, приезжали на колонию. Конечно, не всей группой сразу, а в том составе, у кого имелась на этот день возможность для поездки. Очистные, приветствовали нас своим сногсшибающим запахом, но это не влияло негативно на настроение. Напротив, здесь оно быстро поднималось, конечно, не от запаха, а от впечатлений бьющей ключом птичьей жизни.

Как только мы подходили к болоту, на котором расположилась колония, чайки по единому сигналу тревоги взлетали со своих мест. Большая часть, сделав несколько кругов, сразу же садились обратно к своим гнездам, убедившись, что серьезной опасности нет. От окраины болота до гнезд сто - сто пятьдесят метров. Наиболее агрессивные устремлялись в нашу сторону и описывали круги над нашими головами. В их голосе слышалось беспокойство. При этом то одна, то другая птица пикировала на нас, затем резко выходила из пике, взмывая в планирующем полете вверх, значительно не долетая до наших голов. Налет сопровождался резким угрожающим криком, похожим на тот, который издает сидящая чайка при приближении чужака к ее территории. Вскоре и эти птицы успокаиваются, и жизнь колонии продолжает течь в том же русле, что и до нашего появления.

Мы, теперь уже спокойно, так как чайки больше не обращали на нас никакого внимания, спускались с насыпи отстойника к воде. Вынимали и накачивали резиновую лодку. Набив ее заранее приготовленным сеном для тепла и удобства, спускали на воду и усаживались в нее, стараясь покомфортнее устроиться.

Люди на очистных, довольно частые гости. Рыбаки, охотники, работники станции, колхозники, просто случайные люди, у которых рядом огороды и дачные участки. Обычно, все они проходят мимо, не делая попыток добраться до самой колонии. Поэтому наше вторжение в пределы пограничной зоны, а затем и на территорию суверенного государства было воспринято однозначно. Не успели мы проплыть и пяти метров, как вся колония встала в ружье. В этом случае, спокойных не было. Каждый считал своим долгом сделать над лодкой пару-другую кругов, а то и спикировать на нарушителей спокойствия, оглушая нас при этом негодующими, несколько вибрирующими криками.

Не очень-то обращая внимание на беспокойство чаек, мы плыли дальше, все ближе продвигаясь к гнездам. Следующее

действие с их стороны вызвало у нас удивление. Большинство чаек, вместо того чтобы ужесточить атаки, стали спокойно усаживаться на свои гнезда. И тут же нам дали понять, что радоваться преждевременно. На гнезда садились птицы с дальних участков, а чайки с гнезд, к которым мы приближались, после столь наглядного предупреждения перешли к вооруженному отпору. Они подвергли нас интенсивной бомбардировке пометом. Помет выбрасывался при выходе из пике. Большинство белых клякс ложилось мимо, на воду, но были и довольно точные попадания. Этим они вынудили нас натянуть на головы капюшоны, хотя они ограничивали слышимость и частично видимость. Мы подплыли к ближайшему рогозовому острову. При попытке высадиться на этот остров выяснилось, что это очень зыбкое сооружение из густо переплетенных корневищ, побегов и листьев, образовавшееся в течение не одного года. Поняв, что легкой прогулки по острову не получиться, мы продолжили движение на лодке вокруг него.

Вот и первые гнезда, построенные, или точнее, сплетенные из листьев того же рогоза. Листья аккуратно

переплетены в широкий, плотный валик по небольшому, диаметром 30-40 сантиметров, кругу. Лоток неглубокий, сырой. Гнезда, насколько хватало взгляда, расположились цепочкой вдоль контура островной линии, повторяя все ее изгибы. Немного фантазии и в миниатюре острова превращался в крепостную стену, где гнезда представляли недоступные конусовидные башни. Внутри островной площадки не было ни одного гнезда.

Чайки совсем успокоились, когда мы причалили к первому гнезду. Только хозяева и ближайшие соседи продолжали беспокойное кружение с редкими атаками. Даже птицы с гнезд в 6-8 метрах от нас спокойно усаживались на кладки, показывая всем своим видом, что им совершенно безразличны манипуляции с соседскими гнездами.

В большинстве гнезд уже лежало по одному яйцу. Их скорлупа, по буровато-зеленой поверхности которой, разбросаны бурые пятна неправильной формы, прекрасно гармонировала с окружающим фоном и маскировала яйцо. Яйца резко заострены на конус, и на тупом конце пятна погуще. Забегая вперед, скажу, что потом нам попадались и оливково-зеленые, и даже серо-голубые, почти без пятен яйца.

Мы начали работу. Яйцо взвешивалось на весах, измерялись штангенциркулем его длина и ширина. Если судить чисто визуально, то величина его равнялась двум третям куриного. Чайки, возмущенные таким нахальством, предприняли отчаянные атаки на нас, выходя из пике, едва не задевая голову. Мы сначала опасливо пригибались, а затем привыкли и спокойно заканчивали свое дело. На стебель рогоза рядом с гнездом навешивали бумажку с номером, а полученные данные аккуратно записывали в тетрадь. В процессе работы, попались несколько гнезд с двумя яйцами -

значит, первые из них появились 30 апреля. Много было гнезд и без яиц. А в одном месте мы все-таки получили по шапке, и в самом, что ни на есть, прямом смысле. Мы с Юрой Николаевым в паре работали где-то уже на втором десятке гнезд, совершенно не обращая внимания на пикирующих чаек, как вдруг я почувствовал несильный удар по затылку. Как она это сделала я, конечно, не видел. Если с налета, то почему несильно? Ясно было одно, что причиной послужило яйцо, находившееся в этот момент у меня в руках. Пока мы оживленно обсуждали случившееся, чайка продолжала атаки. "Надо скорее положить, а то видишь, как беспокоится", - сказал я и протянул яйцо Юре. Он принял и потянулся к гнезду, чтобы положить его. В одно мгновенье бесстрашная чайка оказалась у его головы, и, резко затормозив в воздухе, с кивка, плашмя, клювом ударила его по черепушке. Юра от неожиданности выронил яйцо из рук мимо гнезда, хорошо еще, что не в воду.

- Вот и ты схлопотал, - посмеялся я над Юрой в свою очередь

- - Да уж, - только и высказал Юра. - Ладно, давай доставай яйцо и клади его в гнездо, а я тебя пока защищу, - приободрил я его, выставляя вверх весло.

Пока мы не отплыли подальше с территории, присутствие на которой вызвало беспокойство смелой чайки, все соседние гнезда обследовали с поднятым веслом.

Линия гнезд не тянулась по всей окружности острова, и для того чтобы взять под наблюдение необходимое количество гнезд необходимых для достоверности исследований, пришлось поработать еще на двух дальних островах. Правда, для этого пришлось провести еще две смены, так как работа оказалась очень

утомительной. Усталость от нее усугублялась неудобной позой сидения в резиновой лодке, тем более, вдвоем.

Второго мая резко похолодало. В полдень всего +3 при сильном западном ветре, и это после вчерашних +13. Поэтому мы не решились беспокоить чаек в самой колонии, чтобы не вызвать переохлаждение яиц. К тому же, это было бы бестолковое беспокойство, потому как второе яйцо обычно откладывается через день, а то и два после первого.

Третьего мая температура вновь поползла вверх - восемь градусов, почти безветренно. Мы сочли возможным продолжить обмеры.

При подходе к колонии наш взгляд уловил какие-то едва заметные изменения на территории колонии. Понять сущность произошедшего за последние сутки, мы так и не смогли, решили, что показалось.

Накачали лодку, спустили ее на воду. Первыми поплыли мы с Юрой Николаевым. Наташа Кузьмина с Юрой Илларионовым остались в ожидании своей смены.

Мы двигались в сторону первого гнезда под постоянными атаками переполошившихся озерных чаек. Пристав к острову, мы были полностью обескуражены отсутствием на нем гнезд: ни первого, ни последующих. Начался лихорадочный поиск. Быстро гребем вдоль острова. Ага, вот виден номерочек. Причаливаем. Но, что это? Почему 26? Рывок к соседнему гнезду. Соседнее, в порядке от двадцать шестого. Еще одна попытка … - двадцать восьмое? Мы в недоумении – эти гнезда были с другой стороны островка?!

В гнездах уже лежало по два яйца, и мы, оставив выяснение разгадки на потом, начали обычную работу.

Покончив с измерениями яиц этой линии гнезд, мы направились к ближайшему островку со следующей маркированной линией через знакомый пролив между первым и вторым островками. Но лодка уперлась в сплошную стену рогоза - пролива не было, мы попали в тупик.

Все сразу стало понятно. Рогозовые островки не соединены с дном и при ветре способны передвигаться по акватории в любом направлении. Это открытие было для нас действительно неожиданным. Обмозговав произошедшее, мы приняли решение заменить название этим рогозовым образованиям. Более подойдет к ним название «сплавины», а не «островки». Так и порешили – рогозовые сплавины.

А гнезда, пронумерованные начальными номерами, пришлось поискать. В одном случае, даже пришлось продираться через образовавшуюся перемычку. Все же, несмотря на возникшие препятствия, в этот день мы выполнили свою работу. Даже перевыполнили, обмерив яйца появившиеся в тех пустых гнездах, находившихся в линиях учета. Мы включили их в зону своего внимания, присвоив гнездам соответствующий номер с буковкой алфавита. Таким образом, под нашим наблюдением оказалось более шестидесяти гнезд.

На измерения параметров яиц мы затратили еще несколько дней, потому, что третьи яйца появляются с интервалом до трех суток. Кроме того, задержали те, более поздние кладки в гнездах с буковками. Яйца в них оказались самыми мелкими. Скорее всего, они принадлежали молодым парам.

Как уже говорилось, неудобства резиновой лодки и кропотливость выполняемых операций требовали своевременной смены исследователей. Однако, в один из дней мы с Юрой

Илларионовым оказались без смены, поэтому после проверки двух линий пришлось вернуться на место нашей стоянки, чтобы снять усталость.

Разминая затекшие ноги, и машинально осматривая окрестности, мы заметили группу идущих в нашу сторону мужчин с ружьями.

- Это к нам. Выяснять будут, что мы тут с тобой браконьерим, - произнес я.

- А чего сейчас добывать-то? Лето ведь? - наивно вопросил Юра.

- Ондатру, Юрик, ондатру. А тут охотхозяйство Новочебоксарского общества охотников.

К нам подошли только трое, остальные шестеро направились в сторону Цивиля.

- Промышляем, - беря быка за рога, вопросил крепкий, высокий, молодой парень в костюме защитного цвета и болотных сапогах. На плече у него висела неплохая "ижевка" 12 калибра.

- Глубоко ошибаетесь. Если бы мы занимались таким делом, то не стали бы вас тут дожидаться, - сразу опроверг я обвинения. - Тут не лес, и вас было видно издалека. К тому же, бинокли у нас получше вашего. - У одного из них, что покоренастее, действительно на шее висел бинокль, обычный полевик 8х30.

- Можно посмотреть? - сразу ухватился тот, что с биноклем.

- Пожалуйста! - Юра протянул ему любимую нами "семерочку" с просветленной оптикой и широким углом поля зрения.

- Чем же вы тут занимаетесь? Не рыбу же в этой луже ловите? - ядовито усмехнулся первый.

- Да уж, не рыбу, - ответил я в тон ему, но затем, чтобы сразу отвести все необоснованные подозрения, решил объяснить суть нашей работы. - Мы с пединститута, занимаемся научно-исследовательской работой. Изучаем, нет ли каких вредных последствий для чаек, гнездящихся в такой загрязненной местности.

- А чего о них заботиться, об этих чайках? Их вообще тут надо разогнать. А то заняли все места, уткам гнездиться негде! - неожиданно для нас заявил, не вступивший дотоле в разговор, третий, пожилой, такой же высокий, как и первый, но худой, в обычной рабочей спецовке и простых резиновых сапогах.

- Вы что, все так считаете? - удивленно повернулся я к нему.

- Конечно! Мы тут старались, дамбы возводили, чтобы вода отсюда в Цивиль не уходила, а тут чайки вперед уток загнездились и не дают им спокойно жить здесь, - поддержал пожилого коренастый, оторвавшись от осмотра местности и передавая Юре бинокль.

- Надо же, какое заблуждение! Да если бы не было здесь чаек, вы бы тут и уток не увидели, разве что две-три, - горячо ринулся я в спор, чтобы убедить глубоко уверившихся в своей правоте людей отказаться от ошибочного взгляда. Ведь от их понимания ситуации во многом зависела судьба колонии.

- Поймите, пожалуйста, первыми такие искусственно созданные водно-болотные угодья, да еще рядом с человеком, заселяют птицы, не боящиеся его, - каковыми и являются озерные чайки. А их поселения привлекают на гнездование других птиц: уток, куликов, поганок, пастушков, по принципу: "Вас тут не трогают, и нас не тронут". А самое главное, чайки обеспечивают им всем надежную защиту от пернатых хищников, и в первую очередь

от новоявленных, самых страшных - серых ворон, которых рядом с человеком особенно много. Является доказанным фактом, да и в вашем журнале "Охота" не раз писали, что от ворон сейчас гибнут в разных местах от 60 до 100% кладок уток. А здесь, посмотрите, сколько выводков и все многочисленные.

- Ворон мы тут сами недавно всех перестреляли, а вот если бы чайки не заняли все места, уток было бы значительно больше, - упрямо стоял на своем, затеявший разговор пожилой охотник.

- Вы хоть раз внутри колонии были? - вступил в спор решивший поддержать меня Юра.

- Нет, не были, - последовал ответ.

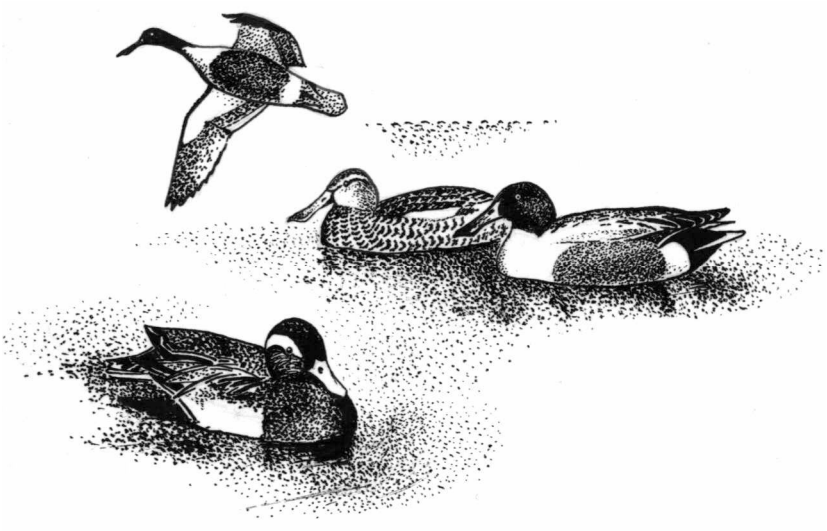
- Так вот, чаек здесь около 1200 пар и гнезда их расположены цепью, причем не сплошной, по краешку всего лишь нескольких рогозовых сплавин. Основная площадь этих сплавин и рогозовых зарослей вдоль берегов абсолютно свободна от чаек. И там места для сотен уток. Но, видимо, есть другие факторы, сдерживающие их численность.

- Не знай, не знай. Поживем, увидим, - с сомнением протянул коренастый. - Пошли, мужики, - дав этим понять, что спор закончен.

- И все-таки подумайте, прежде чем разорять колонию. Вы тогда останетесь без дичи, - крикнул им я вдогонку.

Забегая вперед, скажу, что я на этом не успокоился. Если мое устное слово сомнительно, попробуем печатное - главное, сохранить колонию. Весной следующего года в журнале "Охота и охотничье хозяйство" появилась моя статья, освещающая подробно и доходчиво этот вопрос. Думаю, что я их убедил. Во всяком случае, колония, пока, цела.

Во время работы на колонии мы постоянно соприкасались с другими видами птиц, с охотой гнездящихся под защитой чаек. Это в первую очередь, миниатюрные черношейные поганки. Они построили плавучие гнезда среди отдельно отстоящих куртин рогоза, и при близком нашем прохождении птица как-то украдкой соскальзывала с гнезда и ныряла. Появлялась она из воды на значительном удалении от него. Да и без этого поганки постоянно находились в пределах нашей видимости, и мы частенько, отвлекшись от моно

тонной работы, наблюдали как кто-то из партнеров ловко нырял за кормом, а, наевшись, спешил на смену.

Другим, постоянно находившимся на глазах видом, были красноголовые нырки. Точнее, их селезни. Они спокойно плавали и кормились на территории колонии. Независимо, не торопясь, уплывая в дальний конец, при нашем приближении.

Их самок мы видели только когда спугивали с гнезд. Мы не задавались целью отыскивать их гнезда, но три гнезда находились посреди наших учетных линий. Гнезда у них построены из того же материала, что и у чаек, и почти таких же размеров. Правда,

немного повыше, и густо выстланы пухом, даже валик пуховый имеется поверх рогозовой основы. В одном гнезде было семь, а в других по десять яиц оливково-голубой окраски. Утка, уплывая, не забывала прикрыть яйца пухом.

Изредка мы видели камышниц, черных таинственных птиц с красной бляшкой на голове. Если задерживались до позднего вечера, то удавалось наблюдать ловко бегающих по сплавинам болотных курочек и погонышей. Погоныши ритмично подгоняли себя ударами звукового хлыста.

Регулярно навещали колонию пернатые хищники - Болотный лунь и коршун. Но им чайки устраивали серьезный отпор. На защиту своих гнездовий вставали все как один, и заставляли убраться незваных гостей несолоно хлебавши. Правда, болотный лунь со свойственной ему настойчивостью добивался своего, используя тактику – «не мытьем, так катаньем».

Но не только птиц можно было увидеть на колонии. Частенько, словно привидение, возникала из-под воды голова плывущей ондатры, целенаправленно разрезающая спокойствие водного зеркала. Облюбовала под гнездо нору в косогоре отстойника семья горностаев. То и дело можно было увидеть симпатичного бело-коричневого зверька с черным кончиком хвоста, мелькающего среди заломов прошлогодних и нынешних листьев рогоза. И я сомневаюсь, что эта семейка помышляла только мышей.

Снесением третьего яйца кладка у чаек завершается. После этого мы занялись обработкой данных. Наши результаты и результаты Наташи по развитию эмбрионов нас успокоили. Размеры и масса в норме. Как полагается, вторые яйца оказались наиболее крупными, а третьи - самыми мелкими. Своевременные сроки развития эмбрионов и высокий процент вылупления говорили о

нормальном здоровье популяции. По сравнению с другими популяциями, яйца наших чаек крупнее, чем в южных, и несколько меньше, чем в северных, что вполне соответствует экологическим закономерностям. А главное - толщина скорлупы в норме. Что дает возможность насиживать яйца без проблем.

Да, у чаек все в порядке, а вот у крачек, которые выбрали себе место для гнездования на одном из полузаполненных новых шламонакопителей, произошла трагедия.

Крачки прилетают к нам значительно позднее чаек, только в первой декаде мая, но сроки брачного периода значительно короче. Уже в середине мая у них появляются яйца. Этому способствует и то, что на постройку гнезда они практически не тратят времени. Небольшое углубление в песке, почве, в зависимости от того, где гнездится, иногда пара-тройка раковин двустворчатых моллюсков или камушков - вот и вся архитектура.

И вот, когда насиживание было в полном разгаре, началось окончательное заполнение шламонакопителя. Что и явилось причиной трагедии - все кладки были затоплены. А в этом году их загнездилось как никогда много - 93 пары.

Тем не менее, крачки очень быстро оправились от потерь. Им не привыкать, такое частенько бывает с их кладками и в естественных природных условиях. Слишком близко от воды, на очень низких берегах и косах располагают они свои гнезда, и любой подъем воды или шторм приводят к гибели их яиц. А вот гнезда малых чаек, десять пар которых гнездились рядом с крачками на том же отстойнике, потоп не коснулся. Эти птицы выбрали для гнездования самые высокие бугры неравномерно насыпанного субстрата, густо заросшие лебедой и полынью.

Рассредоточившись по старым отстойникам, где были небольшие островки, растительность которых свидетельствовала об их устойчивости, речные крачки приступили к повторной откладке яиц.

С 22 на 23 мая в колонии чаек появились первые птенцы, а на следующий день началось их массовое вылупление. Самое интересное то, что разница во времени между вылуплением птенца из первого яйца и птенца из третьего - максимум сутки, а разница в их откладке от 3 до 7 суток. Этот факт говорит о более быстром развитии зародышей в поздних яйцах.

В наши планы не входило обследование птенцов, поэтому в первые дни после их вылупления мы старались не беспокоить чаек.

Лишь через неделю мы приступили к кольцеванию.

Птенцы с самого рождения понимают сигнал опасности. И когда мы подплывали к гнездам, птенцы, реагируя на тревожные крики родителей, старались скрыться из них. Но обычно далеко не убегали, затаивались рядом. Их темно-зеленовато-желтый пуховый наряд с чернеющими пятнышками неправильной формы по всему

телу идеально маскировал их на фоне пожухлой, прошлогодней рогозовой листвы. Попадались и отчаянные элементы, они смело бросались в воду и пускались наутек. Конечно, долго в воде они находиться не могли - пух быстро намокал и большеголовые, большеногие птенцы старались выбраться на сплавину. Обычно им это удается, если они не пытаются это сделать, несознательно, конечно, на чужом участке. Взрослые чайки очень агрессивны у своего гнезда, даже по отношению к таким несмышленышам. Полезешь не туда, получишь клювом в лоб. Мы по возможности старались отлавливать шустриков и, нацепив им на лапку колечко, водворяли на место.

За четверо суток 300 птенцов получили на свои непропорционально большие ноги по легкому алюминиевому колечку с номерком. На этом наша работа в колонии завершилась. Правда, она еще имела свое продолжение, но уже в следующий сезон.

ПОИСКИ ЦАПЕЛЬ В ПРИСУРЬЕ

Конечно, еще нельзя было считать завершенным поиск колоний по Волге, но меня непреодолимо тянуло на Суру. Сура - река моего детства и юности. Я вырос в Присурье. В его лесах я познавал азбуку природы. Пусть я знал не все Чувашское Присурье, этот район только в длину 300 километров, но я уже чувствовал - это моя река, и пришла пора узнать ее, изучить все, что с ней связано. На это потребуется много лет, начало будет положено в этом году.

И вот я выхожу из своего родного села Большие Алгаши - первого русского поселения, как говорили в давние времена, за поганой Сурой. В этом нехорошем слове не характеристика самой Суры, а название ненавистного врага, от которого и защищала многострадальная пограничная река. Теперь для народов, населяющих Присурье, это родная, любимая река.

От околицы через поле, приличных для лесного края размеров, через лесной массив, мой путь лежит, непосредственно, в пойму Суры. У меня есть конкретная цель - найти колонии цапель и чаек. Однако, в душе я понимаю, что влечет меня не столько эта узкая задача, сколько возможность познать многоликую красоту родного края.

Рацкая дорога, что ведет на Рацкий кордон, должна в конечном итоге вывести меня в район села Ратово, что на той стороне Суры. Правильно, естественно, произносить: «Ратовская дорога", "Ратовский кордон", но у нас так не говорят. И пусть простит меня дотошный читатель, если некоторые названия в моей книге не совпадут с официальными на карте. Я считаю, что местные

жители лучше знают названия своих мест, нежели заезжие исследователи.

Жарко идти полем. Но любой, изможденный жарой, путник найдет на этой дороге кусочек живительной тени под лоном небольших куртин, полевых болотц, густо заросших некрупными деревьями и кустарниками. Отдохнув, он с легким сердцем может продолжить свой путь. С каким умом, крестьянской смекалкой, дальновидностью, раскорчевывались леса. Куда ни глянь, всюду среди нежной зелени полей видны темно-зеленые очажки болот. Они очень маленькие, и их ничего бы не стоило выкорчевать, осушить, а крестьянин оставил их для того, чтобы в жаркий полдень длинного, трудового дня иметь рядом прохладный полог тени, легким прикосновением своим снимающий усталость. Выгода от этого в сотни, тысячи раз больше, чем от клочка бесплодной пашни на мочажине. И народ ласково называет эти оазисы - Дубовенькое, Березовенькое..., и не иначе как - болотцами.

Есть и настоящие болота среди поля. Справа, во всю его ширину, вплоть до леса, тянется Светлое болото, переходящее в топкое, лесное - Чапрово. И они играли, и играют огромную роль в многотрудной крестьянской жизни, давая топливо для изб и отличное сено для скота в тяжелые зимние месяцы. Ведь для простого народа лес и трава в казне были всегда недоступными и при царе, и при социализме.

И все-таки, главное, для чего оставлены болота и болотца рачительными хозяевами - это для сохранения влаги на полях, чтобы наши речки были полноводными. Именно в этом видели настоящие крестьяне залог плодородия.

Путь далек. Глаза фиксируют не радующие душу изменения. Нынешние хозяева, позабыв многовековой опыт предков, железной мелиоративной лопатой, корчуют и осушают эти мелкие, многочисленные сердца полей. Пытаются за счет этого нарастить посевные площади, увеличить урожаи. Нет, это не хозяева - это временщики-вредители, не понимающие сами того, что творят.

Живительная прохлада леса отвлекла меня от печальных мыслей. Узкая тропинка вьется по тенистому лиственному лесу. Прохладно и сыро. Многочисленные лужицы, избегнув попадания прямых солнечных лучей, усыхают очень медленно. Слева от извилистой дорожки прямая, насыпная дамба, глубоко продавленная заплывающими грязью колеями многотонных лесовозов. По ней неприятно идти, впечатление как от гноящейся раны на здоровом теле.

Лиственный лес сменяет молодой соснячок, творение человеческих рук. Дамба сходит на нет. Под ногами сухо. Близко кордон. Поворот - и видны людские постройки. Двухквартирный дом и двое дубовых ворот по сторонам. На отшибе, напротив, рубленая банька, по-черному. Изгородь, отделяющая обширный огород от леса, глубоко уходит в его чрево. Когда-то и напротив стоял кордон. Теперь, и в оставшемся лишь одна половина заселена. Вот, уже который год живет здесь семья лесника Ивана Долгова. Приходится только удивляться его терпению и неприхотливости.

Не любят современные лесники жить в лесу на дольних кордонах. Предпочитают уютные дома в деревнях, лесных поселках. Приезжают в лес на работу, как на завод. Что-то неестественное есть в этой ситуации, не настоящие они какие-то, лесники, приезжающие в лес на работу.

Можно, конечно, понять их. Кому охота жить без электричества, без телевизора, да и еще одному к тому же. Но теряется при этом та живая связь с лесом, что делает лесника лесником. Становится обидно за лес, нет у него теперь настоящего защитника. И главное действующее лицо сейчас в лесу - это рубщик.

Стоит кордон на Ковырловской горе, хотя в данном месте ее трудно назвать горой, скорее, пригорок. Это бывший берег Суры. Много тысяч лет назад плескались ее воды у этого исторического берега. Теперь Ковырловская гора является границей поймы и до Суры отсюда 6 километров.

На спуске колодец со старым замшелым срубом. Рядом жестяная банка с проволочным перевяслом и палка-крючок, чтобы путник мог без проблем достать водицы и утолить жажду.

Начинается труднопроходимая местность. Лишь по дороге можно пройти, да и то по не просыхающей грязи. Есть небольшие препятствия на дороге. Сразу за первым, после спуска, поворотом - Ужиный овражек. Здесь и в сухое лето можно зачерпнуть сапоги. Во впадине течет, не иссякая, ручей из одного болота в другое. Чьи-то заботливые руки постоянно обновляют быстро сгнивающие в сырости пару жердин, служащих мостиком.

Ужей здесь действительно много. Лениво греющиеся на солнышке, при моем приближении они стремглав пускаются вплавь в заросли осоки. Далее идет типичное сырое чернолесье: осина, ольха, ива. Заканчивается низина через 2,5 километра глубоким Татарским оврагом. С трудом преодолев его заболоченное ложе, поднимаешься на сухую возвышенность.

Дорога резко сворачивает влево и идет рядом с низиной. Почти сразу вправо ответвляется дорога на «Труд» - бывший

поселок. В раструб дороги видно открытое пространство бывших полей, теперь лугов.

Таких поселков с пролетарскими названиями много было разбросано по лесам Присурья. Сейчас от большинства из них остались лишь названия.

Возникали они спонтанно, на нови, в советское время, чтобы крестьяне могли годика три пожить, не платя налогов. Не имея глубоких корней, они исчезли первыми в битве Советского правительства с российской деревней.

Труд-колхоз не стал исключением. Все жители давно разъехались по исконным деревням и селам, также понесших значительный урон в этой войне, но все-таки устоявших.

За участком леса, тесно примыкающего к колхозным землям, открылась широкая панорама завоеванного когда-то у него пространства. Теперь, покинутое человеком, оно постепенно отвоевывается и возвращается в родное лоно лесной гвардией, ведущей наступление с опушек. А то, что еще не отвоевано лесом, взято под контроль луговым разнотравьем, выдержавшим нелегкую битву с сорняками, захватившими пашню на начальном этапе освободительного движения. Там и сям на открытой местности виднеются зеленые куртины болот, словно не взятые врагом крепости. От них, как с плацдармов, тоже ведется активное наступление.

Через некоторое время дорога вновь ныряет в лес, но очень быстро выныривает обратно из него, внедряясь в поля бывшего колхоза "Редкодуб". В настоящее время земля принадлежит колхозу из Ратова. Чувствуется хозяйская рука. Поля здесь по-прежнему возделаны, в основном засеяны многолетними травами.

От самого поселка, под одноименным названием «Редкодуб», остался один единственный дом, да целый ряд одичавших садов, где созревает вишня и наливаются соками к скорой осени терн и яблоки. В теплое время года в доме живет старик, к которому на лето приезжают внуки. А на зиму сам уезжает к ним. Недалеко от дома летние колхозные станы для дойки коров, которые пасутся здесь на вольных выгонах. Вправо простираются заливные луга, не тронутые плугом. По ним я и дошел почти до озера Сурки. Оно здесь рядом, за узкой кромкой леса.

Я тут оказался не случайно. В пору ранней юности, часто бывая на различных озерах, я встречал на них цапель, но встречи эти происходили обычно в августе, в период миграции. Хотелось верить, что прилетают они не издалека, выросли где-то рядом. От охотников и рыболовов я получил обнадеживающие заверения, что видели, что гнездятся в Сурском долу, недалеко от озера.

Узкая полоска леса промелькнула незаметно. И вот я стою на берегу Сурки. Озеро, изгибаясь влево и вправо, образует кольцо с островом по средине. На берегах сумрачный лес. В первом ярусе - осина, дуб, липа; во втором - черемуха, вяз, молодые липы. Завершает целостную картину густой кустарник. Много валежника, сыро. Грунт насыщен влагой. В продавленных телегами, мотоциклами, велосипедами колеях скопилась вода. Непосредственно у озера хороший дренаж, и береговой вал приятно сух.

Остров довольно низкий. Об этом свидетельствуют

преобладающие породы кустарниковых ив и подтопленные берега, густо заросшие осоками и камышом. Вначале я прошелся в правую сторону, любуясь красотой озера. Кольцо мне замкнуть не удалось, дорогу преградил узкий заливчик, далеко по долу вторгшийся в лес, где заболотился от долгого застоя.

Болото прочно и давно оккупировало этот участок, если успели образоваться столь высокие осоковые кочки. Здесь нашли приют выводки крякв и чирков, поспешившие скрыться при моем неожиданном появлении.

Я не стал искать сухой переход, чтобы завершить круг и пошел назад. Недалеко за тем местом, где я вышел к озеру, начиналась вырубка. Солнце здесь беспрепятственно освещало водную гладь. Такой неожиданно свалившейся благодатью не преминули воспользоваться кувшинки и кубышки, густо заселив богатый солнцем участок. Раскиданные по водному зеркалу блинчики листьев без промаха ловили в свои хлорофилловые ловушки быстрые кванты света. Белые короны цветов кувшинки жадно наслаждались солнечным днем, чтобы вновь на пол суток уйти в прохладную сумеречную глубину. Желтые кубышечки, немного приподнятые над водой на трубчатых цветоносах, уступали по красоте царственным кувшинкам, но также приятно радовали глаз.

Здесь озеро уходило на северо-запад. А к Суре отходил отрог под названием, точно отражающий сущность его сходства - Кармашка, постепенно переходящий в заболоченный дол. Вдоль него я и двинулся, надеясь на скорую встречу. Вскоре дол расширился, стал неглубоким и почти сухим. Осоки сменились густым ивняком. Я без каких-либо трудностей перешел на другую сторону. Через несколько десятков шагов передо мной был еще

один дол. Я долго бродил в зарослях ивняка и крапивы, посреди редко торчащих среди этой чащи некрупных деревьев черемухи и ольхи. Обследовал еще пару долов. Наконец понял, что так, блуждая по лесу, я вряд ли найду поселение цапель, и решил выйти к Суре. Там, на реке, при широком обзоре, точно не пропустишь цапель, совершающих челночные рейсы за кормом и обратно, если, конечно, они здесь есть.

Я вышел на берег Суры почти напротив деревни Барятино. Затем дошел до самого большого дола, и выбрал место, где хорошо просматривалась река в обе стороны.

Быстренько соорудив костерчик и подвесив над ним котелок, я принялся обустраиваться, решив заночевать здесь. При этом, естественно, не забывая осматривать окружающее воздушное пространство.

Множество ласточек-береговушек черными молниями пронизывали теплые токи восходящего от нагревшейся за день воды воздуха. Солнце с заметным ускорением скатывалось с небосклона. Над водой звенели кулики-перевозчики, перекликались на отмелях мородунки. Дважды сверкнул сапфиром в лучах заходящего солнца зимородок, на предельной скорости промчавшийся под обрывом туда и обратно. Пролетели, перекликаясь, две пары куликов-сорок, красивых бело-черных

птиц с красными клювами и ногами. Из-за леса выплыл и плавно уплыл вдаль коршун. А цапель не было видно.

Солнце коснулось своим краем высокого левого берега, и, не разбившись, как этого следовало ожидать при падении с такой высоты, стало, проплавляя земную твердь, быстро погружаться в ее толщу. Багровое пламя заиграло на куполах Ратовской церкви, отчетливо видимых в аэре вечернего неба. Через какие-то мгновения только оранжевое зарево играло на западном небосклоне, исходящее от полыхающего солнечного пожара в недрах Сурского берега. С каждой минутой солнце все глубже и глубже погружалось в бездну, и свет, вырывающийся на поверхность, постепенно иссякал. Ночь и завтрашний день, судя по закату, ожидались без дождя. Вечерние наблюдения вполне убедили меня в отсутствии цапель в Сурском долу. Поужинав и попив чайку, я расстелил палатку и, забравшись в нее, как в спальный мешок, спокойно заснул.

С рассветом я открыл глаза. Утренняя свежесть вмиг смыла с них дремотную пленку. Высвободившись из пут столь оригинального спальника, бегом спустился к реке, ополоснулся. Вскарабкавшись наверх, раскочегарил костер, согрел и напился чаю. Несмотря на обильную росу, собрав свои пожитки, не спеша, двинулся по берегу вниз по течению.

В Барятино в это время выгоняли стадо. Коровы быстро спускались по косогору. Неужели скудные луговины крутого берегового склона единственное место для пастьбы? Хотя, что я удивляюсь, у нас везде бедному крестьянину нет места для выпаса личного скота.

Хороших, торных тропинок по берегу не было и приходилось идти напролом. Поэтому, через некоторое время, моя

одежда осталась сухой только со стороны спины. По ходу я преодолел еще один глубокий дол. Текущий по его дну ручеек тонкой, водной ниточкой связывал озеро Заводь с Сурой.

Наконец, отсыревший от ночной росы лес кончился, и я вышел на луг, затянутый туманом, словно шелками. Пока я преодолевал открытое пространство, шелковый полог приподнялся, обнажив вдалеке невысокие кусты. Где-то там, за кустами, озеро Каракал.

Я двигался тополиной рощей, что напротив села Языково, когда верхний порядок домов внезапно вспыхнул ярким, золотистым огнем - взошло солнце и, в одно мгновение, лес наполнился многоголосицей птичьего щебетания. Хотя нашей стороны не коснулся ни единый лучик, а птицы почувствовали восход.

До меня, идущего под пологом леса, солнце тем более не скоро доберется, и надо спешить, пока прохладно, пройти открытые луга напротив Лекаревки. А пока нужно углубиться в лес и, сделав значительный крюк, выйти снова к Суре. Хорошо, что здесь есть дорога, идти стало значительно легче. Почти сразу ответвление на Каракал, но мне сегодня туда не нужно, и я иду прямо. Дорога очень сырая, местами грязная. Вскоре она вынырнула из леса на обширную, залитую солнцем Шмелевую поляну.

Ни шмелей, ни других насекомых, конечно, на поляне еще не было. Даже яркости красок луговых цветов еще не было, они только, только начинали приоткрывать бутоны, просыпаясь от ночного сна. Зато росная россыпь жемчугов, сапфиров, алмазов и прочих драгоценных камней переливалась и играла всеми цветами радуги на изумрудной поляне.

Если со Шмелевой поляны пойти прямо, то попадешь на озеро Синчугуры, на берегу которого стоит одноименный кордон и база охотхозяйства Чебоксарского агрегатного завода. Но я поворачиваю налево и через три-четыре сотни метров выхожу на озеро Индедерово. Отличается оно от остальных озер округи высокими крутыми берегами. А вот растительность по его берегам все та же: дубы, липы, вязы, немного осины, черемухово-липовый подлесок, разбавленный лещиной, и снытевый коврик. Только у дальнего конца человек, со своей настырностью, сунул сосну, не считаясь с мнением матушки-природы.

Когда солнце начало существенно нагревать, я уже заканчивал пересечение Лекаревских лугов и поворачивал от берега Суры вглубь тенистого лесного массива. Дорога вела меня вдоль поймы правого притока Суры - Алгашки. Пойму этой небольшой речушки можно вполне сравнить по труднопроходимости с джунглями вечнозеленых тропических лесов, по крайней мере, с такими, какими их описывают в книгах. Конечно, редко стоящие могучие вязы не скрывают от путника солнце, но в нижнем ярусе сам черт ногу сломит. Молодая поросль черемухи и ольхи, составляющая подлесок, имеет по нескольку стволов. И, обязательно один, а то и два, три, притянуты к земле мощными путами единственной лианой

севера - золотистым хмелем. Процесс порабощения занимает года два, иногда три. В первый год хмель, прорастая, обвивает молодые побеги черемухи или ольхи, переплетая их с соседними стволами и ветками. Сила движения тянущегося к солнцу стебля хмеля стягивает и сгибает слабую опору. И даже зимой, когда стебель и листья лианы отмирают, освобождения не происходит. Мертвый стебель еще год, а то и два, цепко держит то, что захватил при жизни. Весной к нему на помощь приходят сеголетние побеги, и маленький слабосильный кустик вынужден расти, согнувшись под тяжестью рабских цепей. Тут, на горизонтальном уровне, его, почти уже сдавшегося, ловят цепкие лапы ежевики. В довершение, весь этот колючий клубок густо прорастает жгучей крапивой, прошлогодние стебли которой тоже не скоро перегнивают. Но самым опасным здесь является то, что эта зеленая, жгучая, колючая путаница скрывает под собой не только живые порабощенные ветви черемухи и ольхи, но и никогда здесь не убираемые, ни какими лесниками, стволы упавших мертвых деревьев, острые сухие сучья которых могут распороть у вас не только одежду при неосторожном шаге. Так что без хорошего топора здесь появляться не стоит. Зная эту особенность поймы моей родной речушки, я всегда предпочитал путешествовать по ее руслу, благо оно не глубокое, и сегодня я не решился испытать судьбу и поэтому делаю большой крюк. Правда, справедливости ради, следует сказать, что не испуг перед препятствиями поймы вынудил меня пойти в обход, таким путем я получал возможность осмотреть всю пойму Алгашки, точнее ее приустьевой, лесной части, и воочию убедиться в отсутствии или наличии серых цапель.

Дорога постепенно спустилась в пойму и на некоторых участках проходила достаточно близко от русла. Даже в этой низине

дорога умудрялась нырять в глубокие распадки. Если пойти по ним, то обязательно выйдешь либо к зарастающему озеру, или к уже созревшему болоту. Крупные озера: Погорелое, Чертик, Витряс из последних сил противостояли нашествию болота. В двухстах метрах от Витряса, от обширного водного зеркала которого, осталось лишь несколько небольших "окошек", стоит покинутый хозяином кордон Глушица. От него рукой подать до моста через Алгашку.

Немного передохнув у моста, вдоволь напившись водицы, я не пошел прямой дорогой, что вывела бы меня на озеро Ургуль, а повернул налево, и зашагал по тропинке к устью Алгашки. Опустившееся подвздошье ее поймы проплывало теперь слева по ходу. Тропа широкая, выбитая до черной земли скатами велосипедов и мотоциклов рыбаков, любителей половить в устье. Солнце сюда не поступало, но луж было мало - возвышенность. Тенистым, прохладным коридором шагалось легко, и вскоре я был на месте впадения Алгашки в Суру; месте, священным для меня, потому что именно тут я впервые в жизни увидел Суру и заболел ею навсегда. Те далекие детские впечатления воспринимаются сейчас как нечто необыкновенное. Крутой берег Суры, по которому тогда, целую вечность, с большой осторожностью, как с какого-нибудь пятитысячника, пришлось спускаться к воде, был для меня таким высоким и величественным, каким сейчас во взрослом состоянии, видится, например, Красный Яр на той же Суре, а они не сравнимы для моего взрослого сознания. А вот в детстве?.. В детстве все измерялось другими величинами: годы тогда тянулись, а сейчас летят; те километры, которые я прохожу сейчас за день, тогда казались непреодолимыми и за месяц. Так и правый, хоть и крутой, но не очень высокий берег

Суры производил совершенно другое впечатление. Удивительная вещь: растет человек - величины и расстояние уменьшаются; взрослеет человек - время ускоряется, а прошлое кажется таким далеким и призрачным.

Здесь, у когда-то стоявшей в устье Сурской мельницы, я сделал более серьезный привал с прохладной ванной для разгоряченного тела. Переплыв Суру, я, с удовольствием расслабившись, разлегся позагорать на широком песчаном пляже. Мой взгляд лениво скользил по полого восходящему берегу, прерывающемуся цепями молодых и старых ивняков. Ноги с зудом выталкивали усталость пройденных километров. Наконец сердце успокоилось после резвого заплыва, и я забылся в чуткой дреме.

Из оцепенения меня вывел проплывающий буксир. Я резко вскочил, побежал к реке и рывком бросил тело в волны, поднятые прошедшим судном. Приятная свежесть воды мгновенно вернула мне бодрость, и я на предельной скорости, на какую был способен, поплыл к правому берегу.

Полностью выложившись в заплыве, я только сейчас почувствовал жуткий голод, и вспомнил, что за день ничего толком не ел. Сначала я хотел приготовить горячий обед, но вовремя опомнился, день-то клонился к вечеру, да и отмахал я порядочно. Поэтому решил немного перекусить всухомятку и дойти до Ургуля. А там встать на ночевку.

Сказано-сделано, перекусив, я продолжил свой путь по берегу. Тропы здесь не было, и из-за густых зарослей колючего шиповника приходилось иногда спускаться к самой воде. В обрывистом береге гнездились ласточки-береговушки, не зря их так называют. Попалась нора зимородков. Из-под ног то и дело

шмыгали в кусты ящерицы. В воздушном мареве лениво парили коршуны, штопором, петля за петлей, ввинчиваясь ввысь.

Очередная Сурская петля заканчивалась. В этом месте от реки в глубь леса протянулась свежая плешь под газопровод. Ее-то и избрали под свой охотничий участок чеглоки. И открытого пространства много, и колония ласточек под боком.

Вечерело, после полуденного перерыва оживились лесные певцы. Особенно красива песня многочисленных здесь славок-черноголовок, повсюду слышна и нехитрая песенка горихвосток. Издалека доносятся звуки лесной флейты - иволги.

Здесь рядом озеро Ургуль, но на него я хочу пойти с утра. А пока, уйдя с полкилометра от газопровода, я готовлюсь к ночи. Горячий ужин. Сон. Успеваю заметить, что до сих пор еще активны соловьи, но на ночь и они прерывают свои серенады.

Рассвело. Зябкий воздух, исходящий от реки, вгоняет в мелкую дрожь. Сурская вода быстро снимает остатки сна. Поколдовав над костром несколько минут, вернул в него жизнь. Он с благодарностью разогревает остатки чая. Чай постепенно, но твердо выгоняет дрожь из тела. Теперь можно идти.

Поежившись от сознания того, что меня ждет холодная купель, я вступаю в росистую мокреть кустов и трав. Молодая крапива и запутанные клубки ежевики с удовольствием сбрасывают избыток влаги со своих листьев на мою одежду. Местность понижается, начинает ощущаться сырость почвы. Появляется множество кучек яркой зелени страусников - надежных указателей близкой воды. Прошлогодние буро-коричневые спороносные перья вызывающе торчат среди буйства новой жизни. Через некоторое время я начинаю осознавать какую-то необычайность леса, в котором я оказался. Остановившись, я

внимательно осматриваюсь. Вокруг меня и дальше, повсюду ровные, стройные колонны ивового леса. Представляете, чистого ивового леса?! Такого я еще не встречал. Просто удивительно, ива, и такие ровные, почти как свечи, стволы, и нет других деревьев. Восхитительно!

Полоса ивового леса оказалась нешироко. Пройдя сквозь чудесный храм природы, я вышел на низкий подтопленный берег Нижнего Ургуля. Мое появление было совершенно неожиданным для двух чирков-трескунков. Замешкавшись на несколько секунд, они с хлопаньем покинули этот уголок, а мородунки, не обращая на меня никакого внимания, продолжали зондировать илистый берег.

Свернув несколько вправо, с трудом продираясь по нехоженной низине, я вышел к небольшой бакалде. От нее, по узкому, относительно сухому перешейку, разделяющему Нижний Ургуль и Ургуль, поднялся на правый возвышенный берег.

От перешейка, каплевидно расширяясь, Ургуль принимал необычайно широкую для Присурских озер форму. Исходная часть этой "капли" была сильно заболочена. Когда-то озеро было богато водяным орехом - чилимом, или рогульником, что и послужило причиной такого наименования. На высоком берегу Ургуля прекрасная дубрава, но даже такая могучая рать не смогла сохранить в озере то, что дало ему имя – ргульника в нем осталось не больше трехсот розеток.

По тропе, сначала вдоль Нижнего Ургуля, затем незаметно углубляясь, я продолжил свои исследования. Она вывела меня к красному, от специфической глины, ручью. Ручей этот течет из глубины массива, а недалеко отсюда, в обширной низине, образует озеро Бобер с заболоченными, в большинстве своем неясными берегами. С этого озера началось восстановление

популяции бобров в Чувашии. И, до сих пор, там живут две семьи в больших хатках.

Лес вдоль ручья давно вырублен. По его руслу я вновь вышел к Суре. Вымок довольно сильно, но ничего, солнце начинало нагонять температуру...

В месте моего выхода река разделялась на три рукава, образуя два острова. Острова на Суре большая редкость, а тут сразу два в одном месте. Оба острова лесисты, один из них достаточно высок, его обрывистый берег сочли удобным для гнездования береговушки и пара зимородков. У самой воды отдыхали два кроншнепа, крупные кулики с загнутым вниз длинным клювом. Очень много трясогузок, щеглов. Звенят курсирующие, как паром, перевозчики, хорошо слышны мородунки.

Высота противоположного берега здесь сходит на нет, и он становится копией правого - облесенный, с чередованием обрывов и пляжей. Дальше попался еще один ручей, гордо именуемый рекой Мыслец. "Реку" удалось перепрыгнуть с первого раза. Часто встречаются колонии ласточек, то по тому берегу, то по этому - в среднем через 300 метров. Напротив Шумерлинской водозаборной станции кормятся много куликов: мородунки, перевозчики, пара больших веретенников, есть утки - плавают селезни чирков-трескунков и чирков-свистунков. Начались заливные луга, перемежающиеся участками дубрав. На открытом месте ужасно жарко. Парят коршуны и канюки, посвистывают луговые чеканы, с треском проносятся стрекозы, гудят шмели и пчелы, порхают бабочки - типичная летняя идиллия. Одежда моя быстро высохла.

Скоро пристань и речной вокзал города Шумерля, там, рядом пляж, а я подхожу к парому на Озерки. У парома не

останавливаюсь, иду чуть дальше. Но до людных мест тоже не дохожу и делаю привал. Здесь, купаясь и отдыхая, я проведу время до вечера. Вечером я должен быть в городе на автостанции и встретить Наташу, мою верную спутницу. Она не смогла из-за экзаменов пойти со мной с самого начала, но сегодня должна присоединиться.

Вечером, встретив Наташу, успешно сдавшую экзамен, и трудом пополнив продовольственные запасы, мы пешком вернулись на Суру. Пройдя вниз от пристани километра два, остановились на ночлег.

При приготовлении ужина выяснилось, что забыли купить соль, а мой небольшой запас иссяк. К тому же Наташа забыла ложку. И если с ложкой дело было вполне поправимо, то с солью вопрос был труднее. Походив по берегу, я быстро отыскал раковину беззубки, которую вставил в расщепленную палочку и затянул расщеп веревочкой. Готовое орудие труда я торжественно преподнес Наташе. Она нашла его очень удобным, хотя, естественно, оно почти сразу перекочевало обратно ко мне. Соль к ужину нам, с некоторой натяжкой, заменили хорошо заправленные рыбные консервы.

Поставили палатку. Песчаный матрац оказался довольно пластичным и быстро подстраивался под любое положение тела.

Утро свидетельствовало о смене погоды - над востоком повисли облака. Солнце, поприветствовав с новым днем, сразу скрылось за кулисами. Но все же не окончательно. За день оно неоднократно выходило из-за них, как артист по многочисленным просьбам для исполнения повторного соло.

После относительно бедного разнообразием птиц урбанизированного Шумерлинского берега, вновь появились

зимородки, кулики-сороки, малые зуйки, стали встречаться, совсем неотмеченные ниже, озерные чайки и речные крачки. Мородунок и перевозчиков, как всегда, очень много. Много и белых трясогузок. Также регулярны колонии береговушек.

Ближе к полудню решили углубиться в лес. Это для меня абсолютно незнакомая местность, и отсутствие карт не позволяло удаляться далеко от Суры. Бродя вслепую, даже приблизительно не имеешь возможности предположить, где, в каком месте, искать колонии цапель. Я последними словами ругал нашу глупую, гипертрофированную секретность, когда нигде невозможно достать не только нормальную топографическую карту интересующей местности, но даже карту-схему. Боязнь наших бюрократов от безопасности считающих, что эти карты вдруг попадут в руки наших врагов, при таком уровне развития космической техники, кажется, по меньшей мере, смешной, если не идиотской. Но сквозь этот неискренний смех чувствуется какая-то душевная боль за наш общий маразм в масштабе страны, и не только в вопросе с картами. Недалекая прогулка по лесу, конечно же, не принесла никаких открытий, и все-таки была очень удачной. В одном логу, в расщепах деревьев и на пеньках мы обнаружили искусственные солонцы, что дало нам возможность сделать хороший запас соли.

Налетающие тучки стали брызгаться дождем, но сплошного фронта туч не было, и мы продолжали движение.

Сама Сура очень однообразна на всем своем протяжении. Петля вправо - обрывистый берег, петля влево - пляж, густо поросший чуть выше уреза воды белокопытником и дурманом. Левый берег как в зеркале, правда с запозданием на 1/2 синусоиды, повторяет очертания правого, по которому мы идем.

К вечеру мы, с трудом, пробрались через первые на пути

участки уремы – нависающего над водой кустарникового ивняка, затопляемого ежегодно в период половодья. Прорыв вымотал нас окончательно, и по выходу мы решили расположиться на ночлег.

Солнце закатывалось в облака, завтра будет пасмурный день. На пляже того берега появилась лисица, распугав ворон, отдыхавших после трудового дня. Полакав воды, она легкой рысцой обогнула пляж и скрылась в кустах. Вороны возвратились на свое место.

Серый рассвет. Небо с ночи затянуто облаками. Довольно прохладно. Над Сурой изредка пролетают крачки и чайки, они эффектно смотрятся на фоне общей серости неба.

Мы немного понуро брели по берегу, пока не уперлись в очередную, далеко простирающуюся, урему. Кусты ивняка подходили вплотную к воде, исключая возможность пройти по кромке, а в такую погоду брести по воде не хочется. По нашим представлениям Сура здесь делает крутой поворот, и мы решаем его срезать и выйти к железной дороге. Однако, и напрямую будет больше двадцати километров. И, действительно, выход к Суре у железнодорожного моста занял всю оставшуюся часть дня.

Шли прекрасными заливными лугами. Здесь они, не прерываясь, тянутся от самой реки и занимают обширные площади. Им сопутствуют пойменные дубравы. Низкорослость и кряжистость дубов отличает их от нагорных дубрав, и обычные второярусные липа и вяз блаженствуют в первом, вместе с господином.

Разнотравье набирает силу. Поспевает земляника. Скоро начнется сенокос, и вся гордость лугов поляжет под острыми литовками.

Встретились на пути два озера, удивившие правильной округлостью форм. На обоих цветут кувшинки и кубышки. Луга около одного из них сильно вытоптаны. Похоже, что здесь летний выгон молодняка крупнорогатого скота какого-то из хозяйств, возможно даже из-за Суры.

Дождь так и не пошел. За полдень стали появляться разрывы в облаках. А через некоторое время солнце светило вовсю. Даже стало немного жарко. Веселее запели птицы. Дроздов здесь значительно больше, чем у реки. Хорошо слышно белобровиков. Трескотня рябинников, доносится из каждого участка дубравы.

Изредка слышна печальная песнь черного дрозда, но славки-черноголовки берут верх и тут их чистые трели заглушают нежное журчание садовых славок. А над лесом господствует пара осоедов.

Ближе к вечеру вышли к железной дороге и по ней быстро дошли до моста через Суру. Немного отойдя от него, к нашей радости, обнаружили небольшое круглое озерцо с густыми зарослями рогоза вдоль берегов, и ночевать здесь теплее, чем на яру, и вода для приготовления пищи чище, так что налицо все преимущества. Закат обещал на завтра хороший день. В сумерках и всю ночь напролет хлыстал погоныш, изредка его поддерживали болотные курочки. Равномерность звуков быстро убаюкала нас.

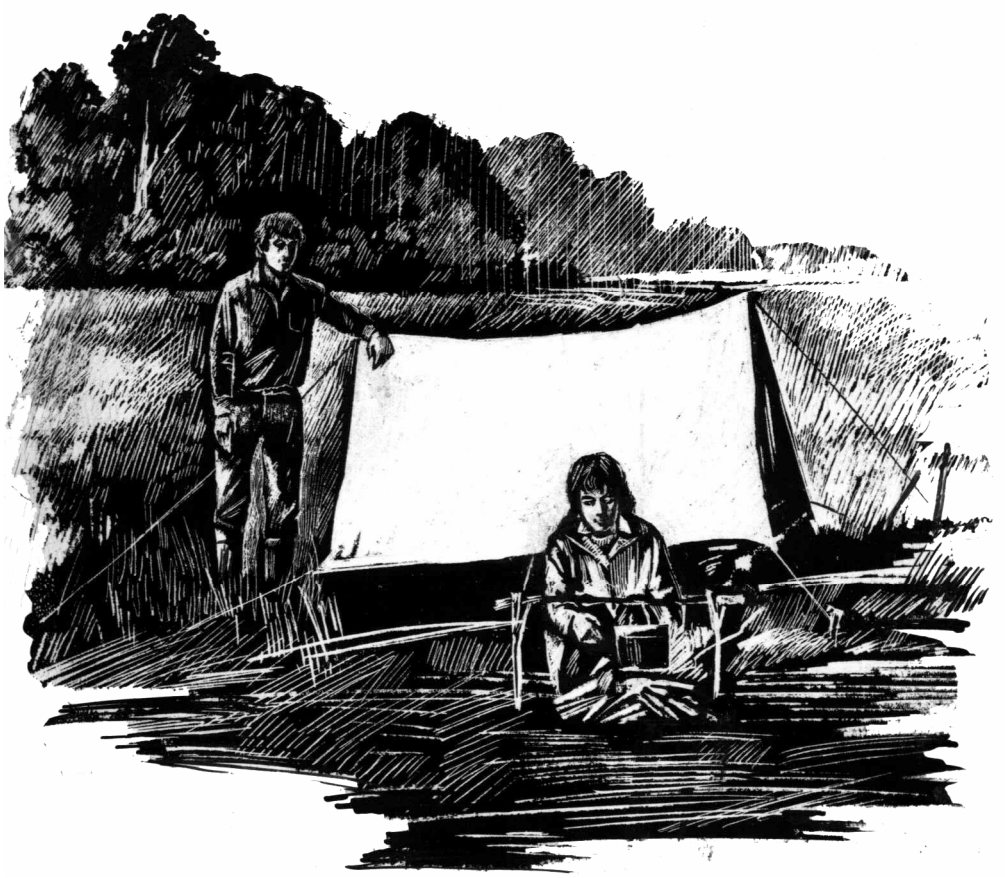
Как и предполагали вчера, начало дня выдалось солнечное, жаркое, но западный ветер сменился на юго-восточный, а это могло привести к непредсказуемым изменениям погоды.

На первых четырех километрах от моста Сура делает два крутых поворота, образуя сильно выпуклый мыс. На мысу, в кроне высокого дуба, гнездо коршунов. Лес подступает к реке красивыми, аккуратными дубовыми рощами, перемежающимися широкими полянами. Чуть глубже рощи сливаются в единую темно-зеленую дубраву. Идти по такому берегу легко и приятно. Ни валежины, ни кусты не препятствуют свободному ходу. Поднимая настроение, славят утро пеночки и славки, дрозды и зяблики, варакушки и кукушки.

Сура на этом участке смотрится шире, полноводней - ощущается подпор водохранилища. Поэтому стало меньше мородунок. Зато чаще на отмелях видны кормящиеся и отдыхающие чайки и крачки. Через каждые два километра гнездовой участок куликов-сорок. В одной из заводей мы заметили стайку чирков-свистунков. Они дремали, качаясь на легкой волне. Чтобы не спугнуть их, приняли чуть вправо.

Однако, вскоре прекрасное идиллическое настроение, навеваемое чудесной природой, сменилось глубоким разочарованием. Пошла местность, жестоко выбитая скотом. Ивняки, кусты смородины и шиповника - все это безжалостно обглоданное, ободранное, навевало мрачные мысли, к тому же еще и погода изменилась. Начали набегать тучки, пугая нас редким дождичком. Некоторую разрядку мрачности внес участок нетронутого леса, в котором не было даже человеческой тропки. а затем вновь потянулись испохабленные луга.

Солнце клонило к горизонту, в лучах его не было ослепительной яркости. Дневной зной начал постепенно рассасываться. Вдали показалось устье Пьяны. Мы сначала хотели

дойти до него, но тут попался удобный для ночевки уголок, и мы остановились.

Место действительно было хорошее. Нетронутый скотом участок широколиственного леса, рядом луг и, самое главное, старое стоговище с обильными остатками сена. Сено не гнилое, видимо, стог увезли недавно. Прямо на сене мы и разбили палатку.

Напротив, у левого берега организовали вечерние посиделки озерные и малые чайки. Среди озерных, было много холостого молодняка, отличающегося неравномерно окрашенной шапочкой на

голове. Все они кричали, ссорились, что-то вылавливали в воде. Видимо, где-то рядом чаячья колония, возможно, на Пьяне.

На закате резко обозначилась линия левобережья. На Пьяне кончалась лесистая низина. Дальше шел высокий, практически лысый, косогор. В его начале виднелась деревня Козловка. И сколько же этих Козловок по берегам наших рек?

Уже в сумерках пролетела по ту сторону Суры пара цапель. Это очень обрадовало нас, и сразу определило наши планы на завтра - будем искать колонию.

Однако, утро внесло некоторые коррективы в планы и заставило задуматься о хлебе насущном, который за завтраком изволил кончится. Поэтому, преодолев оставшиеся до деревни километры, мы стали дожидаться перевозчика. Его лодка только что отошла от того берега с доярками на борту, следующими на обеденную дойку коров, пасущихся на богатых лугах правобережья. Вскоре лодка ткнулась в наш берег. Доярки вышли, выгрузили пустые фляги и пошли вглубь лугов, к невидимому отсюда летнему стану. Наташа села в лодку, больше пассажиров не было, и перевозчик веслом оттолкнулся от берега. А я остался, от нечего делать, наблюдая, как кормятся малые чайки и речные крачки. Особенно интересны крачки. После широкого, как бы скачками, разведывательного полета она вдруг резко тормозила и, трепеща крыльями, на несколько секунд зависала в воздухе, а затем либо продолжала первичный полет, либо резко пикировала прямо в воду, и тут же выныривала, улетала с пойманной рыбкой в клюве.

Прошло более часа, прежде чем от того берега отчалила лодка с Наташей и еще несколькими пассажирами.

Хлеба Наташа не достала, так как его в Козловку завозят только два раза в неделю, и поэтому купила вермишель. Как

говорится : "На безрыбье и рак рыба". А со спутниками ей просто повезло. Это были два лесника с Пандиковского лесничества, и один из них, Пудов Петр Иванович, знал, где гнездятся цапли. Он согласился показать нам колонию. Отдав покупки своему напарнику, следующему по дороге на кордон, Петр Иванович повел нас напрямую через луга к лесу. Луга обширные, до леса километров шесть. И хотя здесь были летние пастбища колхоза из Козловки, но луга в приличном состоянии, не выбиты как те, которые видели раньше. Это говорило о рачительности хозяев. Держали они небольшие, для таких площадей, стада, заботясь о том, чтобы не было перевыпаса.

Мы прошли мимо летней фермы, где доярки заканчивали полуденную дойку. Спустились в низину. В ней лежали два небольших зарастающих озерца, разделенных узкой, заболоченной перемычкой. На ней аккуратно уложены жердочки, по которым мы благополучно миновали это незначительное препятствие. Дальше следовал подъем и начинался широколистный лес с оригинальным травянистым покровом, в котором преобладала земляника. Дорогу мы скоротали за беседой. Я расспрашивал лесника об обитателях Красночетайских лесов, в первую очередь о редких животных.

- Петр Иванович, а черных аистов на вашей территории случайно нет? - спрашивал я. - Похожих на цапель птиц, только черных с красными ногами и клювом. И гнездятся они отдельными парами.

- Нет! Таких нет, - отвечал уверенно лесник. - Ни в моем обходе нет, ни в других.

- А крупные хищники есть?

- Эти есть. Волки есть, рысь есть.

- А медведи?

- Если мне не изменяет память, последнего медведя убили где-то в конце шестидесятых. После этого не слышно было.

- А птицы хищные, крупные не встречаются?

- Как же, ястреба летают.

- А крупнее, орлы, например?

- Нет, этих не видывал.

В таком вот русле беседы о животных, о лесе, о лесническом житье-бытье, мы незаметно миновали луга и углубились на полтора километра в лес. И попали в чистый, молодой липнячок.

- Надо же, какой у вас чистый липняк!?- удивился я.

- Это наша гордость - липовое хозяйство, - ответил мне Петр Иванович.

- И большое оно?

- Всего несколько гектаров, но забот с ним много. Тут, кстати, рядом и цапли гнездятся, - со знанием дела пояснил лесник.

Мы вышли на зарастающую вырубку. Пройдя несколько десятков метров по густому осиннику, попали в болото, поросшее ольхой и крапивой.

- Вот тут и гнездятся. Вон, смотрите, их гнезда - показал Петр Иванович рукой на вершины ольх

Действительно, на двух ольхах было по одному крупному гнезду. Больше видно не было.

- Что, только два гнезда? - удивленно спросил я Пудова.

- Нет, там дальше еще два должно быть, - ответил он.

Мы с Наташей двинулись вперед.

- Ну, вы, ребята, смотрите, а мне домой пора, - извиняющимся тоном остановил нас Петр Иванович.

- Да, да, конечно, идите Петр Иванович, и огромное вам спасибо за оказанную помощь, - от души поблагодарил я его - Если бы не вы, нам бы не найти это болото. Сейчас редкий лесник так хорошо знает свой обход, как вы. Так что нам очень повезло, что вас повстречали.

- Ну, что вы, - попытался возразить Пудов. - Желаю вам удачи в дальнейших поисках. До свидания.

Лесник ушел, а мы углубились в болото. Крапива с человеческий рост, почва волглая, но открытой воды нет. Наконец, вышли еще на два гнезда. С них слетели цапли. Побродили еще, надеясь, что, может быть, их тут все-таки побольше, но нашли только упавшее, полугнилое, да полуразложившийся труп птенца в кустах. Гнездо упало давно, а птенец, видимо, выпал во время недавнего урагана, пронесшегося по Чувашии. Да, вот такая маленькая колония в Пандиковском лесничестве Красночетайского района. И мы еще раз в своем разговоре поблагодарили лесника Пудова. Такую маленькую колонию искать в огромном лесном массиве, все равно, что иголку в стоге сена.

Первый значительный результат есть, можно идти дальше. Чтобы точно выйти к мостику между озер, пришлось пройти по тем же дорогам и тропкам, по которым шли к колонии. Выйдя на луга, мы не стали возвращаться к Козловке и пошли по лугам, срезая огромную петлю. Лес отступал все дальше и дальше от Суры, оставляя небольшие арьергарды, как бы для прикрытия.

Началась территория лугов, принадлежащих Красночетайским крестьянам. Здесь, куда ни глянь, видны безотрадные следы перевыпаса. Выбитые до черной земли многочисленные коровьи тропы и места отстоя, обглоданные и обломанные кусты и сучья деревьев, и кучи коровьего помета, столь

часто рассеянные по лугам, что хоть в шахматы играй по зеленым и бурым клеткам. Наглядная разница в хозяйствовании.

Среди лугов встречались небольшие старицы, почти полностью заросшие буйной околоводной и водной растительностью. На них выводили птенцов, в плавучих гнездах, черные и белокрылые крачки.

Вдали виднелись трактора и другие механизмы мелиораторов. Видимо в Четаях решили до конца угробить плодородную пойменную почву. Чтобы не видеть рваные раны земли, мы довернули маршрут к Суре и через несколько километров вновь шли по ее берегу.

К концу дня погода испортилась, стало пасмурно и прохладно. Я почувствовал какое-то ухудшение своего состояния, видимо, простудился немного. А тут еще, совсем не ко времени, перед нами возникла водная преграда -вырытая людьми канава, непонятного предназначения. То ли вода по ней из Суры поступает к полям, то ли наоборот. Непонятным это было потому, что хоть она и открывалась своим жерлом в Суру, но вода была в ней стоячая. Канава была старая, густо заросшая ивняком и достаточно широкая. Пройдя немного вдоль нее, и просмотрев в бинокль ее продолжение, стало понятно, что до самой деревни, которая виднелась километрах в пяти, не было ни одного мостика, чтобы перейти на другую сторону.

Лезть в воду, когда бьет озноб, нежелательно. А на той стороне лежали три ботника. И хотя они были без весел, но для преодоления такого малого расстояния вполне бы сгодились. Поэтому Наташа, не долго думая, разделась и переплыла на ту сторону, чтобы перегнать один из них за мной и за вещами. Однако, ее ждало глубокое разочарование: все ботники были привязаны к

врытым в землю велосипедным рамам металлическими цепями и замкнуты ржавыми большими замками.

Что было делать? Не обходить же такую длинную канаву. Скоро ночь, погода на глазах портиться, да и недомогание сказывается.

Наташа сделала попытку поднять одну из алюминиевых мелиоративных труб, бесхозно валяющихся на том берегу в большом количестве, но силы ее на это не хватило.

Тогда я еще раз прошелся вдоль канавы. В одном месте кусты ивняка с моего и с того берега, буквально, смыкались. И я принял решение. Повесив спереди и сзади по рюкзаку, я ступил на зыбкие кусточки ив. Однако, обезьяна из меня не получилась. Нога соскользнула, и я уселся на кусты, погрузившиеся под моей тяжестью в воду. С трудом освободившись от рюкзаков, я встал и сделал еще один шаг вперед. Это был опрометчивый шаг с моей стороны, так как я мгновенно погрузился в воду по самую шею. Хорошо еще, что рюкзаки остались на кустах. Тут уж больше стало делать нечего, только идти вперед. Промерил дно, глубже не опускалось. Вернулся, взял рюкзаки на вытянутые руки и, продираясь через кусты, выкарабкался на другой берег. Наташе осталось только смеяться над моими злоключениями, особенно над тем, как я погрузился в воду. По выходу, я тоже смеялся, но положение было не смешным. Холодная купель при температуре чревата опасностью осложнений. Сейчас бы хороший костерок, а тут дождь начал накрапывать. Несколько успокаивал вид домика бакенщика, стоящего невдалеке. Не переодеваясь, мы поспешили к нему. По дороге попался сам бакенщик, и мы попросились на ночлег к нему в избушку, но он ответил категорическим отказом, несмотря на наше отчаянное положение. Вот такое гостеприимство.

Немного приунывши, мы двинулись дальше. Дождь пока не разошелся, только немного накрапывал. Подошли к дому, он оказался на замке. Напротив дома песчаный остров. Его облюбовали для отдыха речные крачки. Именно для отдыха, так как гнезд видно не было.

Недалеко от дома небольшое болотце, заросшее кустарником. Решили за болотцем разбить палатку, хоть дрова будут рядом. И поплелись к нему. В моих сапогах мрачно хлюпала вода.

И вдруг, на нас свалилось неожиданное счастье, за болотцем мы увидели пастуший вагончик, и он был открыт. Внутри было два отделения, а в одном из них, вот это действительно настоящее везение, стояла железная печка - буржуйка. Бросив рюкзаки, мы поскорее, пока дождь не разошелся и не вымочил высохшие на жарком летнем солнцем палки и сучки, побежали собирать их. Только успели набрать необходимое количество и скрыться в вагончике, как дождь хлынул, словно разверзлись небеса. Теперь можно и печку растопить, но спички в моем кармане размокли, и хорошо, что есть походная привычка иметь в запасе залитый парафином коробок для таких вот непредвиденных случайностей.

Вскоре огонек весело пылал в железном нутре печурки. Наташа выставила котелок наружу, и он быстро наполнился водой. Пока она занималась приготовлением ужина, я сушил свои вещи, у быстро раскалившейся до красна печки. Тепло, расползаясь от буржуйки, достигло дальних уголков вагончика, и тут мы поняли, что в нем мы не одни. Кроме нас, здесь, еще со вчерашней ночи, укрылись от дневного зноя тысячи комаров, и, почувствовав сухое тепло, они поддали нам жару. Из-за этих кровососов такая желанная, теплая ночевка превратилась в кошмарный сон. Поэтому рано утром, несмотря на непрекращающийся дождь, мы рады были выбраться из вагончика. Пошли к деревне. Наташе надо было ехать сдавать следующий экзамен, а я чувствовал себя по-прежнему неважно, чтобы продолжать путешествие... . От деревни мы на попутной машине доехали до Красных Четай, а оттуда на рейсовом автобусе выехали в Чебоксары.

ПО СУРЕ НА ЛОДКЕ

Несколько ранняя, в сравнении с прошлым годом, откладка яиц в Новочебоксарской колонии позволила закончить их морфометрические изменения до начала майских праздников. А это значило, что целую неделю можно провести на Суре.

Уже год проучились вернувшиеся из армии мои друзья Саша Березин и Сережа Бухаринов - настоящие биологи-исследователи. Саша серьезно занимался насекомыми, а Сергей - околоводными птицами и начинал он как раз с изучения Новочебоксарской колонии, с самого ее формирования. И когда я предложил Сергею провести праздники и выходные на Суре, он согласился, хотя и высказал скептическое: "Что там может быть интересного на Суре?"

Первого мая мы прибыли в Большие Алгаши к моим родителям, а второго утром автобус нас уже доставил к мосту через Суру около села Порецкое. Нас неслучайно занесло именно сюда. Прошлое лето Саша Березин отдыхал после армейской жизни недалеко отсюда, в детском туристическом лагере, где работал попутно инструктором. По его рассказам, они часто видели кормящихся на Суре и совершающих челночные рейсы: лес-Сура-лес множество цапель. Насколько я успел изучить Александра, ему можно было верить, что он действительно наблюдал цапель, но вот насчет множества сомневаться не приходилось - привирает. Были у меня и данные с этого района о том, что цапель постоянно видят на рыборазводных прудах Кудеихи. Поэтому мы решили сначала пройтись в сторону реки Кири, поближе к прудам.

Неожиданно для нас, Киря оказалась совсем рядом. Не успели мы пройти пару километров по заляпанным илом лугам с

залитыми отстоявшейся водой низинами, как за линией первых попавшихся на пути кустов оказалось русло реки. Если бы не мощное течение, несущее весеннюю, мутную воду к Суре, мы не сразу бы поверили, что перед нами Киря, а не какая-то старица. Кусты были забиты мусором и илом, нанесенными половодьем, и мы решили выйти обратно на луга и там еще раз обсудить куда пойти.

Если Киря оказалось так близко от дороги, и колонии в ее устье, естественно, нет, а за рекой в обозримом пространстве нет крупного леса, то делать в той стороне нам нечего. Да и через реку не перебраться. Идти в сторону Кудеихи вообще не имеет смысла. Значит надо искать по ту сторону дороги. Там старый пойменный лес и много озер и зарастающих стариц, и лагерь, где отдыхал Саша, в той стороне, а до рыбоводного хозяйства цаплям долететь и оттуда не составит труда.

И вот мы снова там, откуда начали. Теперь спускаемся в кювет по левую сторону и двигаемся к виднеющемуся невдалеке озеру Большая Балахна. Балахна действительно большое, загнутое подковой озеро. Концы водной подковы выходят к полуразрушившейся насыпи старой Порецкой дороги. По луговине подошли к озеру, а затем по насыпи решили выйти к Суре, чтобы пройтись непосредственно по берегу, где легче зафиксировать цапель.

Вовремя сообразив, что по насыпи мы выйдем прямо под Порецкое, сошли с нее. Срезав под острым углом значительное расстояние, мы вышли к реке относительно далеко от села.

Сура только что вошла в свои берега. Мощное течение, свойственное Суре только в это время года, еще тащило кучи мусора и хлама. От смытой с полей половодьем почвы и поднятого

сильным течением со дна ила река напоминала собой огромную забитую грязью колею, по которой часто ходят трактора, не давая воде отстояться. Тропы вдоль берега не было. Настоящий лес тоже находился чуть в отдалении. А по берегу расстилалась урема во всей своей красе и сущности. Кусты ивы от корня идут сначала параллельно земле и, лишь затем поднимаются вверх. Они очень сильно ветвятся, перекрещиваясь при этом как со своими, так и с соседними сучьями. Пробираться сквозь такой переплет задача не из легких. Приходилось то и дело нагибаться, протискиваться боком, переступать, перелезать, и все это время что-то цепляло тебя то за ноги, то за штормовку. Нужно было быть очень внимательным, чтобы уберечь глаза от хлещущих по лицу тонких веток и острых обломков сучьев. Трудность передвижения усугублялось большим количеством оставленного половодьем ила. Он не успел просохнуть, только-только покрылся тонкой корочкой. Ноги на такой неверной поверхности проскальзывали, разъезжались, и стоило большого труда не упасть. Хотя упасть до земли было почти невозможно. При любом даже незначительном отклонении тело натыкалось на пружинящие ветви, которые тут же откидывали его в исходное положение, а то и дальше. За пару километров такого лабиринта мы здорово вымотались. Никаких птиц над рекой не было видно, только трясогузки сновали по берегу, да лесные птахи воспевали весну, и мы решили уйти вглубь, вернуться к озеру и обследовать его берега.

Мы еле выбрались из ивового переплета, постигнув воочию смысл, заложенный народом в замечательное слово - урема. По лесу идти было значительно легче, но тут были свои препятствия. Каждый лог, каждая низинка были переполнены водой, и даже в болотных сапогах большинство из них оказались непреодолимыми.

Приходилось долго обходить их, все дальше отклоняясь от намеченного маршрута.

Наконец вышли на луга. На дерновине ноги чувствовали себя устойчивее. В дальнем конце, у самой опушки, виднелся кусочек озера, и мы, туда, куролеся между многочисленными ложбинками с водой. Мы уже подходили к озеру, и в это время над нами пролетела цапля. Проследовав над лугами, она уселась на дуб на опушке леса. Мы, изменив направление, поспешили в ту сторону. При нашем приближении цапля слетела и полетела над лесом, постепенно удаляясь от нас. Мы бегом добежали до опушки и углубились в лес, под пологом которого сразу потеряли цаплю из вида. Выдержать направление, взятое на открытом пространстве, не удалось. Многочисленные мелкие водные преграды мгновенно сбили ориентировку, а крупная старица, возникшая на пути, заставила совсем свернуть с заданного направления. Но и на новом направлении через некоторое время уперлись в переполненный таловодьем ручей.

Имея опыт знакомства с Пандиковской колонией, я сказал Сергею, что искать дальше бесполезно, тем более в это время года, и чтобы совсем не заблудиться среди множества проток, ложбин, стариц, предложил вернуться к Балахне.

Идти по просохшему склону оврага, по которому нес свои мутные воды ручей в обрамлении прекрасной дубравы, было очень приятно. Зелень еще не успела пробиться через панцирь прошлогодней листвы, полая вода задержала этот процесс, и бурая, не успевшая разложиться, листва, немного подсохнув сверху, весело шумела под нашими шагами, хотя и не так громко как осенью.

Как и предполагали, ручей вывел к озеру. Вот только, к какому, вначале мы не могли понять. Лишь оглядевшись, осознали

– мы, чуть ли не в середине наружной стороны гигантской подковы Балахны. По берегу озера мы быстро дошли до лугов, и там за обедом долго ждали - не появятся ли еще цапли? Но нет, цапель больше не было, и мы пошли к дороге. По берегу идти легко и сухо, озеро мощным насосом оттягивает влагу с возвышенных частей на свой уровень. К вечеру, на попутке, мы добрались до Алгашей.

Утром следующего дня ,с лодкой за плечами, мы на автобусе доехали сначала до Шумерли, а затем на пригородном поезде до железнодорожного моста через Суру, где и сошли.

Недалеко от паромной переправы, которую только начали налаживать - плотники мостили пристань на том берегу, мы накачали и спустили на воду лодку. Лодка одна из лучших выпускаемых нашей промышленностью - Нырок-2, устойчивая, двухместная. Возясь с ней, почувствовали, как печет солнце и разделись, впитывая выделенными зимой телами весенний ультрафиолет.

Поудобнее устроившись в лодке, мы дружно оттолкнулись от берега. Стремнина подхватила нас. Единственное, чего нам оставалось - чуток шевелить веслами, слегка подправляя курс.

Люди еще только готовили паром, а перевозчики давно уже наладили свои переправы. Челноками снуют они с одного берега на другой с веселым перезвоном над самой водой. Небольшой, с одноцветным буроватым верхом куличек почти не заметен на берегу, если не движется. Зато его хорошо видно, когда он летит над водой, благодаря белому цвету первостепенных маховых перьев. Их так много, что звон стоит на протяжении всего течения реки. Много по берегам и мородунок, таких же небольших куличков, как и перевозчик. Отличаются они дымчато-серым

верхом, желтыми ногами и вздернутым кверху клювом. Мородунки постоянно перекликаются немного протяжным "куведри", "куведри", за что в соседней Горьковской области его так и называют - куведриха. Конечно, мородунки любят больше песчаные острова и отмели вокруг них, но сейчас большая вода и приходится перебиваться по берегам.

А вообще разнообразие птиц пока небольшое. Не прилетели еще береговушки, не видно ни чаек, ни крачек. А нам бы хотелось проверить есть ли колония у Козловки. В небе изредка проплывают коршуны. Постепенно мое внимание полностью переключается на небо. Полулежа в лодке, покачиваясь на легких волнах, очень удобно смотреть на него и размышлять о его вечности и предназначении.

Когда говорят о небе, что оно синее, то заведомо обедняют ту палитру, которая воспринимается нашим зрением. Оттенки неба столь разнообразны и неповторимы, как оттенки огня, воды. Они варьируют от белесого, почти белого, через гамму синих цветов, до черного, невидимого, и это, не принимая во внимание декорации облаков.

Самый красивый цвет у неба ранней весной. Он интенсивно-голубой или нежно-синий. Когда солнце ближе к лету раскаляется все сильнее и сильнее, то небо постепенно начинает выцветать. А за лето выцветает вообще.

Осенью небо остывает. В это время начинаются и продолжаются всю зиму реставрационные работы по восстановлению изначальной голубизны, за плотным занавесом облаков.

И вот в марте, к празднику весны, дается премьера. Занавес раскрывается и вновь нашему взору предстает нежно-синяя картина

неба... . На эту картину можно смотреть часами, она не утомляет наши глаза, а лишь легко ласкает их. Однако, ранней весной показ чудесного спектакля длится непостоянно, короткими сеансами, со значительными перерывами между ними. И только сейчас, в начале мая, этот спектакль можно смотреть бесконечно, думая и мечтая о чем-то высоком, неземном.

Мы проплывали мимо знакомых мне мест. Достаточно быстрое течение позволяло плыть расслабившись. Лишь со временем ставшая неудобной поза заставляла браться за весла и грести, разминая затекшее тело. Через каждую пару часов делали остановку, чтобы и ногам дать размяться.

Время текло вместе с расстоянием. И вот уже мы проплыли, не останавливаясь, прошлогоднее место чаек. Сегодня тут не было ни малых, ни озерных чаек, да и вообще, мы их и за все путешествие не встретили ни разу.

Миновали Козловку, посещение Пандиковской колонии не входило в наши планы. На ночь остановились между Козловкой и домиком бакенщика. Тут на берегу стояла небольшая сараюшка пастухов около загона для скота. Она могла пригодиться на случай дождя, так как палатки у нас с собой не было. А спать мы легли прямо у костра и всю ночь проворочались в полузабытьи, подставляя то один бок, то другой, стараясь хоть чуточку согреться.

Чуть свет Сергей, не выдержав пронизывающего холода сырой ранневесенней ночи, пошел посмотреть старые мелиоративные каналы, уже густо поросшие ивняком. Они перемежались с остатками стариц и новыми каналами, образуя запутанную систему. Я занялся костром и завтраком. Сергей вернулся с восходом солнца, и пока я накрывал наш

импровизированный стол из старых досок к скромному завтраку, он очень живо делился своими впечатлениями:

- Иду осторожно вдоль кустов, посматриваю в прогалы на воду канала. Сквозь редкую пелену восходящих испарений вижу что-то темное. От него по зеркальной глади волны расходятся, значит кто-то плывет, думал ондатра. А мимо меня стал проплывать - бобр.

- Потом смотрю, еще одна голова показалась из-под воды и тоже в мою сторону плывет. Я захотел получше рассмотреть, стал раздвигать кусты, а они видимо услышали, и оба, как по команде, громко шлепнув по воде своими плоскими хвостами, нырнули. А шлепки в утреннем воздухе как выстрелы звонкие, даже в дальнем конце стайка чирков поднялась.

- Тебе повезло, не так уж часто удается увидеть бобров, - с искренней завистью вставил я между неисчерпаемыми эмоциями Сергея.

- Это еще что, слушай дальше, что было! Дошел я вон до тех кустов, - показал он рукой в сторону виднеющихся вдалеке обширных зарослей, - слышу знакомые звуки, но не в Чувашии я их слышал, а в Казахстане, в Семиречье, где служил. Думаю, показалось, не может быть в Чувашии фазанов. А сам подкрадываюсь, на четвереньки встал, чтобы сквозь кусты проползти. С трудом продрался, а впереди полянка. И тут как начали они свечи давать, целый десяток фазанов оказался на поляне.

- В наше время в этом ничего необычного нет, - сбивая его пыл, объявил я ему, - наверное, здесь охотничье хозяйство, вот они и выпустили в свои угодья фазанов для обогащения фауны.

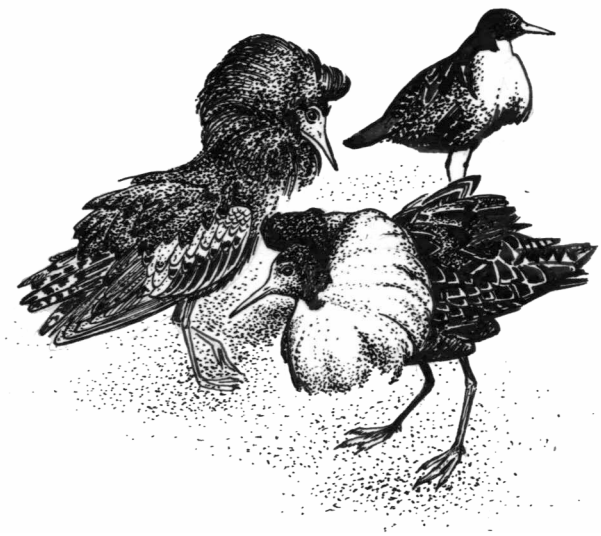
- Да, верно так, - согласился, остановившись на полуслове, Сергей.

– Ладно, давай завтракать, да поплывем, - закрепил я возникшую паузу.

Позавтракали, подкачали лодку, опустили ее на воду, не торопясь, уселись в нее и вперед. Что сразу же отметили, это появление речных крачек и малых чаек. И чем дальше мы плыли, их становилось все больше и больше. Оказывается, они только-только прилетели, и немудрено, что мы их вчера не встречали. А вот , что с озерными чайками, они прилетают значительно раньше, а мы их тоже не видели. Выходит, не гнездятся они около Козловки. Правда, возможно, там гнездятся малые чайки и речные крачки - придется еще раз проверить позже.

Около домика бакенщика, естественно, не было никакого острова, вода еще очень высокая. А течение здесь ослабло, переполненное водохранилище чувствительно подпирает. Нас такая скорость перестала удовлетворять, и мы на переменку пошли на веслах.

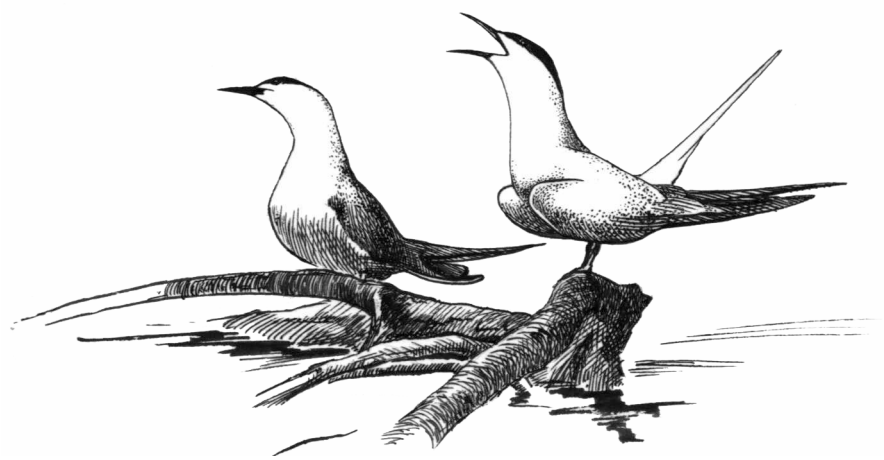
С прилетом у нас появилось занятие. Мы с удовольствием принялись за фотосъемку птиц. Этому способствовало и ясная погода, и то, что крачки и чайки, сидячие на торчащих из воды ветках затопленных деревьев или бродячие на мелководье, подпускали нас, полулежащих в лодке, очень близко, нисколько не боясь. За день мы сняли много удачных кадров. Даже удалось поснимать турухтанов, загостившихся на Суре во время пролета. Удивительно красивые наряды у самцов, и, главное,

нет двух одинаковых. Сочетания цветов всевозможные, даже зеленые и синие металлические отливы имеются во многих вариантах. Все время, пока мы были заняты их съемкой, самочки безразлично кормились, а самцы, как миниатюрные петушки токовали, распустив свои неповторимые воротники и, наскакивая в ритуальном танце друг на друга. Некоторые из самцов, пока другие занимались выяснением отношений, активно обхаживали самок, пытаясь вызвать их симпатию.

Протянулась вереница запоздалых гусей. Мы подплывали к Курмышу. Считается, что мое родное село, Большие Алгаши, основали бежавшие во время одного из татарских разбоев крестьяне из Курмыша, найдя там, среди труднопроходимых лесов, надежное убежище. И поэтому мое село полностью повторяет план начальной застройки Курмыша. Сам Курмыш расположился на высокой горе. Когда-то воды Суры плескались прямо у ее подножья, делая крепость еще более труднодоступной для врага. Теперь наносы Урги, левого притока Суры, защищавшего подходы к Курмышу с озера, образовали перед горой обширную низину с озерцами и болотами. В настоящий момент низина вообще полузатоплена. Двое мужиков, не теряя времени, цедят рыбку широким бреднем. Но что это, они вдруг резко смотали бредень, схватили ведро с рыбой и чуть ли не бегом поспешили в сторону села. Мы, вроде, ничем не могли их напугать, нас в лодке толком и не видно. Наверное, просто увлеклись и теперь куда-то опаздывают.

Мы переключили свое внимание на шум доносившийся снизу по течению - из-за поворота выходил буксир. В бинокль хорошо видна большая группа людей в одежде защитного цвета, скучковавшихся на носу. Мы долго не могли понять, кто это, может быть солдаты? Оказалось, они нас тоже рассматривают в бинокли.

Посудина полным ходом приближалась, мы начали спешно отгребать с фарватера в сторону левого берега. Но буксир довернул и пошел прямо на нас. Мы взяли еще круче, а он за нами. Судно подошло так близко, что стало видно тех, кто на нем находился. По всей видимости, это были работники рыб- и охотинспекций, совершающие совместный рейд.

В непосредственной близости от нас судно, наконец, застопорило ход, но по инерции продолжало надвигаться. Хорошо, что волна, поднятая им, далеко отбросила нашу лодку. В мегафон прозвучала команда приблизиться нам к судну.

- Сначала чуть не потопили, теперь плыви к нам, - чертыхнулся Сергей.

- Что надо? - крикнул я.

- Давай, давай сюда, не разговаривай, - грубо прозвучало в ответ.

- Обрадовались, что браконьеров поймали? Вас ждет глубокое разочарование, - вновь прокричал я, Сергей в это время с усилием преодолевал волны, поднятые буксиром.

- Это мы сейчас проверим, - самоуверенно прокричали в мегафон.

- Давайте проверим, - согласился я. Сергей с трудом причалил лодку к борту буксира.

- Кто такие будете? Откуда? - прозвучали вопросы с борта.

- С Чебоксар, из пединститута, проводим обследование орнитофауны Суры, - по-прежнему не отдавая нить диалога Сергею, отвечал я.

- А документы у вас есть? - последовал новый вопрос.

- Нет! Какие могут быть документы при самодеятельном обследовании.

- Надо бы иметь, - настаивал все тот же, видимо, главный у них.

- А чем питаетесь? - вступил в разговор другой.

- Тушенкой, концентратами.

- Тушенкой!? - скептически ухмыльнулся тот, который спросил, - Рыбу, небось, промышляете?

- Да нет, не промышляем!

- Ну-ка рюкзачок покажите?

- Пожалуйста. - Сергей протянул рюкзак на котором сидел.

- Действительно, ничего нет, - миролюбиво сообщил осматривающий.

- А браконьеров по пути много встречали? - спросил главный.

- Да вон еще видно, как улепетывают, - показали мы в сторону поднимавшихся в гору двоих рыбаков. - А мы сначала и

не сообразили, от кого это они так припустили. Выше же, не встречали. Если где и рыбачат сейчас, то на старицах, а на реке никого не видно.

- Что у вас за бинокли? Можно посмотреть? - заинтересовался вдруг нашими биноклями шмонавший наш рюкзак, видимо, у него болезненная тяга к чужим вещам.

- Пожалуйста! Ничего особенного, семерочка и десятка - протянул свой бинокль Сергей.

- Слабенькие, - посмотрев, сделал вывод любопытствующий.

- А у вас сколько?.. - спросил Сергей.

- Пятнадцати, - последовал гордый ответ.

- Можно глянуть? - в свою очередь заинтересовался Сергей. Ему не отказали. Он медленно, оценивающе, посмотрел по сторонам:

- У ваших угол зрения маловат, и чистота оптики слабее, так что наши в полевых условиях намного лучше - отстоял авторитет своих биноклей Сергей. Бинокли вернулись к своим хозяевам.

- Ну ладно, плывите. Счастливого вам пути, - отпустили нас.

- И чтобы нашли что-нибудь интересное! - пожелали вдогонку.

- Спасибо, и вам счастливо, - ответили мы, быстро отгребая от взревевшего двигателями буксира.

Буксир круто отвалил влево, заставив нас долго качаться на высоких волнах.

Мы выгребли на стрежень, но все равно течение здесь было значительно слабее, по сравнению с тем, где начали. За поворотом - устье Урги.

- Смотри, Сергей, цапля! - обрадовано воскликнул я. - А вон и гнезда! – рассмотрел я утолщения на обнаженных осокорях

Сергей греб и поэтому не мог видеть, что творилось спереди.

- Причаливай! - весело скомандовал я, и лодка круто пошла влево.

Здесь, на левом берегу Урги, в 50 метрах от устья, в роще здоровенных осокорей, и расположилась колония. Мы пошли к ней. Колония оказалась небольшая, всего восемь гнезд, да рядом два вороньих в придачу. Все гнезда на осокорях. Правда их роща оказалось маленькой рощицей, дальше шла обширная вырубка. Но и от такой маленькой находки радость переполняла нас. Здесь же, на берегу устроили обед, наблюдая за прилетающими и улетающими цаплями. За время обеда удалось выяснить, что все гнезда жилые. После этого мы поплыли дальше.

Слева шла низкая пойма, покрытая густым невысоким кустарником. Справа за узкой полосой песчаного пляжа поднимался высокий берег. Течение становилось все слабее и слабее. Постоянно шли на веслах, сменяя друг друга. Очень много стало встречаться озерных и малых чаек, белокрылых крачек, появились черные крачки. На некоторых отмелях птицы отдыхали десятками. Мы обсудили вероятность их гнездования в пойме слева и условились проверить предположение.

В шестом часу вечера мы достигли Ядринского моста. Светлого времени было еще достаточно, и мы решили не оставаться на ночевку, а попробовать добраться в Чебоксары. Быстро сдули лодку и уложили ее. Сразу удалось поймать попутку. Доехали до

вокзала, он оказался закрыт. Водитель решил нас добросить до основного тракта Казань - Горький. Там он нас высадил. А через несколько минут мы уже сидели в мягких креслах "Икаруса", следующего из Горького в Чебоксары.

Духота автобуса действовала как хорошее снотворное. Но только закрывались глаза, как сразу, словно наяву, начинали мельтешить перевозчики, как зеленые чертики у больного белой горячкой, а в ушах возникал их, достаточно надоевший, перезвон. Нервная система настолько устала от перевозчиков, что видение словно кошмар разгоняло дремоту. Но духота опять клонила ко сну, а назойливые колокольчики вновь возвращали к яви. Так в кошмарном полусне мы доехали до Чебоксар. Всего за два дня мы получили «перевозчичий» синдром, который промучил нас еще две ночи, а если бы мы плыли неделю?

ОБРАТНЫМ КУРСОМ

После сплава мы занялись исследованиями по развитию птенцов. Целыми днями, работая на Новочебоксарской колонии и в лабораториях института, мы все дальше и дальше переносили срок нашей следующей поездки на Суру. После того, как птенцы вылупились и окрепли, занялись их кольцеванием. В начале июня посетили Ураковскую и Шомиковскую колонии цапель. В Ураковской все оказалось в полном порядке, а вот в Шомиковской численность уменьшилось еще на несколько пар. И только после всего этого, в середине июня, мы, наконец, выбрались на Суру.

В этот раз Саша Березин решил присоединиться к нам с Сергеем. И вечером, в пятницу, кто после работы, кто после учебных занятий, мы выехали на автобусе до Нискасов. Оттуда на попутных машинах доехали до поворота на Ильину гору.

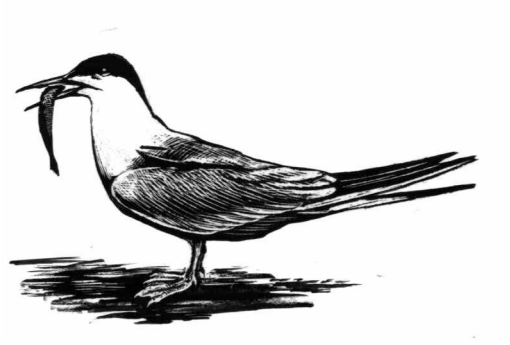
Ильина гора - это деревня на берегу Суры, и до нее всего около трех километров. Уже поздний вечер, солнце быстро садится. Идем дубравой. Перед закатом оживились птицы, еле-еле освободившиеся от дневных забот, а вот насекомых значительно поубавилось, сырой вечерний воздух тяжел для хрупких крылышек, и поэтому для Сашиного сачка, с которым он никогда не расстается, почти нет работы. Очень скоро появилась луговая проплешина между участками леса и мы свернули с дороги на нее. По этой луговине и вышли к Суре чуть в стороне от деревни. У самой реки помешали ежу быстро перебежать дорогу, ему пришлось свернуться в клубок при нашем приближении. Рядом с ним остановились и мы. Пока занимались бивуачными заботами, еж, убедившись в отсутствии опасности, развернулся, осмотрелся и побежал по своим делам. Только в одиннадцатом часу, после

вечернего чая мы расположились на ночлег под открытым небом, накрывшись куском полиэтилена от речной сырости.

Поутру некоторое расстояние прошли берегом Суры. Над рекой, равномерно махая крыльями, повторяя все изгибы русла, иногда чуть-чуть отклоняясь от курса, чтобы что-то уточнить, проверить, совершали свой рейд озерные и малые чайки. Они пролетали одна за другой с неравными промежутками между ними. Перевозчики свои звонкие переправы осуществляли только при нашем приближении, как бы не желая делать порожний рейс. На самом деле они, как и все другие птицы, заняты куда более важным делом, чем наведение ритуальных переправ. Все их время поглощали поиски пищи в незасыхающем иле у уреза воды. Так что перевозчичья болезнь в этот раз нам не грозила. После восхода солнца наткнулись и на тех, ради кого они и зондируют ил.

Если бы птенцы сами не вскочили при нашем приближении по сигналу родителей и не бросились от ямки, где они сидели, в разные стороны, то мы бы и не заметили. Их окраска настолько гармонировала с местностью, что как только птенцы остановились и распластались на земле, мы сразу же потеряли их из вида. Они как бы растворились. И даже зафиксировав взгляды на месте их исчезновения, и подойдя к нему в упор, мы с трудом рассмотрели пушистые, зеленовато-бурые комочки, на которые, оказывается, чуть не наступили. Нам сразу стало понятно, что необходимо оставить такое опасное занятие для птенцов, иначе мы их всех передавим.

Вдоль Суры мы шли, пока по берегу тянулась дубрава. Оттуда к воде доносились трели пеночки-веснички и славки-черноголовки, скаковая песнь лесного конька и предупреждение овсянки, запрещавшее мужику косить сено.

Лес вскоре кончился. В этом месте далеко в русло вдавались узкая песчаная коса. На ней и около нее собрались на утренний завтрак представители чаек и крачек, проживающих в данной местности. На завтраке присутствовали:10 пар малых чаек, 8 пар озерных чаек, 5 пар белокрылых крачек, 12 пар черных крачек, 18 пар речных крачек и 2 пары малых крачек, а также приглашенные-3 пары куликов-сорок. Нас на завтрак не пригласили, и мы, посмотрев немного со стороны, поднялись от воды на высокий берег и пошли напрямую по лугам к виднеющемуся километрах в шести Пандиковскому лесу, срезая при этом две значительные Сурские петли.

Открытое пространство простиралось на юго-восток. Луга переходили в поля, виднелись многочисленные деревни. Низкие места выделялись темным фоном кустарников. Кое-где бродили разноцветные пятна коровьих стад. Солнце начало немного припекать, росы как небывало. Над цветами оживленно загудели пчелы, шмели, осы. На свежих коровьих лепешках сидели и ползали крупные рыжие навозные мухи. В небе чаще замелькали черные молнии стрижей, значительно ниже их, ловили насекомых проворнее стрекозы. Трепеща прозрачными крыльями, стрекозы неудержимо неслись за добычей, вдруг останавливались, зависая над одной точкой и как бы осматриваясь, и снова неслись вперед.

Сменился и состав птиц, лесных здесь уже не увидишь и не услышишь. Перепархивают желтые трясогузки, изредка можно увидеть и щеголиху желтоголовую трясогузку с ультрамодным ярко-желтым платочком на голове. Из-под ног частенько

вспархивают с неизменной журчащей трелью полевые жаворонки, на высоких травянистых кустах чертополоха, чернобыльника, лебеды пытаются солировать слабоголосые луговые чеканы.

- Слушай, Сергей, а вот эту птицу я вижу впервые, - показал я на желтую с черной головкой небольшую птичку с повадками напоминающими чеканьи.

- Вот это да, и сюда уже добрались, как быстро идет распространение! - восхищенно изумился Сергей. - Это дубровник – из овсянок. Раньше его только в Сибири можно было увидеть, потом в Предуралье, недавно появился в Заволжье и вот теперь и Волгу пересек.

Дальше стало ясно, что эта симпатичная птичка обжилась на Четайских лугах.

Дошли до ирригационных каналов, превращенных густыми ивняками в длинные тоннели. К ним примыкали узкие полоски лугов, чудом не вытоптанные скотом. Из густоты трав доносился мерный скрип коростеля, а в кустах, беспокойно топорща хвостики, чокают варакушки. Доносятся обрывки песен камышевок, они настолько коротки, что и не разобрать, садовая это или кустарниковая. Не до песен сейчас, в разгаре трудовые будни. Как в доказательство, на глаза попались выводки чибисов на сырой луговине. Птенцы уже довольно большие, но еще как подростки: какие-то угловатые, с матовым топорщащимся пером.

Через некоторое время подошли к памятной мне с прошлого года канаве. Правда, сейчас мы находились не у Суры, а где-то посередине между рекой и деревней. Воды в канаве на этот раз было мало, но все равно пришлось пройти с километр, в сторону деревни, прежде чем нашли место, где по кочкам сумели перепрыгнуть на другую сторону. Чтобы совсем не разозлиться на

эту канаву, я развеселил друзей рассказом о прошлогодней переправе через нее.

Вот, наконец, и лес. Тут, в самом начале, в его подвздошье вдавилось обширное осоковое болото со сплошь торчащими остовами мертвых берез, оставив между начальным участком и основным массивом леса тонкую перемычку из живых деревьев.

Я вел ребят так, чтобы, в конце концов, выйти на колонию цапель, хотя до конца не представлял, удастся ли мне это. Ведь мы с Наташей в прошлом году попали на колонию, и ушли с нее совершенно другими путями. Сейчас, мы пошли напрямую, через высохшее к этому времени болото к основному массиву. Внезапно нас остановил голос подотставшего Саши.

- Вот это да! Сколько их тут! - воскликнул он, взмахивая сачком и, затем, рассматривая, кого ему удалось поймать.

Мы вернулись к Саше. Рядом роились множество каких-то насекомых.

- Это наездники рода Мегарисса, семейства Пимплина, у них лет, - пояснил Саша. - Брачная пора. Их тут целых три вида, видите, размерами отличаются.

Сашка ловил, рассматривал, некоторых сажал в морилку, других отпускал. Затем его внимание привлек комлевой остаток березы метра в два высотой, совершенно гнилой.

- Идите скорее сюда, такое вы вряд ли когда еще увидите, - позвал он нас к комлю. - Смотрите, видите, сколько наездников бегает по коре. Обратите внимание на самцов, они без яйцекладов, на самок потом посмотрим. Вот, вот, вот, вот подбежал к дырке, подогнул брюшко и, смотрите, оттуда сразу выходит еще один наездник - это самка. Дело в том, что самцы чуть раньше, на 2-3 дня, выходят из куколок и разлетаются по окрестностям в поисках

самок. А самки вообще не выходят из древесины, сидят у выхода, дожидаются. И вот сейчас вы видели, как самец отыскал самку. Вы видели, что он брюшко подогнул, это он таким образом выделяет ферромоны - вещества, стимулирующие выход самки. Затем они вместе улетают в брачный полет, оплодотворение происходит в воздухе.

- А что, в этом дереве самцов нет что ли? - спросил Сергей.

- Ну, почему нет, были, но улетели дня два тому назад, чтобы не было близкородственного скрещивания.

- Теперь смотрите на тех, что с длинными яйцекладами. Эти самки уже оплодотворенные и будут сейчас яйца откладывать, - переключил Саша наше внимание с брачного роя опять на березу. - Наблюдайте внимательно. Бегают по коре, совершая все более широкие круги, восьмерки, главное, главное смотрите, передними лапками как бы простукивают, пальпируют внутренности березы, а изредка усиками касаются, уточняют. Это они с помощью эхолокации ищут, где под корой личинки вредителей спрятались, -комментировал Саша.

- Вот, вот эта, - показал соломинкой на одну из самок наш энтомолог, - что-то нашла, чаще забарабанила передними лапками, усиками прикасается и все почти на одном месте. Эхолокация у них на уровне.

Самка, находящаяся под нашим пристальным наблюдением, замерла и установила яйцеклад вертикально, и на наших глазах эта тонюсенькая, легко гнущаяся, при прикосновении, иголочка, словно в масло погрузилась в твердую березовую кору по самое брюшко. Секунда, другая и, вынув яйцеклад, самка вновь бегает кругами.

- Слушай, как это у нее получается, проткнуть кору таким слабеньким яйцекладом? - обратились мы к Сашке с вопросом.

- Если грубо, - начал свои объяснения Березин, вынимая нож и начиная ковырять им в том самом месте, где только что буравила своим яйцекладом кору самка наездника, - то сходно с принципом отбойного молотка. Она начинает мелко, мелко трясти брюшком, передавая интенсивные колебания яйцекладу, и он как бы превращается в ультравибратор. А при вибрации любые частицы, в том числе и клетки коры, расходятся, разлетаются в разные стороны.

- И достает она яйцекладом личинку на довольно большой глубине, - продолжал свои объяснения Саша, тем временем вынимая из трухлявой древесины личинку березового рогохвоста на кончике ножа, - как видите работа филигранно-точная.

Около березы мы провели около часа, пока Александр все не пронаблюдал, и не записал. Вскоре несколько участков ствола, он даже успел подсчитать личинок рогохвостиков, их оказалось невероятно много - около 200 особей на квадратный дециметр. Лишь после этого мы смогли пойти дальше.

Вошли в дубраву. И хотя я немного опасался, но через пару километров вывел ребят точно на колонию. К моей радости, гнезд уже было не четыре, как в прошлом году, а пять. Немного растем, хороший признак.

На колонии мы недолго задержались, и я повел ребят уже знакомыми мне тропинками на перемычку между озерами.

Перемычка оказалась на этот раз пошире. Хорошо было заметно течение перетекающей воды из одного озера в другое. Видно, еще недавно оно было посильнее. Об этом наглядно говорили застрявшие далеко от переправы среди куртин рогоза

жердочки, составлявшие некогда мостик. Лишь одна жердинка прибилась к нашему берегу.

- Да-а-а, задачка, - протянул я, - как будем переправляться?

- А поблизости здесь нигде нельзя обойти? - спросил Саша.

- Если в обход, это крюк километров в шесть, - ответил я ему.

- Тогда давайте здесь попробуем, - решили друзья.

И мне, как единственному в болотных сапогах, пришлось померить глубину. Через три метра я дальше двигаться уже не мог, вода достигла, как говорят дети, резиночек, хотя у болотных сапог нет этих приклеенных узеньких полосочек окаймляющих голенища. Сделав полшажочка назад, я пошарил ногой по сторонам под водой. Слева нога наткнулась на что-то твердое и значительно выше уровня дна, в том месте, где я стоял. Я, не торопясь, продолжил исследования. Нога по-прежнему чувствовала твердость и ощущалась ширина, достаточная, чтобы поставить ногу. Скорее всего, это погрузившийся глубоко в ил остаток мостика какого-нибудь иного года. Ведь мостики каждый год настилаются заново в подобных местах. Я осторожно встал на эту неизвестную опору. Что ж, по ней можно пройти и в коротких сапогах, только бы длины хватило. Видимо там все-таки лежит толстая, осклизлая от долгого пребывания под водой, жердь. Я прошелся по ней, с трудом удерживая равновесие. Жердь кончилась сразу, как кончилось глубокое место.

- Пожалуй, здесь можно пройти, - констатировал я. - Я встану тут, на глубоком месте, а вы по одному, осторожненько, держась за мою руку, пройдете по затопленной жерди, дальше неглубоко, - проинструктировал я друзей.

- Давай, Сергей, первым, - я уже встал устойчиво на глубине рядом с жердью, из-за торопливости забыв оставить тяжелый рюкзак на той стороне. Вода не доставала края голенищ каких-то двух сантиметров.

Сергей осторожно вошел в воду. Я давал ему ценные советы, куда наступать. Наконец он нащупал жердину ногой и встал на нее, держась за мою руку. Лодка в его рюкзаке с трудом дала установить ему равновесие на неверной опоре. Сергей скользящим шагом двинулся вперед, но, неожиданно, ноги разъехались, лодка потянула его назад, наши руки разжались... . «Ну, сейчас бултыхнется !» - только и успел подумать я, как, каким-то последним усилием, Сергей сделал невероятный прыжок и повис у меня на шее. Легко сказать "повис на шее" - на мне, в одно мгновение, оказалось более девяноста килограммов груза! Я устоял каким-то чудом, лишь немного черпнув воды левым сапогом.

- Ты, полегче не можешь? - только и вырвалось у меня.

Сашка на берегу от хохота сложился буквально пополам.

- Это надо было видеть, - сквозь смех с трудом выдавил он. - Все равно, что Мюнхгаузен вытащил себя за волосы из болота.

- Смейся, смейся, тебе еще идти, - злорадно усмехнулся Сергей, удобно устроившийся на мне. В это время из-под воды показался конец всплывающей жерди.

- Мюнхгаузен! Смотри, как оттолкнулся, даже жердину выворотил, так что тебе вплавь придется, - подначил и я Сашку, чтобы больно-то не заливался.

- Сами сначала выплывите, до суши еще далеко! - не остался в долгу Сашка.

Действительно, надо было что-то делать. Сергей и пара тяжелых рюкзаков еще висели на мне. Идти с таким грузом по

глубине - длины сапог не хватит. Хорошо еще, что место, где лежала жердь, оказалось высоким. С большим трудом, боясь поскользнуться, я миновал глубину.

- Слазь! Дальше не глубоко, - скинул я Сергея на мелководье, в нескольких метрах от берега.

- Погоди, - остановил я, двинувшегося к суше Сергею, - возьми мой рюкзак, все-таки полегче будет, если и Березин вздумает на мне прокатиться.

- Давай и мой ему перекинь, - крикнул Березин. - Тогда еще легче будет.

- Точно, иди пока положи наши на сухое место, - снова я обратился к Сергею, - а я тебе за это время Сашкин принесу.

Сашка перекинул мне свой рюкзак, а я перекинул его Сергею.

- Пока мы тут переправляемся, перенеси все рюкзаки на пригорок, - посоветовал я Сергею, подавая руку Сашке.

Сашок аккуратно притопил всплывшую жердь на место и осторожно перешел опасное место. Сосредоточенно глядя под ноги, чтобы под конец случайно не оступиться, мы выбрались на сушу. Мы были очень удивлены, когда перед нами на берегу оказался Сергей со всеми тремя рюкзаками на плечах и в руках. Вид его был какой-то напуганный, сам он тяжело дышал.

- Ты чего это тут делаешь? - спросили мы его с явным удивлением.

- Там этот... Как его?... Ну, этот?... Бык! - показал он испуганно в сторону пригорка.

Мы посмотрели в ту сторону. Там, действительно, здоровенный бычина рыл копытом землю, низко пригнув могучую голову и издавая рыкающие звуки. Рядом щипали траву две коровы.

- Да-а-а, слона-то я и не заметил, - протянул Сашка.

- А если бы вовремя заметил, то точно топали бы вокруг озера, - констатировал я. - Хорошо, что отсутствие переправы отвлекло наше внимание.

- Чего хорошего-то? - нервно, то ли спрашивая, то ли утверждая, высказался Бухаринов. - Что, лучше, что ли теперь, еще и назад придется переправляться.

- Почему назад? Осторожненько низом пройдем, пока он там наверху коров охраняет, - ободрил я Сергея.

Взвалив рюкзаки на плечи, мы двинулись низом вдоль озера. Бык, заметив нас, продвинулся в нашу сторону. Стал интенсивнее рыть копытом землю, отбрасывая ее далеко назад. Голова его двигалась как на шарнирах, пытаясь боднуть посильнее коротким рогом ни в чем не повинную многострадальную землю. Из груди его неслись, прерываясь лишь на секунды, потоки грубого мычания-рычания. Мы шли, внимательно следя за его действиями. Тут, не кстати взыграла одна из коров. Бык, сочтя нас виновными в таком поведении его возлюбленной, сделал несколько галопирующих прыжков в нашу сторону и остановился, продолжив свои угрозы. И хотя ему до нас еще было метров тридцать, Сергея как ветром сдуло. Мы увидели его стоящим в воде у переправы.

- Что ж ты на другую сторону не перескочил!? - давясь от хохота, подначил его Сашка.

- Хоть бы в другую сторону побежал, давно бы уж далеко от быка были, а теперь и нам возвращаться из-за тебя, - добавил я ему перца.

Пришлось и нам с Сашкой возвратиться к переправе.

- Ладно, давай так, - примирительно, все еще немного посмеиваясь над Сергеем, начал я объяснять тактику прорыва. - Я

иду отвлекать быка, а вы в это время по одному проскакиваете наверх.

- Вы тут не ходите, он сильно пыряется, - вдруг донеслось откуда-то издали.

Мы повернулись на крик. Оказывается, за нашей корридой наблюдали несколько колхозников, находившихся на, вполне, безопасном расстоянии от быка.

- И что же делать? Может, вы его отгоните? - крикнул я им.

- Его завтра должны сдавать на мясокомбинат. Он тут всех уже замучил.

- Спасибо, успокоили! Можем теперь спокойненько отдыхать здесь, до завтра, - уже, обращаясь к друзьям, посмеялся я.

- Может, и правда назад перейдем и обойдем кругом, - предложил, с надеждой, Сергей.

- Нет уж, делаем как я сказал, я не намерен тебя еще и назад на себе перетаскивать, - продолжая смеяться, сказал я и направился в сторону быка.

Я покричал немного, чтобы бык обратил на меня внимание. Он не преминул этого сделать. После церемониальных угроз бык, не спеша, направился в мою сторону. Когда дистанция стала опасной для меня, я ретировался к переправе. Бык, потеряв ко мне интерес, вернулся к коровам.

У переправы меня ждал Сергей. Наверху был только Сашка.

- Ты, какого черта тут делаешь? - моему возмущению не было предела. - Ты, что не мог вместе с Сашкой?

- Ты ж сам сказал, что по одному? - испуганно ответил Сергей.

- Я тебе что, дрессировщик быков что ли? - от смеха и возмущения у меня на глазах выступили слезы. - Ладно уж, повторим, не ночевать же нам тут.

Трюк повторили. Сергей, наконец, проскочил наверх к Сашке.

- Теперь вы отвлекайте, - крикнул я им.

Они поняли сразу, приблизились к коровам и криками отвлекли быка от меня. Я тем временем, не мешкая, проскочил низом. Наша троица встретилась метрах в трехстах от той троицы.

На Козловку мы не пошли, а пошли напрямую за Пьянское устье, срезав значительный участок. Преодоление препятствий заняло много времени, солнце закатывалось. Уже в легких сумерках мы узкой луговиной, разделяющей начавшийся вновь лес, выходили к Суре. Мокрая портянка в моем левом сапоге окончательно сбилась, и я решил переобуться, сказав ребятам, что догоню. Я быстро перемотал портянку, и еле-еле натянув сырой сапог, скорым шагом пустился вдогонку.

Слева раздался поросячий визг. Я остановился, сообразив, что в кустах между мною и ушедшими вперед ребятами пережидают их прохода кабаны. Сергей с Сашкой, о чем-то оживленно споря, даже не обратили внимания на визг и продолжали движение. Я ждал.

Вот в кустах хрюкнуло, и через пару секунд вылетел и пронесся, на предельной скорости, через открытое место молодой подсвинок. Определив, что опасности нет, легким галопом, цепочкой один за другим пошли другие кабаны. Я крикнул ребятам, они обернулись, увидев только двух последних из семи пересекших луговину кабанов.

Все кабаны были одновозрастные, чуть больше года. В кабаньих стадах так случается каждую весну. С появлением нового потомства, все молодые самцы изгоняются из стада, и почти все лето бродят такими вот компактными группами. К осени эти группы распадаются, и самцы начинают вести одиночный образ жизни, встречаясь со стадом, состоящим в основном из самок и молодых, до года, кабанят обоего пола, только в период гона, когда достигнут половой зрелости.

В густых сумерках мы вышли к Суре. Отужинав на скорую руку, мы облегченно уснули, укрывшись полиэтиленовой пленкой.

Встали чуть позже обычного. Погода нахмурилась. Оказывается, мы вышли почти рядом с тем местом, к которому стремились, но ни чаек, ни крачек здесь не было видно. Мы собрались и прошли к месту, откуда было видно озеро на той стороне. Прошлый год на озере была масса чаек и крачек. В этом году не было видно ни одной. Значит, прошлый год мы с Наташей видели вечернее скопление птиц с какой-то Пьянской колонии. Выходит, что и лодку в тот раз таскали мы зря. Вынимать ее и накачивать мы, конечно, не стали и прошлись еще немного по берегу. Отметили несколько гнездовых нор золотистых щурок. Сами эти красивейшие птицы с темно-зелеными крыльями и боками, коричневым верхом и золотистым верхом стремительно пикировали над нами, как маленькие истребители.

Продвигаясь вдоль одного из обрывов, вызвали беспокойство куликов-сорок, перепугав двух их взрослых отпрысков, поспешивших спрятаться от нас в комьях сырой глины. То же самое произошло и с семейством малого зуйка, но уже на песчаной косе. Три птенца по сигналу недремлющей мамаши кинулись в разные стороны и через несколько метров затаились, слившись воедино с песчаным фоном.

Решив, что дальше идти по Суре нам не стоит, повернули в лес. Мы шли, переходя с одной лесной дороги на другую, пытаясь выдержать взятое направление на Четаи. Широколиственные леса вскоре сменились березняками и осинничками, чаще стали попадаться зарастающие вырубки. Птиц почти не было слышно, хотя дождя не было. Дороги под пологом хранили влагу недавно прошедших дождей, и было довольно скользко. Колеи доверху наполнены слабо отстоявшейся водой, и мы предпочитали шагать по лесной подстилке, лавируя между деревьев.

Ничего интересного и примечательного нам за всю дорогу не попалось, если не считать чистого белого березняка без примеси других пород. Ближе к концу леса стало очевидным, что здесь ночью прошел сильный дождь. Идти стало труднее, и я в болотных сапогах стал отставать. Поле, которое отделяло нас от Четай, я преодолел уже на пределе сил. Мои спутники, радуясь возвращению, чуть ли не бежали, а я плелся далеко сзади, пока, наконец, не сообразил переобуться в кроссовки. Закинув болотники поверх рюкзака, я зашагал веселее, и около околицы нагнал своих друзей.

С Четай мы уехали в Чебоксары, договорившись в следующие выходные обследовать Ядринское Засурье.

КРУПНАЯ УДАЧА В ПРИСУРЬЕ

Еще не минула неделя после нашего возвращения с Суры, как ко мне на кафедру, где я занимал скромную должность лаборанта, зашел Сергей:

- Мы с Березиным завтра решили на Суру съездить. В Ядрин, - как бы между делом сообщил он. - Ты поедешь с нами?

У меня от удивления по поводу поставленного вопроса, наверное, округлились глаза:

- То есть, как это вы с Березиным решили? - в моем голосе слышались угрожающие нотки. - Пять дней назад разве не мы все вместе это решили.

- Это надо же, они решили! И меня еще спрашивают: поеду ли я с ними? - продолжал я возмущаться. - Я должен вас спрашивать, не передумали ли вы поехать? Еще месяц назад кто-то говорил: "Что там, на Суре делать? Нет там ничего интересного." А теперь видите ли и я не нужным стал, - никак не мог я остановиться.

- Да нет, мы ничего, - начал оправдываться Сергей, - просто подумали, может с тебя с работы не отпустят.

- Не отпустят, не отпустят. Отпустят! Идите, покупайте билеты на завтра, часа на четыре вечера, а то завтра их не достанешь, - прервал я, возмутивший меня, разговор.

В пятницу в седьмом часу вечера мы вышли из автобуса на автостанции в Ядрине. Столь позднее прибытие нас нисколько не смущало - сегодня самый длинный день в году. От автостанции мы поспешили на южную окраину города.

Ядрин - старинный русский городок, поразил нас своей чистотой и аккуратностью. Одноэтажные, небольшие, почерневшие

от времени, домишки с деревянными ставнями на окнах жались один к другому, лишь изредка прерывая свой ряд для переулка. Палисадники перед домами отсутствовали, поэтому тротуары проходили прямо под окнами, отделенными стройными рядами деревьев от проезжей части. Все хозяйственные постройки спрятались в глубине двора за низенькими хрупкими воротцами.

Слева видна высокая обшарпанная колокольня. Потом показалась и сияющая пустыми проемами церковь, как и в большинстве мест разграбленная потерявшими совесть и веру людьми. Хорошо еще, что динамита не нашлось, а то бы осталось от всего этого куча битого кирпича, поросшая бурьянам. А так, даже время только слегка вгрызлась в прочную кирпичную кладку, и когда люди снова прозреют, можно надеяться на быстрое восстановление былого благолепия.

Мы вышли на окраину. Дорога уходила вниз и по мощеной дамбе, и мосту пересекала пойму и русло Суры, глубоким ущельем вгрызаясь в высокий правый берег.

По прошествии веков Сура недалеко отошла от высокой горы, на которой расположился Ядрин. Узкая полоска поймы, после поднятия воды оказалась полузатоплена. Всюду сверкали серебром многочисленные, воскресшие из болотного небытия, озера и протоки. Над ними медленно реяли бело-сизые птицы.

Дамба своей мощной грудью защитила от значительного затопления, расширяющийся к Урге, участок слившихся воедино пойм Суры и ее притока. Но, в дальнейшем, если будет поднят уровень Чебоксарского водохранилища, вся эта низменность исчезнет под водой.

Чуть правее дамбы, глубоко внизу над небольшим зарастающим озерцом суетились болотные крачки. Мы спустились

туда. Ноги мягко пружинили на болотистой почве, покрытой байковым одеялом лапчатки гусиной и лютиков. Не доходя до озерца, мы наткнулись на гнезда белых крачек. Это были небольшие сооружения из прошлогодних растительных остатков, около 15 сантиметров в диаметре, расположенные на осоковых кочках недалеко от воды. Для нас это явилось полной неожиданностью, обычно болотные крачки строят гнезда на плавающей растительности. А тут, в доступном для наземных хищников месте, мы насчитали 32 гнезда. Три или четыре из них, видимо, принадлежали белокрылым крачкам - пять птиц этого вида вились с тревожными криками над нами вместе с многочисленными черными крачками. В некоторых гнездах еще лежали яйца. По две-три штуки коричневых и оливковых с многочисленными узорчатыми пятнами. В других гнездах сидели симпатичные охристо-зеленоватые с большими маскировочными пятнами птенцы. Белые "очки" вокруг глаз с опорой на клювики делали их немного смешными. Во многих гнездах не было ни птенцов, ни яиц, но, вскоре, мы обнаружили сбившихся чуть в стороне в три кучки более взрослых птенцов. Предупрежденные родителями, они затаились в тени крупных осоковых кочек. Такие разбросанные сроки гнездования обычны для всех видов болотных крачек.

На другом конце озерца тоже сконцентрировалось около двух десятков крачек, но в основном белокрылых. Мы хотели направиться туда, но за обследованием не заметили, как нас накрыла огромная туча. Только первые крупные капли дождя вернули нас к реальностям окружающего колонию мира. Бегом, насколько это было возможно по крутому косогору, мы бросились к домам города. Уже под ливнем мы вскочили в подъезд двухэтажного деревянного дома.

Словно тысячи невидимых рук одновременно пряли из тучной кудели дождевые нити. И было удивительно, как это из такой темно-синей кудели получаются серебристые, прозрачные нити. Челноком шныряла молния сквозь дождевую основу, а земля, как ткацкий станок, приняв миллионы нитей, выдавала десятки тысяч метров водного полотна, непрерывными потоками, стекающего по косогорам.

Из ближней квартиры вышел старик, покурить, поглядеть на ливень.

- Льет, - хрипло констатировал он.

Закурил неторопливо, продолжая смотреть выцветшими глазами на сплошную стену дождя.

- А что отец, случайно не знаешь, не гнездятся у вас тут чайки? - безо всякой надежды, для завязки разговора спросил я.

- Гнездятся, как не гнездятся, если их тут как собак нерезаных. Весной за трактором вместо грачей выхаживают.

- Так уж и выхаживают?

- Так и выхаживают. Иной раз, кажется, что на пашню снег выпал.

- И где же они гнездятся?

- Где-нибудь тут и гнездятся, раз по пашне ходят.

- Значит, мы все-таки правы, что приехали сюда, - повернулся я к друзьям, - отец очень логично рассуждает, раз ходят за трактором, значит гнездятся.

Постепенно ливень значительно поредел. Стали видны чайки, летящие к Суре откуда-то с полей. Появились и летящие встреч. Чем реже становился дождь, тем оживленнее становилась птичья магистраль. Чайки озерные и малые так и сновали

встречными курсами, как автомобили на хорошей, хорошо загруженной автотрассе.

- Интересно, почему у них такой маршрут, - медленно рассуждая, протянул Сергей, - Там же только поля… Значит, колония или тут у Суры, недалеко от моста, или в противоположном конце по направлению их полета, - сделал он вывод.

- Но мы с тобой всю местность около реки видели, нет там никакой колонии, разве, что глубже, куда мы и направляемся, - отверг я один из вариантов.

- Скорее всего ты прав, но искать надо не там, где мы хотели, а в другой стороне чаячьего маршрута, - пришел он к окончательному выводу.

- Хотя я в данный момент не очень представляю карту местности, - вклинился в наш разговор Саша, - но вполне возможно существование колонии на стыке Волжской и Сурской пойм. И они летят на Суру, срезая Ядринский выступ.

- Но тогда зачем им лететь сюда, когда колония там чуть ли не у самой реки, а тут наматываются лишние километры, - попытался я отвергнуть Сашину версию.

- А если здесь места богаче кормом? - выдвинул он новый довод.

- И даже если не на стыке. Может даже за городом, Сура делает поворот и охватывает Ядринскую гору полукольцом, - включился в отстаивание своей версии и Сергей, - и там, на повороте, колония. А таким путем они просто срезают расстояние до кормного места.

- Ребята, меня уговаривать не надо. Я полностью согласен с логичностью вывода, искать надо в том направлении, - согласился я, - но мы с вами хотели исследовать вот эту низину до Урги. Так

давайте, ее исследуем, а потом займемся поиском по направлению полета чаек.

- Ладно, давайте, - согласились друзья.

Пока спорили, дождь прекратился. Тучу уносило за Суру. Заходящее солнце оранжево подсвечивало хвост уходящему дождевому эшелону.

Мы спустились к озерцу. Прошли к другому его концу. Там под сенью чахлых кустарников ивы, также на осоковых кочках мы обнаружили еще десять гнезд, но уже белокрылых крачек.

Оттуда мы прошли до следующего озера. Шли к нему самой границе склона и низины, очень осторожно, стараясь не задевать нависшие над тропинкой от тяжести дождевой влаги кусты.

На озере кормились десятки озерных чаек. Малых чаек и крачек видно не было. Остановившись у старого рыбацкого кострища, мы еще раз призадумались, стоит ли идти дальше?

Желание идти к Урге пропало у всех напрочь. Отговорки были серьезные: и ночь близко, и идти сыро - вымокнем. На самом деле нам просто не терпелось поскорее найти колонию. Мы все трое хорошо понимали, что здесь в пойме Угры и Суры колонии нет, и что она где-то в другой стороне, за Ядрином. Желание пойти на поиски было столь велико, что мы поступили довольно авантюрно. Солнце садилось, а мы и не подумали расположиться на ночлег. Отсутствие палатки и сухого места подвигло нас пойти на поиски колонии в ночь. Мы прикинули, теоретически до предполагаемой колонии километров пятнадцать будет. Ночь, самая короткая в году, как раз кончится, пока мы будем идти до колонии. А утро, как говорится, вечера мудренее.

Мы поднялись наверх в тот момент, когда остатний краешек солнца зарывался за горизонт. Чаячья трасса, нисколько не потерявшая своего оживления к столь позднему часу, хорошо просматривалась. Предстояло идти по полю. Яровые посевы пшеницы достигали колена. Нашли полевую дорогу, удовлетворяющую нас своим параллельным курсом относительно воздушной магистрали, и споро пошли, время от времени, взбрыкивая ногами, сбрасывая с сапог налипающие ошметки грязи.

Быстро темнело. Ребята, как всегда, увлеклись каким-то спором, а я шел, по привычке осматриваясь и прислушиваясь. С километр впереди я заметил движущие силуэты зверей, пробирающихся к городу.

- Саш, Сереж! - окликнул я ребят, - ну и везет же нам в этом году на кабанов. Вон туда смотрите - показал я рукой в сторону зверей. - И опять семь.

Однако, одновременно почуяли нас и кабаны, скорее всего, услышали нашу речь, так как слышимость в вечерние часы сильно улучшается. Они прислушались и, молча, повернули назад. По своей же тропе, но уже на повешенной скорости рванули к выступающему в поле участку дубравы. Через несколько минут их силуэты растворились в черном фоне леса.

Пока совсем не стемнело, мы сверили еще раз курс. Получалось направление на какую-то деревню, огни которой хорошо просматривались. Значит, до нее можно идти, не беспокоясь, что собьемся с курса, а там еще раз сориентируемся. И мы, больше не останавливаясь, для того, чтобы послушать рядом ли птичья дорога, поспешили к деревне, оживленно обсуждая кабанов, чаек, Присурье.

Стемнело совершенно. Мы шли на манящие деревенские огни. До деревни осталось совсем немного. Наш ровный, спорый ход перебил еж, угодивший нам под ноги. Он, недовольно фыркнув, свернулся в клубок. Мы от неожиданности остановились и замолкли. И в этот момент, когда наши уши освободились от издаваемого самими шума, в них ударил тысячный чаячий хор. У нас одновременно вырвалось слово - колония!

Шум шел слева, и мы, мгновенно забыв про ежа, напрямую пошли в ту сторону. Пшеница становилась все ниже, а метров через сто совсем исчезла. Началась луговая растительность, под ногами зачавкало - болото.

В глубь болота не полезли, довернули в сторону деревни. Из темноты выступил бок полуразвалившегося омета, невостребованного коровами в зиму.

- Вот и постель! - обрадовался я.

- А думали, всю ночь пройдем, а сейчас только двенадцатый час, - подсветив циферблат спичкой, с некоторым сожалением высказался Саша.

- Теперь некуда топать, завтра поутру осмотрим колонию, а там видно будет - обрадованным голосом отверг все сожаления Сергей, и мы, немного перекусив в сухомятку, дорывшись до сухой соломы, улеглись в свои норы.

Проснулись, когда уже рассвело. Небо зашторило облаками. Оставлена только узкая щелочка на востоке, чтобы солнце хотя бы на миг взглянула на землю в этот день. В уши бьет чаячий гвалт.

Протерев глаза, мы стали осмат[illegible]

околицы деревни, сразу за огородами. [illegible] километров. На дальнем плане низкорослый кустарник, да напротив нашей стоянки на том конце несколько деревьев, видимо ветлы, вот и вся древесно-кустарниковая растительность. А так, в основном, осока, осока, осока. Конечно, осоки разные, даже по цвету различаются участки. Недалеко от края со стороны города выделяется салатно-зеленый участок какой-то мелколиственной осоки. Над ним клубятся белокрылые крачки. Их не менее двухсот пар. Видимо, они гнездятся в этом месте. В бинокль хорошо видна открытая вода в глубине болота, там возвышается рогоз. Естественно, это место облюбовали озерные чайки. У них уже взрослые птенцы. В их оперении много буровато-коричневых цветов, и они очень нескладные, как все подростки. Мы долго прикидывали, считали количество взрослых озерных чаек. Постоянно сбивали со счета малые чайки, которые гнездились по всему радиусу от воды, на более плотных, задернованных участках топи. Даже на первый взгляд их было в два раза больше чем озерных чаек. В конце концов, мы сошлись на цифре 500, следовательно, малых здесь более тысячи пар. Это открытие очень значительное. Во-первых, колония больше Новочебоксарской и в ней преобладают малые чайки, во-вторых, очень крупная субколония белокрылых чаек, что довольно редкое явление для этого вида и, в-третьих, это самое главное, таких больших по численности гнездовий малых чаек, на всей территории нашей страны, известно всего два или три. Судя по всему, это самое крупное поселение малых чаек в Европе.

Мы были очень довольны. Пытались подобраться к гнездам с разных мест, но везде, вскоре, становилось глубоко и топко и приходилось возвращаться назад. Лишь в одном месте мы подошли настолько, что в бинокль просматривались гнезда малых чаек. С этой же точки наблюдали и выводки чирков в центре колонии. Из других птиц отметили только чибисов. Они гнездились по периферии болота.

Хмурое небо не предвещало ничего хорошего, и мы решили прекратить все дальнейшие исследования и вернуться в Чебоксары. Главное открытие мы уже сделали, а палатки, чтобы пережить непогоду, у нас не было.

Может показаться странным, что мы, выезжая на какие-либо обследования, часто не имеем самого необходимого: палатки, спальников. Но такова наша повседневная действительность, если не имеешь своего личного снаряжения, то на прокат надежды мало. К тому же, выезды малочисленными группами, 1-3 человека, имеют определенные неудобства, а, учитывая вес нашего отечественного снаряжения, в таких случаях постоянно приходится чем-то жертвовать и надеяться на русский "авось". И чаще всего, существенным нашим пристанищем в таких кратковременных экспедициях является, другом-костром очерченный круг под открытым небом, а постелью служит родная телогреечка.

Переулком мы вышли на единственную улицу деревни. Как выяснилось, улица эта одновременно являлась и автомобильной трассой Ядрин - Горький. По выходу из деревни прочли на дорожном указателе ее название - "Стрелецкая". Значит, и колония будет называться Стрелецкой.

Не успели мы выйти за пределы деревни, как вступили в Ядрин. Мы прошли по центральной улице спящего города и,

свернув в один из переулков, спустились к Суре. Шли на Суру потому, что мне пришло в голову осмотреть водохранилище, и я предложил друзьям прокатиться до Чебоксар на «Ракете». Они предложение приняли.

Мы нашли Речной вокзал, посмотрели расписание. Рейс на Чебоксары, к нашей радости, был, отправка в 6.00. Времени было еще достаточно. Удобно расположившись на бревнах, так кстати оказавшихся на берегу, мы достали сухой паек и, запивая его сурской водицей, утолили утренний голод.

Показалось восходящее солнце и тут же исчезло за темно-серым занавесом туч. Подошла билетерша. Сергей взял три билета до Чебоксар. Около шести, от Курмыша подошла «Ракета», пришвартовалась, приняла нас на борт, и дальше, к Волге.

От устья до Курмыша Сура проходима для теплоходов на подводных крыльях. Выше возможен проход только для специальных речных теплоходов с малой осадкой типа "Заря", Однако, пассажирского сообщения от Курмыша до Шумерли нет, сть только от Шумерли до Алатыря и чуть выше, где селения по берегу Суры располагаются почаще.

Ракета быстро шла по фарватеру реки, лишь немного сбавляя ход на поворотах русла. После небольшой дуги загибающейся влево, река делала резкий поворот вправо, и никакой петли охватывающей Ядринскую гору не было.

- Далече бы нам пришлось топать, если бы не наткнулись на колонию, - съязвил Саша в наш общий адрес. - Может быть, еще и сейчас бы шли.

- А не пошли бы, не нашли, - парировал Сергей.

Сура здесь очень полноводна, как в период весеннего паводка, чуть ли не выходит из берегов. В принципе, это уже не

река, а отрог водохранилища. За последующим мостом, что ниже Ядрина, где Сурская пойма стыкуется с Волжской, левый низкий берег уже не в состоянии удержать прибывающую сурскую воду, и она растеклась по низменности, затопив леса и луга, как в половодье. Фарватер здесь определяют многочисленные бакены, а бывшее русло - вершины кустов и ряды деревьев, некогда росшие на берегу.

Уговорить я ребят-то уговорил, но не объяснил им для чего мне, вдруг, захотелось прокатиться до Чебоксар водным транспортом. Поэтому им было не совсем понятно, почему я торчу на верхней палубе на пронизывающем, холодном ветру, усиленном движением судна. К тому же погода вот-вот заплачет дождем. Но из дружеской солидарности они все-таки покинули теплый салон и встали рядом со мной, укрывшись от ветра за передней стенкой. Я же внимательно осматривал несущееся на меня пространство. Моя голова одиноко трепалась над палубой. Ветер вышибал из глаз слезы, но это не помешало мне увидеть ту, ради которой я избрал такой путь возвращения. Серая цапля вылетела из-за затопленного куска леса впереди справа.

- Ребята, цапля! - отвлек я друзей от очередного азартного спора, вскидывая бинокль к глазам.

Цапля пересекла наш курс и углубилась в воздушное пространство над залитым водой левобережьем. Саша с Сергеем, быстро среагировавшие на сообщение, уже следили за ее передвижением в бинокли. А я, тем временем, с нетерпением всматривался в ту сторону, откуда она появилась. Теплоход резко сбавил ход и пошел на крутую петлю, огибающую тот самый участок леса, из-за которого вылетела цапля. И вот выход с поворота, перед моими глазами то, что я ждал:

- А вот и колония! - радостно выдыхаю я.

Саша с Сергеем, явно не ожидавшие такого хода событий, резко поворачиваются.

- Считаем вместе! - командую я. - У нас лишь несколько секунд видимости.

- Двадцать, - слышно от Александра.

- Двадцать два, - закончил Сергей.

- У меня тоже в этих пределах, видимо, двадцать-двадцать пять, - подвел я итог подсчета.

Ракета тем временем вышла на следующий поворот, и колония скрылась из виду. Неплохо, совсем неплохо, около двадцати пяти гнезд на мощных дубах, затопленных и потому погибших, правда, уже на Марийской территории, но всего в 2,5 километрах от границы. Правда, это не имеет абсолютно никакого значения для природы.

Ребята, немного отойдя от неожиданно нахлынувших событий, накинулись на меня:

- Ты уже знал об этой колонии? Почему не предупредил?

- Честное слово не знал. Просто предполагал и, поэтому, внимательно смотрел, - пришлось мне оправдываться.

Теплоход на несколько минут пристал к пристани Красное Селище. Несколько пассажиров вошли внутрь салона, и мы поплыли дальше. Очертания реки полностью размылись. Примерные границы русла по-прежнему определялись только по стене примыкающего леса или кустарника. Создавалось впечатление, что плывем по дороге в весеннем лесу, затопленном бушующем половодьем.

Воздух к этому времени перенасытился мельчайшей взвесью влаги. Видимость резко ухудшилась, стало еще холоднее, но мы дотерпели до момента прохождения теплоходом устья.

Вот оно - место впадения Суры в Волгу! Вроде внешне ничего особенного, а в душе какое-то трепетное волнение. Видимо это не обычное для чувствующего человека место.

Сура вливается в Волгу на ее повороте. Тут правый берег достигает своего апогея, и человек, конечно, не мог обойти стороной такое привлекательное место, не поселившись здесь. На мысу виднелись уменьшенные высотой берега строения Васильсурска.

В Васильсурске мы сделали следующую остановку, а затем продолжили путь по Волге. Морось тумана слилась в мелкие капли и пролилась дождем на свинцово-серую волжскую воду. Сплошная кисея дождя скрыла последние видимые очертания. С большим сожалением пришлось покинуть верхнюю палубу. В тепле салона мы быстро уснули и проспали вплоть до Чебоксар.

Сходя на пристань, я каким-то глубинным чутьем сознавал, что из-за дождя упущен еще целый ряд открытий, ожидавших нас на водохранилище, но, как говорится, не все сразу.

ВОДОХРАНИЛИЩЕ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ

Все две недели, пока не представилась возможность вновь прокатиться на теплоходе до Ядрина, водохранилище беспокоило мои мысли. Логическая цепочка уже года два назад выстроилась в моей голове, после того как было установлено действительное сокращение численности цапель в Шомиковской колонии, а Ураковская, тем временем, оставалась на стабильном уровне. Молодняк и взрослые птицы с этих колоний, в данный момент, могли расселяться только на новое водохранилище. На нем, к этому времени, должны были возникнуть самые благоприятные для гнездования цапель условия. Обширные мелководья вновь залитых территорий, большое количество погибших деревьев пригодных для строительства гнезд, рядом с этими мелководьями, изменения рыбного состава в сторону небольших, так называемых сорных, непромысловых рыб, составляющих основу рациона серых цапель. Все это теоретически было давно уже осмыслено после изучения соответствующих материалов по заселению цаплями новообразовавшихся водохранилищ, а проверить все никак не удавалось. И вот первая попытка, и сразу первая удача в устье Суры.

С нетерпением я дождался дня, когда снова волен был совершить задуманные исследования. К этому времени освободилась и Наташа, успешно сдавшая сессионные экзамены. И вдвоем мы, налегке, без палатки и спальников, только с небольшим запасом продуктов, в субботнее, июльское утро сели на «Метеор». Эта карета шла побыстрее, старушки «Ракеты».

Водохранилище в районе Приплотинного плеса неширокое. С борта теплохода хорошо видны оба берега. Правый берег громадой возвышается над рекой, на нем сосредоточились

остатки великолепных Чувашских дубрав. Всюду ведутся работы по укреплению берегов. В левобережье они очень значительны, как значительны разрушения песчаных грунтов этого берега. Процесс разрушения хорошо заметен по многочисленным шагающим соснам. Правда, в отличие от прибалтийских сосен, шагающих уже не одно десятилетие, наши спотыкаются на каждом шагу, и все больше, и больше, становится упавших, лежащих. Волны постепенно дотягиваются до них своими мокрыми языками и, вскоре, слизывают их - беспомощных. Поиграв вволю несопротивляющимися трупами, пучина водохранилища поглощает их.

Приближаемся к району Шомиково. Здесь ощущается бывший поворот старого русла. Левобережье в этом месте затоплено значительно шире. Появились первые участки утонувших березняков. В середине вновь образовавшейся акватории, лесистый остров. Остров ранее, видимо, был высоким мысом левого берега.

Мы в бинокли внимательно осматриваем небосклон, и левый по курсу берег, в надежде увидеть цапель. И точно, есть. Впереди, по направлению на Шомиковскую колонию, летит одна. Затем показалась еще одна. Это подтверждает наши предположения, что цапли с Шомиковской колонии летают кормиться далеко на водохранилище.

Огибаем остров, двигаясь по фарватеру бывшего русла. Вновь заметно сужение площади затопленной водой. Теплоход подходит к Ильинке. Здесь, напротив нее, должно быть устье Парата, но оно не угадывается даже при внимательном рассмотрении в бинокль.

Метеор отваливает от причала и устремляется далеко в противоположную сторону. Если судить, что он движется, повторяя ход бывшего русла, то в правобере-жье простирались когда-то широкие заливные луга.

Мы смотрим во все глаза, стараясь не упустить что-либо. И на очередном волжском зрение зацепило многочисленные утолщения на крайних березках обширного участка затопленного леса. Хотя далеко, но бинокль ставит окончательный диагноз - цапельник, и всего в четырех километрах от Ильинки. Сообщаю радостно Наташе о колонии и вместе, в четыре глаза, усиленных оптикой, сосредоточенно считаем и пересчитываем. Силуэты подросших птенцов, готовых вот-вот покинуть родительский дом красноречиво свидетельствовали о заселенности колонии.

Пока считали, Метеор миновал еще пару километров и вышел на прямой отрезок, возможно, когда-то здесь был красивый плес. Затопленное левобережье проплывало, совсем, рядом. Хорошо видны невооруженным глазом деревья и кустарники, стоящие глубоко в воде. И вот, на одном из дубов 5 гнезд цапель с птенцами в каждом. Проскочили небольшой участок - еще 8 гнезд и тоже на одном дереве. Еще метров триста, и еще один многосемейный дом цапель. А через километр, гнезда пошли лентой, по крупным деревьям бывшего левого берега: одно, четыре, два, одно, четыре, одно, одно, одно, три, пять, четыре, одно - через каждые тридцать-сто метров, всего тридцать два гнезда.

Такие колонии так и называются - ленточные, но они обычно характерны для южных районов. Там гнезда располагаются вдоль русел рек и каналов на заломах тростника. Теперь, как оказалось, такой тип поселения возможен и у нас, с той лишь разницей, что на деревьях. Быстро прошли самую широкую часть Козьмодемьянского расширения, совершенно не заселенную цаплями. Только перед самым Козьмодемьянском на трех тесновыросших деревьях обосновалось девять пар. А когда наш теплоход повернул от правого берега к Козьмодемьянску, нам удалось заметить еще несколько гнезд. С помощью биноклей определили, что их восемь, и каждое гнездо на своем обособленном дереве.

Пришвартовались к пристани. Несколько минут стоянки и дальше. Те самые восемь гнезд так и остались от нас далеко справа по курсу. Расположились они прямо напротив города, а теплоход, и, подходя, и отходя, срезал большие углы.

После небольшого сужения акватория водохранилища далеко вдается в зону левобережья по пойме Ветлуги, образуя Ветлужский отрог. Здесь очень мало больших деревьев выступающих из воды и цапель тут не оказалось. Зато попутно удалось увидеть стаю белоснежных птиц. Тридцать лебедей белым облаком величаво проплыли от правого берега на Ветлугу. Конечно это холостые птицы, но образовавшееся водохранилище дает надежду появления этих прекрасных птиц на гнездовании.

Вновь резкое сужение, в районе Юрина, и начинается Васильсурское расширение. Его цапли тоже полностью проигнорировали, хотя деревьев пригодных для гнездования здесь было предостаточно.

Сделав необходимую остановку в Васильсурске, наш теплоход вошел в Сурский отрог. Здесь мне было уже все знакомо, и мы стояли в ожидании появления колонии, чтобы, за несколько десятков секунд ее видимости уточнить количество гнезд.

Вот и колония. Так же быстро скрываются за кустами впереди стоящих деревьев одни гнезда и появляются другие. Новой цифры мы не получили и на этот раз - 23+-2 гнезда. На стоянке в Красном Селище уточнили и расстояние до границы с Чувашией. И в этом случае не ошиблись - всего два километра.

Вскоре мы сошли в Ядрине. Метеор ушел дальше, в Курмыш. Наша следующая цель проверить еще одну версию. К Николаю Платоновичу Воронову, автору книги "Они нуждаются в защите" стекается много писем от жителей республики с информацией о различных животных. Поступила к нему информация и о цаплях с Ядринского района из знаменитого колхоза "Ленинская искра", о том, что они у них там якобы гнездятся. Николай Платонович, зная, что я занимаюсь изучением распространения этих птиц в Чувашии, переадресовал сообщение мне. И вот представилась возможность проверить так ли это.

Добравшись до автостанции, мы взяли два билета до Ачак. До рейса оставалось два часа, и я не преминул воспользоваться свободным временем, чтобы показать Наташе Стрелецкую колонию.

На колонии относительное затишье. Что поделать, уже начало июля. Большинство птенцов встали на крыло и покинули колонию вместе с родителями, и сейчас они мигрируют в поисках корма по Суре, Волге, их притокам и прилегающим озерам. На колонии осталось несколько десятков пар белокрылых крачек и малых чаек. У первых слишком затянутые сроки гнездования, а вторые либо поздно загнездились, либо у них произошла гибель первой кладки, и сейчас в бинокль мы видим птенцов из повторных кладок, но и они уже достаточно большие, в буром юношеском наряде или плавают или сидят на кочках. Быстро проплыл открытое место выводок каких-то уток. Вот и вся картина - отголосок некогда бурной гнездовой жизни колониальных птиц.

Время истекло. Нужно спешить на станцию. Успели вовремя. Автобус миновал плотину, мост, поднялся на высокий правый берег. Проехав через своеобразный пригород Ядрина и неширокую полосу полей, углубился в зеленую дубраву. На перекрестке свернули налево, и, вскоре, вдоль дороги потянулись, начавшие желтеть, поля. Через несколько километров, водитель свернул с основной трассы на Нискасы на территорию колхоза "Ленинская искра".

Вдоль дороги тянулись густые лесополосы. Вдалеке угадывались небольшие островки рукотворных сосняков. Дорога с твердым асфальтированным покрытием быстро привела наш автобус в Верхние Ачаки, где мы сошли.

Дома в деревне добротные, каменные, многокомнатные. Дворы с массивными воротами, расписанными в народном или сказочном стиле учащимися местной, художественной школы, но нас интересует не деревня. Мы сразу выходим за околицу и направляемся к, единственному, крупному участку дубравы,

оставшемуся среди бескрайних полей. До него около километра. Быстро миновав это небольшое расстояние, мы пошли по опушке в обход всего лесного массива. Жариться на июльском солнце не очень хотелось, поэтому специально пошли против часовой стрелки, чтобы как можно дольше оставаться в тени леса.

Сразу же бросился в глаза хозяйственный подход к земле. Увиденный нами по ходу овраг был перегорожен каскадом плотин, таким простым путем он превратился в систему прудов. Судя по присутствию мальчишек с удочками, пруды зарыблены. Берега еще не полностью, но в большей степени засажены сосенками. Они уже достаточно большие. Оказывается, можно не только укрощать вредную деятельность оврага, но еще и извлекать пользу при этом.

На прудах цапель не было видно. А если гнездились здесь рядом, то, кормиться, естественно, могли бы на них. Ребята-рыбаки на вопрос: "Видели ли они цапель", отвечали: "Видели. Иногда прилетают, но очень редко". На вопрос о гнездовании их в этом лесу отвечали: "Не знаем". Немного не доходя до противоположного конца, свернули на лесную дорогу и по ней перешли весь участок. На сырой земле, не успевшей высохнуть под пологом леса после недавнего дождя, отпечатались следы кабаньего семейства. Необычно видеть это свидетельство обитания крупных животных на таком небольшом участке леса, но факт остается фактом: живут, не уходят, значит, чувствуют заботу. Говорили, что председатель Айдак и оленей завез в этот лес, и те прижились при постоянном внимании со стороны человека.

Дорога вывела на клеверное поле. На нем мы увидели передвижную пасеку. Это такой многоэтажный пчелиный дом на тракторной тележке. Что ж, вроде неплохая забота об опылении клевера, да пчелы опылители для него слабоватые, но, оказывается,

мы рано начали судить о неопытности хозяев. Большое, привлекательное затмило малое. Если бы, не ткнулись, как говориться, носом, то не заметили бы шмелевников. Шли поближе посмотреть пчелиный городок, привлеченные его необычностью, и чуть не наступили на искусственное гнездовье шмелей. Вот это уже действительно научный подход к проблеме получения семян клевера. Шмели являются основными опылителями бобовых, и делают это наиболее полноценно. Поискав, нашли еще пару шмелевников – таких миниатюрных земляночек с двухскатными крышами. Мохнатые труженики оценили заботу о себе и, справив новоселье, трудятся сейчас от зари до зари на колхозных полях. И тут я вспомнил, ведь к нам на кафедру зоологии приезжал мужчина с этого колхоза. Тогда нас поразила его должность необычайная для крестьянского хозяйства, он состоял на службе энтомологом, а приезжал он на консультацию к главному специалисту по шмелям Союзного значения Сысолетиной Лидии Григорьевне, по вопросу привлечения этих опылителей на поля. И вот мы с Наташей стали свидетелями результатов его работы.

С луга хорошо видны все окрестности, отсюда идет понижение. Далеко внизу блестят пруды в руслах оврагов. Но ни в их сторону, ни сюда к лесу, летящих цапель не видно. Мы замыкаем круг и выходим к дому лесника. Лесник колет дрова. Мы подходим, знакомимся. Захаров Владимир Захарович охотно отвечает на наши вопросы: «Нет, нет ребята, не гнездятся они здесь. Прилетают на пруды иногда откуда-то с Суры, но редко. Олени, правда, есть. И кабаны есть. Хорошо у нас. Все довольны и работой, и жизнью. Погодите минуточку, - лесник сходил в избу и вынес глиняную кринку молока и две алюминиевые кружки. - Пейте на здоровье, а то, небось, проголодались».

Мы с благодарностью приняли угощенье. Посидев еще немного, поговорив о том, о сем, мы вернулись к деревне и оттуда на попутной машине доехали до основной трассы.

С этого района у меня была еще информация о гнездовании цапель. Один студент-заочник нашего факультета утверждал, что около его родной деревни Чебаково гнездятся цапли, и божился, что сам лично видел их гнезда в болоте около Суры.

Сейчас, находясь на перепутье недалеко от указанного места, мы не преминули воспользоваться представившейся возможностью проверить полученную информацию.

Несмотря на близость, до Чебаково мы добирались довольно долго, по каким-то запутанным полевым дорогам, использовав весьма разнообразный попутный транспорт, какой только применяется в сельском хозяйстве, от гужевой телеги до тракторной тележки.

Достигнув, наконец, околицы деревни, мы вполне положительно оценили вероятность гнездования здесь серых цапель. Потому что благодаря очень удачному расположению Чебаково почти на высшей точке правобережья, округа была видна, как на ладони. Даже оба моста через Суру просматривались, не говоря уж о широкой панораме Засурья. Лишь ближний план поймы частично был скрыт лесом, сохранившимся по береговому склону.

До леса было около километра, и мы пошли именно к нему, чтобы через него спуститься в пойму. Полевая дорога подвела нас к обширному прогалу, возникшему здесь при проведении газопровода. Сама дорога, выбирая самые пологие участки,

замысловатой змейкой ныряя среди деревьев, выползала далеко внизу, у самого начала прогала.

Прогал дал возможность увидеть близлежащую пойму, скрытую до этого лесом. Оказывается, мы находились прямо против Ядрина. Город вычурной короной венчал округлую голову горы, колокольней возвышаясь над покатым лбом и сверкая белизной новостроек на затылке. Было совершенно неожиданным осознать, что мы находимся значительно выше города, потому, как находясь в Ядрине, мы не чувствовали разницы по высоте левого и правого берегов.

Глубоко внизу под городом Сура делает пару просто отчаянных поворотов, и речная долина здесь приобретает необычную ширину. Сурское русло, словно драгоценное ожерелье с подвесками из многочисленных озер и заливов, прочно покоится на зеленой груди пойменных лугов. Интерес представлял левый угол поймы. Там, среди озер и проток, среди зарослей окаймляющих их, могли гнездиться цапли.

Определившись в направлении поисков, мы, не заходя в лес, прямо по газопроводу, почти бегом спустились в пойму. С окончанием склона дубрав уступала место дубам. Правее луга оказались распаханными под поля, покрытые в это время года густой щеткой, начавших слегка желтеть, хлебов.

Пройдя чуть вперед, чтобы в обе стороны была хорошо видна линия берегового склона, мы внимательно осмотрелись, особо отмечая всех летящих птиц. Пока, кроме ворон, грачей и пары летящих коршунов на небосводе, никого не было видно. Далеко впереди виднелись два пастушеских домика с изгородями загонов для скота, один почти у Суры, а другой у одного из озер. Справа от нас, совсем рядом, оказалась театральная площадка для

выступлений на открытом воздухе. Видимо здесь люди еще не разучились веселиться и отдыхать.

После предварительного осмотра мы направились влево к озерам. Высокая трава, широкой полосой протянувшаяся вдоль леса, свидетельствовала о заболоченности этого участка. Среди кочек зияли сырой чернотой многочисленные коровьи тропы. Пересекая его, мы вспугивали слетков чибисов, родители которых давно уже крутились в воздухе с жалобными криками. Слетки еще не приобрели блестящего оперения зеленых тонов, свидетельствующего о достижении зрелости, и, перелетев подальше от нас, скромно скрывались в густой траве.

Выйдя с низкого места, по ровному, словно остриженный газон, лугу мы вскоре дошли до настоящего редколесья. Тонкие кудрявые дубочки, липки, яблоньки, вязочки, чередуясь почти в шахматном порядке с пеньками погибших сородичей, реденькими цепями прикрывали подходы к озеру. Впечатление такое, будто бы попали в африканскую саванну.

Как и полагается озеру старичного типа, виднеющееся впереди, начиналось с заболоченного дола. Дол оказался неожиданно богат птичьим населением. При нашем явлении на берегу беспокойно забегали травники, мородунки, поручейники, явно переживая за мгновенно затаившееся потомство. Черные и белокрылые крачки нервно засновали взад и вперед над своими плавучими гнездами, а речные крачки сразу же зависли над ними, обливая потоками яростной брани, хотя до их взрослых птенцов, что сидели нахохлившись на илистом островке, было дальше всех. Оказалось, что и малые чайки облюбовали это болото для гнездования, несколько родительских пар взволнованно мельтешили над относительно сухим, кочковатым участком болота. Вдали,

почти у открытого водного зеркала, видны несколько спешащих в укрытие выводков чирков и широконосок. В общем, каждой твари по паре, а то и больше, не дол, а зоопарк водно-болотных птиц.

Осматривая и изучая, мы не забывали наблюдать и за горизонтом, надеясь увидеть летящих цапель, но заметили только черную тучу, закрывшую юго-западный угол неба. Это наблюдение сразу надоумило заняться присмотром какого-либо убежища. Благо оно было рядом. Мы как раз подходили к первому пастушескому домику.

Подойдя к дому, мы осмотрели его. Обычный деревенский дом, только без трубы - значит, печки внутри нет, жаль, что на замке. Хорошо еще, что рядом летняя кухня с добротной крышей, покрытой шифером и тремя дощатыми стенками. Широкие лавки вдоль стен, значительный запас дров и большой закопченный чайник - что еще надо для приятной ночевки.

Но у нас еще около часа времени до прихода тучи, и мы решаем воспользоваться им для дальнейшего изучения местности.

За этот час мы осмотрели немного, но увиденное позволяло сделать вывод о том, что цапли здесь могут быть только на кормежке. Между протоками и озерами практически не было крупных деревьев, где бы цапли могли расположить свои гнезда, только кустарник, кустарник и кустарник, да еще несколько отдельно стоящих дубов на значительном расстоянии друг от друга. Зато места кормежки отличные, и вполне возможно здесь встретить цапель с какой-либо из ближайших колоний. Правда, оставалась маленькая надежда, что колония где-нибудь на склоне, но пока мы не заметили ни одной цапли, летящей туда или оттуда.

В выбранное убежище мы успели еще до дождя. А дождь пошел, да еще какой, - настоящий ливень! Правда, нас это уже мало

беспокоило, к тому же и за водой на озеро идти не надо. Дождевая вода, ручьем стекающая с крыши, мигом наполнила чайник. Разведя костер, мы занялись ужином. Вскоре стало сумрачнее, видимо, затянуло все небо, а это значит - дождь зарядил надолго.

В полусне, то, засыпая, то, просыпаясь под грохот не прекращающегося ливня, мы провели всю ночь, лежа на жестких лавках у костра. Утром ливень перешел в фазу обычного дождя, но конца ему не было видно. После завтрака, в легком состоянии полудремы, мы провели еще полдня. Наконец, после обеда дождь сильно поредел, среди облаков появились просветы, а у нас возможность наблюдать за горизонтом. После такого дождя цапли, если они есть, обязательно полетят на кормежку, и их можно будет засечь, но со стороны дубравы появились только коршуны.

Дождь прекратился почти совсем, и мы решили выбираться к Чебакову. В нашей летней обуви нечего было и думать, чтобы идти и не промокнуть, поэтому сразу решили босиком. Вспомнив детство, мы бесшабашно бежали по сплошным лужам и мутным потокам в сторону склона. На ходу, как-то случайно обернувшись, я заметил знакомый силуэт над озером. Остановившись и вынув бинокли, мы рассмотрели большую выпь - ближайшую родственницу цапель, но еще более редкую у нас. Увидеть выпь, эту скрытную, таинственную птицу - большая удача, и как только она скрылась из виду, мы с еще большим настроением побежали вперед.

На склоне нам пришлось изрядно побуксовать, не обошлось и без падений, но подъем все же с успехом был взят. Мокрые, грязные, но довольные таким приключением, мы дождались Ядринского автобуса и на нем отбыли в Ядрин.

Нам оставалось только гадать, почему людям всегда так хочется показать себя всезнающими и при этом выдавать желаемое за действительное. Ведь место и так, без гнездовий цапель, оказалось очень богатым и интересным.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ВЫЕЗД

Минул еще год. Новый полевой сезон начался для меня очень удачно. Связано это было с получением письма нашим институтом, в котором кафедре зоологии предлагалось взяться за организацию и проведение учетов колониальных околоводных птиц на территории республики в рамках Всесоюзного учета, проводимого ВНИИ природы и Всесоюзным орнитологическим обществом. Реализация этой программы и была поручена мне. Заведующая кафедрой Чернова Галина Петровна исходила как раз из того, что я давно занимался изучением распространения в Чувашии именно этой группы птиц и, поэтому, могла быть совершенно спокойна за выполнение этой программы. Так я получил возможность выезжать на обследование в устраивающее меня время.

Как всегда, в ранне-весенний период я несколько раз посетил близлежащие к столице колонии чаек и цапель. К нашему удовлетворению, численность цапель в Шомиковской колонии в этот год возросла до двадцати двух пар. На такой исход у нас было очень мало надежды. Мы ожидали худший вариант - полное исчезновение колонии, потому как в прошлом году в ней выводили птенцов только одиннадцать пар. Посетив впоследствии колонии водохранилища, мы поняли причины, вызвавшие поворот процесса, но об этом ниже. Ураковская колония по-прежнему была стабильна и не вызывала беспокойства за ее судьбу.

Приближались майские праздники. Ежегодно эти несколько свободных дней мы обычно используем для какого-нибудь дальнего выезда.

Мои друзья, Саша Березин и Сергей Бухаринов, к этому времени создали в институте Дружину по охране природы. В нее вошел целый ряд студентов биофака, которым была небезразлична судьба природы Чувашии. Одной из ближайших намеченных ими целей была организация экспедиции для детального обследования Стрелецкой колонии. Ее результатом должна была явиться подготовка пакета документов на организацию там Государственного заказника. Проведение этих работ они запланировали как раз на первую неделю мая, и пригласили меня участвовать в этой экспедиции.

Я согласился принять участие, правда, не на весь срок. К тому же, я им сказал, что приеду туда самостоятельно, а не с ними. Мои цели несколько отличались. Нужно было искать новые колонии, а тут, как раз, возник один вариант.

В наших газетах "Советская Чувашия" и "Молодой коммунист" частенько появлялись фотографии серых цапель с дурачащей непосвященного читателя подписью типа: "Аисты - символ счастья!" Автором всех этих фотографий был один человек. И как мне подсказал Н.П.Воронов, знакомый с ним, он, этот фотограф, снимает цапель рядом с деревней Янымово, откуда сам родом. И я, конечно, не мог не проверить этот факт. Поэтому и поехал 1 мая не прямо в Ядрин, а только до остановки Янымово, это как раз по пути, на Ядринском тракте.

До остановки добрался без особых проблем на пригородном автобусе. С нее до деревни еще два километра грунтовой дороги. Радует, что придется идти лесом. Еще один из пока еще многочисленных островков некогда бескрайних нагорных Чувашских дубрав вселяет надежду. Весеннее тепло яркого, солнечного дня постепенно разливается по телу, но вместо того,

чтобы нежиться в солнечных лучах, хочется поскорее скрыться в прохладную тень. К сожалению, даже дубрава не может предоставить ее плотный полог. Безлистный, решетчатый свод ветвей почти не препятствует проникновению солнечного света, и все же я хочу уоедиться в этом и вхожу в колонный зал с ажурным сводом. Мягко ступаю по прелой подстилке прошлогодней листвы, пронзенной насквозь зелеными стрелками жизненной силы земли, и, вдруг, вижу такое, что все остальное разом перестает существовать для меня. Перед глазами расстилается бело-зеленый ковер - ковер из хохлатки Маршалла. Такая редкость здесь покрывает все видимое пространство дубравы. Я с детства привык к весенним коврам совершенно другой расцветки. У нас в Присурье, да и во всех посещенных мною в весенние дни дубравах Чебоксарского и Марпосадского районов, в конце апреля массово расцветает лилово-фиолетовая хохлатка Галлера. Изредка на лилово-фиолетовом фоне можно увидеть белую точку хохлатки-альбиноса, которую я ранее, по неопытности, принимал за хохлатку Маршалла, а тут, вот она, настоящая, в два раза выше обычной с разреженной метелкой белых, со слегка желтовато-зеленым оттенком цветов. Какая приятная свежесть исходит от них.

Постепенно прихожу в себя, в уши вливается птичий щебет, и уже вижу, что, и хохлатка Галлера здесь цветет, только в малых количествах, и гусиный лук, и медуница. Готовится распустить свои бутоны ветреница лютичная, и даже, еще не проснувшиеся дубы выглядят уже не по-зимнему, а тоже как-то особенно по-весеннему, не портя общего настроения.

Иду по лесу параллельно дороге, не переставая восхищаться красотой первоцветов, но все больше прислушиваюсь к пению птиц. Основной тон весеннему гимну задают классики певчие дрозды. Немного резковато выглядят на этом фоне зяблики. Нежнее встраиваются овсянки и веснички. Неожиданным "чир-р-р-р" пытается выделиться зеленушка.

Лес очень быстро кончился. Начались поля без конца и края. Кроме этого лесов поблизости больше не видно. Значит, цапель нужно искать в этой дубраве. Поворачиваю вправо и иду по опушке. Посыпались звуки ударных, это дятел удачно вписался в общую композицию, а вот что-то из ряда вон выходящее. Печальные, редкие "тюю", "тюю", "тюю" - снегири. Слишком долго задерживаются в гостях, а, впрочем, у меня уже накопилось достаточно подозрений на то, что они вполне, возможно, и гнездятся у нас. Частенько приходится слышать и видеть их в мае, когда они должны улетать. И появляются они у нас не осенью и зимой, как это принято считать, а в конце июля. А в августе их становится очень много. Прошлый год мне пришлось наблюдать несколько раз парочку снегирей в июне, но гнезда так и не сумел найти. Будем надеяться на будущее, все равно этот вопрос должен когда-то разрешиться.

Я продолжал спокойно двигаться по опушке, прислушиваясь к голосам птиц, с внутренней уверенностью, что цапли где-то тут рядом, и, вскоре, они должны себя обнаружить. Уверенность во мне была не из каких-то сверхъестественных чувств - опыт и простые рассуждения подсказывали. Янымово рядом, леса другого нет, единственно, где они могут быть, это лес по опушке которого я иду. И точно, из

леса, подтверждая мои мысли, донеслись знакомые звуки: "Крак, крак", и ответное, сухое квохтанье: "Ку-ку-ку-ку-ку". Поворачиваю на звук и в тридцати метрах от опушки вижу несколько гнезд. А вот и сами цапли слетают с четырех ближних из них, над двумя другими появляются перископы их голов. Колония, к сожалению, небольшая, всего-то восемь гнезд на четырех деревьях - два, два, один и чуть в стороне еще три, но радость удачи большая. Настроение на самом высоком уровне. Еще бы, сначала хохлатка Маршалла, а теперь цапли. Решаю пройти в глубь поля, чтобы окинуть с высокой точки всю местность. Нужно определить, куда летают кормиться цапли с колонии. Нежное воркование горлицы провожает меня.

Легко идти по прошлогодней стерне под пение жаворонков, и вскоре я достигаю ничем ни примечательной точки, откуда начинается еле заметное понижение местности. Поля, поля, дальние деревни, мизерные островки кустарников в низинах. На дальнем плане видны очертания побережья Суры. Она легко узнается по линии деревьев и кустарников вдоль нее и по возвышающемуся левобережью. Раз Сура рядом, то тут и искать нечего, естественно, цапли летают кормиться на нее, но в последний момент, я все-таки решаю посмотреть пруд в овраге у деревни Верхние Мочары, манящий своим блестящим глазом. Хотя, что может быть интересного на пруду у самой деревни.

Минут через двадцать я был у пруда. И для меня было полной неожиданностью увидеть на пруду у околицы деревни такое разнообразие птиц. С грязно-серой поверхностью пруда контрастировали сизо-белыми нарядами озерные и малые чайки. Илистое побережье активно обследовали миноискателями-клювами мородунки. Даже одинокий селезень- чирок-трескунок - нервно

крутился у дальнего края. Среди этой мелочи гигантом смотрелась стоящая по колено в воде серая цапля, сначала не проявившая явного беспокойства при моем приближении. Однако, в конце концов, она не смогла стерпеть столь длительное внимание к своей персоне и, широко взмахнув крыльями,

знаком вопроса тяжеловато поднялась в воздух. Войдя в свою стихию, тело цапли приобретало свойственные только ей очертания: горбатый торс, изогнутая буквой "зет" шея, вытянутые далеко назад длинные ноги. Полетела она не в ту сторону колонии, а на Суру. От деревни на трассу пришлось выбираться очень долго, и я ушел далеко, и шоссе ушло в сторону, плюс еще непривычное, припекающее по настоящему солнце.

С автобусом мне повезло, остановился и посадил рейсовый - Чебоксары-Ядрин. Дорогой я внимательно всматривался сквозь стекла автобуса в проносящиеся мимо дубравы, пытаясь определить цвет ковров, выстилающих их. К моей радости, до самой Суры в лесах преобладала хохлатка Маршалла.

Вскоре я уже выходил в деревне Стрелецкая. Через переулок я прошел к болоту. Ребят вроде нигде не видно. Видимо еще не приехали. Вынув бинокль, принялся внимательно осматривать каждый уголок болота. Оно отчетливо выделялось

бурым пятном поржавевшей за осень и зиму осокой среди молодой сочной зелени озимых. Озерные чайки непрерывно толкутся в воздухе над своей частью территории. Гнезд с этой точки не видно, но должны уже насиживать яйца - весна такая же ранняя, как и несколько предыдущих. А вот еще одно подтверждение ранней весны, среди озерных чаек я замечаю несколько птиц с черным исподом крыльев. Это малые чайки. Их пока немного, основная масса еще не прилетела. Не прилетели и белокрылые крачки, их место на колонии пустует. На видимой части открытой воды плавают какие-то небольшие уточки. Присматриваюсь, нет, это не утки, это черношейные поганки. Постепенно перевожу бинокль в сторону ветел. Вот это да! Там, оказывается наши ребята, а я их сначала не заметил. Они ставят палатку прямо под деревьями, видимо, там сухое место. Я сразу направляюсь туда. Приходится идти самым краем болота. Хотя он и покрыт водой, но под ней твердая дерновина, а вот пашня на границе с болотом больше похожа на топкий илистый рисовый чек, нежели на ржаное поле. Обходить пришлось довольно долго. Распугивая чибисов и бекасов, немного решивших отдохнуть к полудню после брачных полетов, я сделал почти полукруг. Отсюда, теперь уже с южной стороны болота, хорошо видно место, которое выбрали ребята, единственный сухой островок посреди болота. К нему пришлось пробираться по глубокой воде, хорошо, что я как обычно в болотных сапогах. Я всегда надеваю их или беру с собой, когда выезжаю в Присурье, зная его характер, не обращаю внимания на лишнюю тяжесть.

Оказалось, ребята тоже только что приехали, чуть пораньше меня, и долго ходили вокруг, в поисках удобного, сухого места для стоянки. Поделились впечатлениями. Очень обрадовал ребят сообщением о новой обнаруженной колонии цапель. Затем

продолжили обустройство бивуака. Вскоре был готов ужин, и мы, достаточно проголодавшиеся за день, в миг уничтожили его.

Солнце все ниже опускалось к западной линии горизонта, и как бы постепенно остывая, теряло свою ослепительную яркость. Ребята занялись кто подготовкой к ночлегу, кто к завтрашнему дню, прикидывая все нюансы предстоящей работы. Я, тем временем, развернув раструбы сапог, медленно ощупывая дно впереди, двинулся к колонии чаек. Шел, не торопясь, периодически останавливаясь, и внимательно осматривая в бинокль, заинтересовавшие меня участки. Постепенно стих ветер. Слышимость стала отчетливее. Чайки не поднимали сильного шума и отчетливо прослушивались голоса других птиц. Это дало возможность определить видовой состав облюбовавших болото куликов. Кроме чибисов, бекасов и мородунок, которых не могли заглушить даже чайки, мой слух уловил голоса фифишек, так ласково я называю куликов фи-фи, и травников.

Прислушиваясь и присматриваясь, я стоял недвижимо тихо, и даже ондатры в такие моменты принимали меня за какой-нибудь обломок дерева, и спокойно проплывали мимо. Этих зверьков здесь видно много. Только за тот небольшой промежуток времени, что я шел к колонии, видел четырех. Они бесшумно выныривали, проплывали какое-то расстояние по поверхности и снова исчезали под водой, словно их и не было.

Постепенно становилось все глубже и глубже, я шел все осторожнее. Наконец передвигаться дальше стало невозможно, вода достигла самых краев моих ботфортов. До центра колонии оставалось каких-то двести метров, но и отсюда она была как на ладони. В бинокль прекрасно были видны гнезда. Это явилось для меня приятной неожиданностью, вот так запросто, издалека

рассматривать гнезда озерных чаек, и все потому, что они были расположены не на заломах рогоза, как в Новочебоксарской колонии, а на ровной поверхности всплывших огромных полей торфа.

Именно эти плавающие торфяные острова, незначительно поросшие рогозом, выбрали озерные чайки для своего гнездования. Правда, им пришлось потрудиться поболе, чем, если бы они строили гнезда на рогозовых сплавинах. Гнезда им пришлось делать высокими, они как кочки торчали тут и там. Высота их была не меньше 40 см. В бинокль хорошо видна свежая надстройка из бронзовых листьев рогоза и осок на потемневшем полуразложившемся основании. Выходит, для расположения гнезд на таком высоком уровне, они используют остовы, не разрушающиеся полностью за зиму, а не возводят эту основу каждый год заново. Для исследователя такой тип постройки гнезд был просто подарком. Я смог, не входя в саму колонию, подсчитать количество загнездившихся пар. В колонии оказалось 573 гнезда, практически в каждом виднелась чайка, насиживающая кладку. Вот и выходит, что прошлый год мы с Сергеем и Сашей были правы, оценив их численность примерно в 500 пар, хотя подсчитывали самих птиц, что значительно труднее.

После подсчета гнезд я занялся визуальным поиском других видов птиц, нашедших стол и кров на этом болоте под покровительством чаек. По открытой воде парными челноками сновали поганки. Они то плыли бок о бок, то ныряли, выплывая далеко друг от друга, а затем стремительно сближались на встречных курсах. Здесь их было, ни много, ни мало, более 20 пар. Колонии чайковых птиц всегда привлекательны для гнездования этих беззащитных птиц с неуклюжим полетом. Выплыла парочка

чирков-трескунов, затем я заметил еще одну пару. Рыская взглядом по густо заросшей части болота, я наткнулся на пару широконосок. Присмотревшись, заметил еще три пары широконосок и две пары крякв. Неожиданно сбоку от меня взлетели три чирка. Со свистом разрезая воздух крыльями, они прошлись прямо надо мной.

Солнце коснулось земли. Красные отсветы хоть и не резали глаза, но сделали невидимым все, что лежало к западу от меня. И все же, в последний момент я успел заметить селезня шилохвости в дальнем, северо-западном углу болота, прежде чем он исчез в ореоле солнечного сияния. Нужно было выбираться, пока не начало темнеет, и я так же осторожно пошел в сторону лагеря. Осторожность оказалась не лишней на этот раз, немного невнимания, и я бы оказался в глубокой яме, скрытой разливом. При тщательном рассматривании, яма оказалась выпарительным прудом. Выходит, и с этим болотом пытались работать наши вездесущие мелиораторы. К лагерю я подошел, когда солнце уже скрылось и начало смеркаться. Ребята собрались у костра и пели песни под гитару. Я присоединился к ним.

Когда совсем стемнело, я попросил ребят прекратить пение и предложил послушать музыку весенней ночи.

Удивительную музыку природы, постепенно усиливающуюся, наполняющую собой бескрайнее ночное пространство, уносящуюся в высоту к мерцающим в бесконечной дали звездам, можно услышать только весной. Именно весной ночи так оживлены многочисленными таинственными и не такими таинственными голосами и звуками.

О начале ночной симфонии возвестили трубной перекличкой невидимые журавли. Чайки резко сбавили свой гомон, и на первый план выступил надрывный плач чибисов.

Активно вступили в партию небесные барашки. Дребезжание рулевых перьев хвоста при входе в пике, издавало тревожное блеяние заблудившегося в ночи ягненка. При выходе из пике бекасы издавали серию встревоженных, призывных криков, как бы зовущих этого потерявшегося ягненка.

Журавли быстро успокоились, но не было никакого успокоения бедным чибисам, так же неутешно продолжавшим рыдать. Сумерки то и дело прорезали со свистом проносящиеся над болотом стайки уток. Садились они на воду с хорошо слышными всплесками, а поднимались с громким хлопаньем крыльев. Днем, с дальнего расстояния, эти звуки не были бы услышаны. Только удивительная акустика ночи делала возможным слышать, что происходило даже достаточно далеко от нас.

Похолодало. Ночь сгустилась. Ярче замерцали звезды. Со стороны леса заухала дрожащим прерывистым свистом неясыть. Ответ последовал откуда-то из-за деревни. А это что за звуки? До нас донеслось грубое, трубное: «Бу-у-у-у-у». Пока мы соображали, звук повторился. Так это же выпь - водяной бык, как называют ее в народе за это странное мычание. Редчайшая, осторожная цапелька. Считается, что такой звук она выдает, засунув клюв в воду, но не все орнитологи согласны с таким мнением. После первых пробных духовых упражнений, выпь забухала на всю ночь. Постепенно наш слух уловил, что ей отвечают, и отвечают с двух сторон. Откуда-то из-за леса, из-за деревни. Как замечательно, что тут гнездится не одна пара. Настоящей птичьей вотчиной оказалось болото под самым Ядрином. Кто бы мог подумать, что столько редких птиц живет рядом с человеком.

Близилась полночь. Температура упала градусов до двух. Перестали летать утки, успокоились чайки, но, конечно, не

полностью. Лишь неугомонные чибисы и бекасы продолжали солировать под ритм, задаваемый выпью. Ребята ушли в палатку, а мы с Сергеем Бухариновым, подложив под себя надувные матрацы, заснули прямо у костра под убаюкивающие звуки неповторимой весенней ночи.

За ночь пришлось просыпаться раза два, чтобы подбросить дров в угасающий костер, а чуть забрезжил рассвет, мы с Сергеем были уже на ногах, согреваясь в движении. По-прежнему, блеяли бекасы, их, видимо, и сон не берет. Давали свои позывные чайки, подлетающие к своим гнездам. А, в общем, было значительно тише, чем ночью. Мы расшуровав костер, занялись приготовлением завтрака.

Перед восходом солнца затрубили гимн светлому утру журавли, скрывающиеся где-то в кустах юго-западной части болота. Увидеть журавлей было невозможно не только из-за кустов, сплошное одеяло белого тумана тонким слоем окутало все пространство вокруг.

Из палатки показались первые заспанные лица наших друзей. Просыпались и птицы. На колонии становилось шумно. Лишь полуночники наоборот угомонились совсем. Но это совершенно не касалось опьяненных брачным угаром чибисов и бекасов, продолжавших без устали отплясывать в воздухе.

Над горизонтом показался краешек солнца, и в какое-то еле уловимое мгновение огненно-желтый шар взлетел ввысь. Достигнув определенной высоты, шар брызнул во все стороны рассыпающиеся снопы ярких лучей, озаряя слепящим светом все вокруг. Лучи на глазах растопили пленку болотного тумана, словно прошлогодний снег. Вновь донеслась перекличка журавлей, приветствующих взошедшее светило, а затем показались и они

сами. Величавые, гордые птицы поднялись над кустами и, набрав небольшую высоту, потянули на поля. А нас тем временем отвлекло, ясно слышимое гагаканье. Мы автоматически зашарили взглядами по небосклону, в поисках стаи. После нескольких промахов, взгляд зафиксировал небольшую стаю гусей. Тридцать восемь птиц, явно запоздавших с пролетом, садились на дневку, в то место, откуда только что взлетели журавли.

После завтрака ребята разошлись, каждый на свое определенное место, для осуществления картосъемки колонии. Они должны были детально обследовать ее и прилегающие территории болота, для определения границ будущего заказника и охранной зоны вокруг него, а также подготовить обоснование. Для проведения этой работы достаточно было присутствующих здесь девяти членов ДОПа. Поэтому я не принял прямого участия в деле и продолжил изучение видового состава колонии.

Обогнув все болото, я вышел к северо-западной оконечности. Тут, на наименее заболоченной луговине и застолбили территорию для своих гнезд кулики. Теперь я увидел воочию и щеголеватых, в красных сапожках травников, залетевших в беспокойном, трепещущем полете вокруг гнездовой территории, при моем приближении, и беспокойно забегавших фифишек, а вот мородунок и здесь увидеть не удалось. Их голоса раздавались со стороны чаячьей колонии.

Чайки по-прежнему заняты своей гнездовой жизнью. По воде, как и вчера, сновали черношейные поганки. Нашел взглядом и широконосок, и крякв, и чирков-трескунков, а вот шилохвость так и не попалась на глаза. Зато заметил лысуху, вчера, я ее не наблюдал. Осторожная птица, прозванная так за большую белую бляшку на голове.

Так, а это кто там мелькает среди осоковых кочек? Бинокль к глазам - горностай. И здесь оказаывается, как и в Новочебоксарской колонии, живет небольшой, грациозный хищник, из семейства куньих. Верх коричневый, низ белый, кончик хвостика черный. Очень ловко шныряет в осоковых джунглях. Основной корм, мышевидные грызуны, но на колонии, скорее всего, непрочь закусить яйцами и птенцами, оставленными без присмотра. Хлопанье крыльев и гогот отвлекают меня от горностая. Это взлетают гуси. Значит, дотуда дошел кто-то из ребят, и их появление спугнуло отдыхавшую стаю. Выстроившись в вереницу, гуси полетели в сторону Суры.

До обеда я осмотрел все болото. Новых видов птиц больше не попалось. Ребята тоже завершили начальную часть своих исследований и собрались за обедом. После обеда я попрощался с ними и ушел. Мне не терпелось посмотреть, как чувствуют себя цапли в колонии на Урге. А ребята остались завершать программу исследований.

Моя попытка пройти напрямую к границе леса, откуда мы прошлый год начали поиск чаячьей колонии, окончилась полной неудачей. Причиной этому явилась грязь, беспрестанно налипавшая бесформенными ошметками на мои сапоги. Как раз для того, чтобы поскорее избавиться от нее, я и спешил к виднеющимся впереди зазеленевшим лугам. Вот там меня и ждало горькое разочарование. Нет, луга были вполне проходимыми, по ним было очень приятно идти, вспугивая многочисленных обосновавшихся здесь чибисов. Мелиораторы, окопав луга сетью водоотводных каналов, в который раз, до глубины души огорчили меня. Остановившись, как вкопанный перед первой непреодолимой преградой, я обиженно сожалел, что придется обходить через город, так как через поля

было еще дальше и, казалось, что даже чибисы смеются надо мной. Конечно, умом я сознавал, в данном случае мелиораторы сработали на совесть и добились конкретного результата, но в душе было обидно, что придется так далеко обходить. Однако, через город, по асфальтированным улицам, а затем по сухому склону, я достаточно быстро достиг леса.

Пойма и летом труднопроходима, а сейчас каждая низина, каждое углубление переполнено водой. На подсыхающих луговинах молодая зелень с трудом пробивается через слой ила, оставшегося после весеннего паводка, но пока я не думаю спускаться в пойму и осматриваю ее сверху. На временных водоемах не видно отдыхающих уток, видимо кто-то успел напугать. Только далеко, далеко на одной из луж мельтешат какие-то кулики.

Я углубляюсь в дубраву. Сразу отмечаешь родной, привычный взгляду, лиловый ковер хохлатки Галлера с реденькими желтыми пятнышками гусиного лука, хохлатки Маршалла нет и в помине. Ковер мягко затаивает шаги. Отовсюду высвистывают певчие дрозды, заглушая, буквально, всех. Лишь зябликам на высокой ноте все-таки удается заявить о своем присутствии.

Двигаясь по закругленной вершине склона, я старался заметить что-нибудь новенькое, необычное. И я увидел. Это было барсучье городище. Пять входов в нору на разной высоте естественно маскировались складками рельефа, нависающими кустами, или незаметно прятались в корнях деревьев. Хотя на сыроватом песке входов не было ни единого отпечатка лап, нора была, бесспорно, заселена и принадлежала барсуку. Жилое помещение всегда угадывается по каким-то, часто неуловимым, признакам. Вот и здесь чувствовался жилой дух, возможно по аккуратности тех же входов, а отсутствие остатков пищи и

экскрементов свидетельствовало в пользу барсука, а не лисы - нечистоплотной хозяйки.

Через некоторое время склон, шедший на юг, резко завернул на запад. Это направление в мои планы не входило, и я начал спуск в пойму. Дубрава и так молодая, не более восьмидесяти лет, сменилась на южном склоне совсем молодым дубнячком 30-35 лет от роду. Спустившись, я оказался на берегу красивого озера, узкой полосой вытянувшегося вдоль косогора. Лишь в том месте, где я вышел, была широкая поляна. Три темно-зеленые пирамиды елей, два дуба да две дуплистые липы свободно разместились на ней, придавая ей некоторую сказочность. Дальше дубки подходили вплотную к озеру. На другом берегу древесной растительности не наблюдалось, только разлапистые кусты ив вцепились в него по всей его длине. Вода в озере еще мутная, не отстоялась после бурного времени. Несколько чаек лениво курсируют над ним, пытаясь высмотреть в мутной водице хоть какую-то добычу.

Тропинка, петляя и изворачиваясь между кустами и деревьями, уходила вправо по косогору. С трудом удерживаясь на ее крутизне, а иногда, осклизаясь, и падая, я вышел по ней к оконечности озера. Заболоченный конец был на редкость коротким. Незаметный подъем переводил низину в суходол, препятствий к передвижению вперед не было. Поэтому именно здесь и притулилась на склоне горы пасека, с добротной деревенской избой в верхней точке отгороженного участка. Такую пасеку за все время странствий в Чувашии я видел впервые. Поразили меня не ульи, а дом. Обычно на пасеках строят времянки, либо дощатые, либо бревенчатые, но всегда небольшие временные пристанища, с омшанниками или сараюшками по бокам, а тут обустроились всерьез и надолго.

К пасеке подходила дорога, по ней я и направился. Сразу за долом отводок, по которому я двигался, соединялся с главной дорогой, идущей к видневшимся невдалеке строениям летней фермы. Вправо она уходила вдоль косогора. Пока направление дороги меня устраивало, я шел по ней. Затем свернул вправо, воспользовавшись еще одним ответвлением дороги. Однако и здесь она вскоре перестала меня удовлетворять, и я пошел напрямую через луг к островку дубравы, случайно сохранившемуся среди сплошной, однако уже успевшей изрядно зарасти, сечи. Лесочек встретил меня треском рябинников. Они были всюду: сновали, перелетали, появлялись и исчезали и при этом, не умолкая, трещали. Такое поведение означало только одно - несколько десятков дроздов облюбовали дубравку под свою колонию. Я не стал их беспокоить, и вторгся в молодой осинник, быстрее всех освоивший вырубку.

Немало усилий пришлось приложить, чтобы продраться сквозь сплошную стену тонких стволиков, стоявших густо, как бамбук. Я даже хотел повернуть обратно, чтобы обойти чащобник, но на мое счастье наткнулся на прошлогодние коровьи тропы. Как лоси, они проторили в зарослях достаточно широкие проходы. Переходя с одной тропы на другую, стараясь сохранить направление, я вышел к следующему озеру. Мое появление из кустов было столь неожиданным для коршуна, отдыхавшего на ветвях росшего на берегу дуба, что он не сразу сообразил скрыться с моих глаз, но нескольких взмахов неопрятных бурых крыльев было достаточно, чтобы сделать это.

Рядом, параллельно озеру, проходила дорога, отделенная от него все тем же осинником. Единичные деревья стояли только по берегу, выстроившись там реденькой цепочкой. Справа от дороги

среди осинника встречались иногда небольшие, мелкие болотца, и с каждого, как правило, при моем появлении, поднималась пара крякв. Ведущей в этой паре была всегда утка, ведомым - селезень. Так, словно истребители в спарке они уходили ввысь и описывали гигантские круги, пока не приводнялись на каком-либо водном пятачке.

С одного более крупного болотца поднялось сразу восемь чирков, а затем, чуть опоздав, и пара крякв. Такое явление, кочующие по водоемам не приступившие к гнездованию утки, у нас наблюдается весь май.

Озеро оказалось довольно длинным, но вот впереди открылся широкий луг, и я смог взять нужные ориентиры. Помня по прошлому году, что цапли гнездились на сохранившемся от сплошной рубки узком участке леса, я примерился к видневшемуся вдалеке темно-зеленому островку. Да и судя по направлению высокого, здесь, правого берега Суры, следовало идти именно к нему, а это означало, что мне необходимо отклониться от береговой линии озера чуть вправо. Что я и не преминул сделать, продравшись сквозь ветви низких вязов и черемух, я снова уперся в озеро. "Надо же, сколько их тут?!" - подумалось мне. Прикинув, я решил обойти озеро справа. Хотя и сильно отклонюсь от маршрута, зато пройду посуху. Между озерами, справедливо полагал я, в такое время сыровато будет, если вообще проходимо.

Как решил, так и сделал. Надо мной, в небе, резвились чеглоки. На предельной скорости гоняясь друг за другом, они демонстрировали виртуозную технику полета. Наблюдал я за ними не останавливаясь, на лугу можно позволить себе такое. Поэтому и напугал меня немного шумный взлет очередной пары крякв с соседней лужи.

Через пару километров озеро круто поворачивало вправо, в сторону косогора: откуда я только что пришел. Это мне сильно не понравилось, и я повернул назад. Я шел к перемычке с твердым намерением преодолеть все препятствия, которые посмеют возникнуть на моем пути, но такого я не ожидал, перемычки между озерами не было. Это был единый водоем, буквой "П" опоясывающий обширную низменность. Словно издеваясь надо мной, через озеро в сторону колонии пролетела цапля. Тут у меня впервые возникло сомнение. Несмотря на стоячую воду, я спрашивал себя: "Озеро ли это? Пять километров прошел я вдоль него, а концов еще не видел". Круто развернувшись, я нетерпеливо зашагал обратно к повороту. На ходу, прикидывая и сопоставляя, я все больше склонялся к мысли, что передо мной не озеро, а река, и не какая-то там, а Урга, воды которой подперты водохранилищем, и значит, цапли гнездятся не на Урге, а на какой-то старице Суры, не потерявшей связи с новым руслом. - Черт! Как мне не хватает карты!

У самого поворота я повстречал мужчину, идущего от леса.

- Здравствуйте! - останавливаясь, приветствовал я его.

- Здравствуйте!? - замедляя ход сначала, а затем и останавливаясь, полувопросительно ответил он на приветствие.

- Скажите, пожалуйста, это озеро у леса кончается? - воспользовавшись представившейся возможностью выяснить, начал я задавать вопросы. – Нет, не кончается. Оно туда далеко идет, вон за ту деревню, - показал он рукой в сторону Полянок, видневшихся на горе километров в шести. - Такой утвердительный ответ насчет озера несколько смутил меня, но таких длинных озер у нас просто быть не может.

- И что, мостов здесь поблизости нет?

- Нет, только у деревни один, да еще где-то километров через пятьдесят.

- Так это река, а не озеро!? - наконец окончательно поняв ситуацию, воскликнул я.

- Да река - Урга, она чуть ли не через всю Горьковскую область течет.

- Чего же вы меня не поправили, когда я спросил про озеро?

- Да не знаю, как-то не обратил внимания.

- А устье? Вон там, где Курмыш виднеется? - показал я на деревню в южной стороне, с небольшой надеждой, что, может быть, Урга около Суры сильно петляет и впадает только у Курмыша, что означало гнездование цапель все же на Урге.

- Нет, это не Курмыш, его отсюда не видно. А устье вон там за фермой, - показал он рукой на восток вдоль горы, разбивая мои последние несбывшиеся надежды.

Теперь все стало ясно.

- Спасибо за информацию. И напоследок, скажите, пожалуйста, как пройти к ферме покороче, не назад же по кругу идти?

- Нет, назад не нужно. Пойдете по этой дороге, выйдите к пасеке, а там повернете направо. Дойдете до следующей пасеки у озера Сосновое, а от нее ферму видно.

На этом и расстались. Менее чем через километр был у первой пасеки, расположившейся вверх по косогору. В отличие от первой эта была на двоих хозяев, но у обоих дома стояли такие же добротные, как и на той, первой. Значит это уже закономерность. У забора лежали две перевернутые вверх дном лодки, свидетельствовавшие, что хозяев не только медосбор интересует, но и все остальное природное богатство.

К следующей пасеке, той, около которой я уже проходил, вышел неожиданно быстро. Какой-то километр понадобился, чтобы замкнуть петлю в 6 километров. До фермы тут было рукой подать, а за заболоченным долом виднелся еще один летний стан. Дорога вела туда, затем, петляя по лугам между затопленными низинами, выходила к Урге. Однако, по руслу к устью пройти не удалось. Вездесущие мелиораторы заставили сделать крутую петлю через мостовой настил, позволивший мне преодолеть водоотводной канал. Диву даешься, где они только не пытались что-то сделать, вот только толку не видно.

К устью я выходил уже просто так, чтобы успокоить свою совесть. Колонии тут, конечно же, не было. Даже деревьев не было, кроме одной старой ветлы, где бы они могли поселиться. Ничего примечательного в расширенном раструбе устья не было, не удивительно, что мы с Сергеем в прошлогоднюю экспедицию приняли его за какой-то затон. Вот так здорово мы ошиблись. И теперь можно констатировать, что колония не на территории Чувашии, а в Горьковской области, но это сути дела не меняет, главное цапли есть, а границ для них не существует.

На отдых у устья времени не оставалось совсем. На его поиск ушла вся вторая половина дня. Солнце садилось. Нужно было спешить вернуться хотя бы к озеру. Ночлег под боком у леса всегда теплее, чем на лугу, а тем более в майскую ночь.

На поляну с елями я пришел, когда уже смеркалось. Быстро насобирал сушняку и развел костер на старом кострище. Котелка с собой не было, поэтому разогрел тушенку прямо в банке. Не спеша, перекусил, запив нехитрый ужин сырой водой из озера, и, устроившись поудобнее, стал внимать ночи, вступившей в свои права.

Пока суетишься, ничего не слышишь вокруг, а только успокаиваешься, как сразу начинаешь понимать, что ты не один, все вокруг наполнено жизнью. Плачут чибисы на болоте где-то за озером, трепещат хвостами бекасы. Вот журавли с Педягильного болота, перекликаясь с журавлями из-за Урги, протрубили отход вечерней зари. Ночь заступила на вахту. Обострился слух. Слышно стало, как рядом шуршит мышь. Просвистели, разрезая быстрыми крыльями сырой воздух над озером, чирки, и забухала во мракевыпь. Ее дуденье очень обрадовало меня. Ведь это означало, что еще одна пара гнездится здесь. И в более глухих, лесных районах не всегда ее можно услышать, а тут три пары на соседних болотах, в густонаселенном месте.

Дневная усталость склонила меня в сон. В зябком полусне, регулярно просыпаясь от холода, как только гас костер, я и провел ночь на озере Сосновом. Только утром, вспомнив название озера, я задумался - почему Сосновое? Вокруг озера нет ни одной сосны, только три ели, даже пеньков не видно. Хотя вполне возможно, что когда-то и росли, а теперь вот молодые дубки подрастают.

В пятом часу, не позавтракав, я уже спешил в Ядрин, чтобы отъехать первым автобусом.

ОТ АЛАТЫРЯ

Весь май и начало июня мы, как обычно, работали на ближайшей Новочебоксарсой колонии. Колония, вот уже который год, находиться под постоянным наблюдением, и в ней фиксируются все изменения. А изменения, конечно, происходили, и, на наш взгляд, именно в этом году процесс формирования колонии завершился. В самой колонии остался только один вид из бывших ее соучредителей - это озерные чайки. Численность их достигла максимума возможного и остановилась в пределах 1200 пар. Другие из бывших соучредителей повели себя по-разному. Речные крачки, которые в момент формирования являлись основными держателями акций, впоследствии образовали собственную компанию, но они до сих пор, к сожалению, не имеют постоянного места для гнездования, в связи с непрерывно проводимыми различными работами на очистных. Поэтому крачки вынуждены ежегодно арендовать новые места. Малые чайки своей численностью, обычно около 30 пар, конечно, не могли оказывать существенное влияние на процессы, происходящие в колонии, и предпочли войти в коалицию с речными крачками, которых тогда было всего лишь вдвое больше. Причем присоединились они к крачкам с большей долей самостоятельности и независимости, избирая для своего гнездования места, хотя и рядом, но отличные от излюбленных крачками. К этому году речные крачки довели свое членство в обособленной субколонии до 105 пар, а большинство малых чаек насовсем покинули ее, оставив небольшое представительство из 7 пар. Но свято место пусто не бывает, впервые договор на совместное гнездование заключили с речными крачками 10 пар малых крачек. А вот представители

постоянного меньшинства в изначальной колонии - сизые чайки, три пары которых настойчиво пытались ужиться с озерными чайками, решили поискать счастья в другом месте. Зато возросло количество мелких держателей акций. По прилегающим к колонии лугам, значительно выросла численность травников, чибисов, фифишек, поручейников, мородунок, малых зуйков, загнездились даже большие веретеники.

Под свою коллективную защиту озерные чайки с каждым годом принимают все больше и больше беженцев от террористок серых ворон, от охотничьего прессинга со стороны человека. Здесь нашли приют большое количество представителей семейства утиных: красноголовых нырков, широконосок, крякв, шилохвостей, чирков, недавно появились серые утки. Не отказывают в крове и другим пострадавшим: представителям пастушков и поганок.

В этом году на колонии много гостей. С ранней весны гостит стайка турухтанов, которым давно бы пора заняться семейными делами в тундре. В конце мая появились 36 свиязей. Это либо прохолоставшие, либо откочевавшие на линьку селезни. Начало июня дало возможность познакомиться нам с северными представителями куликов - грязовиками и чернозобиками, пролет которых идет совсем незаметно над нашей территорией. И тут же рядом, на водном зеркале вертелись в постоянном движении, все время, выхватывая что-то из воды, представители древнейшего строя - матриархата - самочки круглоносых плавунчиков. У них самцы высиживают яйца и заботятся о птенцах, а самки, вот, гуляют по южным курортам. И раз им не надо маскироваться на гнезде, то и оперение у них ярче, чем у самцов. На черные спинки накинуты модные, вязаные в крупную клетку, светло-коричневые шали. У

всех на головах сизые береты, белые горлышки прикрывают красно-коричневые шарфы. Белые блузки с сизой окантовкой на груди довершают яркие женские наряды, не принятые у большинства других птиц.

Вот так выглядело птичье общество под Новочебоксарском в 1986 году.

К 8 июня мы с Наташей получили возможность обследовать, ранее не посещенный нами, участок Суры от Алатыря до Порецкого, и тем самым завершить поиск колоний на Суре. Этот проект мы решили осуществить, спустившись на резиновой лодке вниз от Алатыря. Мы исходили из того, что по результатам предыдущих экспедиций нам были хорошо известны все места ниже Порецкого, где можно увидеть чаек, а где их нет, оставалось выяснить, есть ли чайки выше Порецкого.

Ехать до Алатыря в духоте автобуса долго и утомительно, но пришлось потерпеть. Не задерживаясь в городе, мы сразу начали спуск к пойме реки Алатырь. Шли переулками, закоулками, проходными дворами. Миновав завалы всевозможных грузов вдоль железной дороги, расположенной как бы на террасе берега, мы, наконец, спустились в низину.

За последними рядами домов и огородов, почти до самой реки, простиралось, волнующееся на ветру, зеленое море рогоза. Над ним, как над настоящим морем, реяли чайки. Это нас очень обнадежило, значит, есть, что искать, вот только где? Скорее всего, за Сурой, там обширные луга с большим количеством озер и зарастающих стариц, но чем черт не шутит, может быть и на этой стороне, где-нибудь у устья Алатыря.

После обсуждений, вызванных видом чаек, сразу возник вопрос, как преодолеть болото, о котором красноречиво

свидетельствовал рогоз. Стали осматривать болото в бинокли и среди буйной зелени заметили какие-то дамбы. Сначала даже и не сообразили, что перед нами городские очистные сооружения, настолько они были не похожи своим примитивизмом на Новочебоксарские. Мелькнула шальная мысль: "А что если чайки, как под Новочебоксарском, и здесь облюбовали очистные?" Наконец, недалеко от себя заметили нечто подобное тропе, протоптанной прямо по болотной жиже. Тропа скрывалась в стене все того же рогоза. Мы пошли по ней. Тропой пользовались постоянно, скорее всего, рыбаки, проложившие прямой, короткий путь к реке. Глубокие топкие места загачены ивовыми кустами и березовыми жердями. Без каких-либо приключений мы, пройдя по зеленому, шуршащему коридору, вскоре оказались на ближайшей дамбе. Дамба, хотя и незначительно, но возвышалась над рогозовыми зарослями, и к тому же была совершенно суха.

Мы оказались на дамбе, не совсем понимая, для чего ее насыпали. По ней можно было дойти до стенки первого биопруда. С первого взгляда на него стало ясно - удача повернулась к нам лицом с самого начала путешествия. Множество чаек на нем и над ним, не позволяли сомневаться в их не случайном нахождении здесь. Уже ликуя в душе, мы внутренне заставили себя не торопиться и осмотреть все по порядку.

Всего биопрудов просматривалось три. Расположились они сопредельно в сторону реки, площадью 20 га каждый. Стена последнего выходила на сухое береговое возвышение, а слева и справа рогоз, рогоз, и рогоз. Строительство нового пруда биологической очистки начато слева. В той стороне просматриваются окна открытой воды, значит, болото там

поглубже. Следовательно, и емкость нового биопруда будет побольше.

Теперь можно пройти к первому. Лишь узкое ущелье отделяет дамбу от стены биопруда. Нам не составило большого труда перепрыгнуть это небольшое препятствие, и вот она, неизвестная научному миру и широкой общественности, колония озерных чаек.

Чайки выбрали хорошо защищенное место. Во внутренних пределах дамбы, уже давно не заполняемых стоками городской канализации, образовался обширный водоем. Дальний угол его густо порос рогозом, медленно перегнивающие остатки превратились в естественную плавающую подушку, зафиксированную от свободного передвижения молодой порослью, которая здесь укореняется на дне. Этот монолитный, непотопляемый корабль и избрали чайки для своего гнездования.

Полдень. Основная масса чаек находилась в колонии. Отдыхали рядом с гнездами на воде. Напоминая безмятежные, не шелохнувшие рыболовные поплавки в период отсутствия клева.

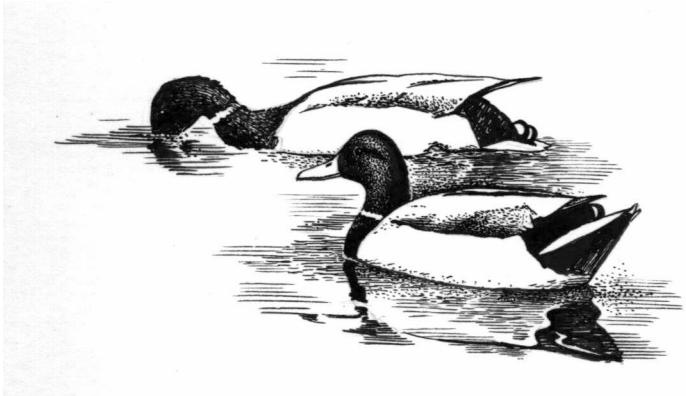
Наше появление на насыпи не вызвало беспокойного взрыва всей массы птиц. Видимо, для чаек привычен вид человека. Только близко плававшие многочисленные выводки черношейных поганок поспешили удалиться к чаячьей колонии. Мы уже стали привыкать к ранним веснам, поэтому у нас вызвали удивления поганки с птенцами, которые в это время только насиживают кладку. В этом году наблюдалось смещение сроков гнездования некоторых птиц на целых две недели.

Птенцы поганок обычно вызывают умиление, настолько симпатичны темно-полосатые пуховички с пестрым, зебриным окрасом головки и шеи. К тому же любят покататься на спине

родителей, а это, согласитесь, тоже не совсем обычная забота со стороны пап и мам. Так вот и сейчас от нас удалялась многочисленная, удивительная флотилия. Взрослые спешили. На некоторых папашах или мамашах умудрились устроиться по три птенца, на других было по одному, по два. Некоторые пуховички не успели забраться и спешили догнать родителей.

Мы насчитали 35 выводков. Хватит на целую колонию. Некоторые орнитологи считают черношейную поганку именно колониальной птицей. Что еще сразу бросилось в глаза, так это черно-белые нырковые утки. Сначала, грешным делом, подумал, что гоголя. Но быстро опомнился, гоголей в такой местности не увидишь, они осторожные жители лесных озер. Это были хохлатые чернети. Двадцать селезней гордо удалились к ближайшим рогозовым джунглям. Только приблизившись к ним, они почувствовали себя в безопасности. Смотрелись селезни очень красиво. Черные с фиолетовым отливом голова, шея, грудь, спина, хвост и белые бока и брюшко - истинные франты на воде. Хохлатые чернети, вместо обычных в двух других наших чаячьих колониях красноголовых нырков, которых иногда называют голубой чернетью, придавали оригинальность Алатырской колонии. Среди франтов сильно выделялись бурой невзрачностью два выводка этих птиц, по 5 и 8 птенцов, ведомых мамашами-утками.

Когда все плавающие птицы сосредоточились у рогозовых зарослей, а над водой остались только два десятка черных крачек, высматривающих с высоты корм, то сразу стало заметно плавучее гнездо, среди редкой, выступающей далеко вперед от основных

зарослей, куртины рогоза с черной птицей на нем. Сразу посчитали, что это черная крачка, но после взгляда в бинокль стало ясно, что это лысуха. Обычно она предпочитает строить гнезда так же, как и озерные чайки, но и это не исключение. Теперь, хотя и не было желания причинять лишнее беспокойство птицам, но для того, чтобы оценить их численность, необходимо было поднять всех чаек в воздух. Для этого мы просто-напросто прошли в тот дальний угол, поближе к колонии. И все чайки, как один, поднялись на крыло. Считали мы быстро. Ограничив пальцами вытянутой руки, небольшой участок стаи, пятерками пересчитали всех птиц, а затем наложили этот участок, сколько это было возможно раз, на всю летающую стаю. Затем, перемножив числа, получили численность чаек в колонии. Для точности пересчитали еще несколько раз. По нашей оценке вышло около 1000 пар - тоже крупная колония.

Чтобы больше не беспокоить птиц, поскорее перешли на стены следующего биопруда. Над ним, среди многочисленных белых пятен чаек, мелькали несколько черных крачек. Как оказалось, они гнездились на этом отстойнике. Мы насчитали десять плавучих гнезд рядом с рогозовой чащобой. Зеленая чаща длинных широких листьев рогоза почти полностью оккупировала пруд биологической очистки. Непосвященному человеку показалось бы странным его слабая заселенность птицами при такой маскировке, но в том то и дело, что простой маскировки среди буйной растительности оказывается недостаточно для защиты от пернатых хищников. Поэтому утки и поганки предпочитают гнездиться хотя и на более открытом месте, но зато под охраной чаек, обеспечивающих определенную защиту от болотных луней и серых ворон. И все же мы при внимательном осмотре обнаружили три выводка крякв, опасливо лавирующих в густых зарослях.

На последнем пруду нас ожидал еще один сюрприз. Он находился в последней стадии заполнения. Среди грязной жижи выступали мизерные островки тверди. Их облюбовали для гнездования речные крачки и малые чайки. В основном островки были столь малы, что на каждом из них умещалось 2-3, а то и только одно гнездо. Несколько самых крупных из них заняли малые чайки, предпочитающие селиться покомпактнее. И чайки, и крачки еще насиживали яйца. Бело-сизое оперение насиживающих птиц резко контрастировало с отстаивающейся органикой. Это значительно облегчило их подсчет. 34 гнезда принадлежали речным крачкам и столько же малым чайкам. Будем надеяться, что до вылупления птенцов случайно не затопит их родильные дома. Рядом с островками построили свои плавучие гнезда малозаметные в такой обстановке восемь семейных пар черных крачек, им потоп не грозил.

Нельзя сказать, что на пруду не было никакой растительности. Рогоз и здесь начал свою первопроходческую деятельность по освоению новой территории. То тут, то там торчали его реденькие куртины. Среди листьев одной из них удалось рассмотреть притаившуюся на гнезде лысуху. Затем заметили селезня шилохвости, скучавшего в одиночестве. И даже болотную курочку сумели разглядеть в бинокль. Из куликов увидели только парочку мородунок, бродивших по бровке отстойника.

Замечательное начало, теперь можно и на реку. Мы спустились с насыпи отстойника. До сухого лужка по берегу нам оставалось преодолеть узкую полоску болота, густо заросшую ивняком. На наше счастье и здесь оказалась тропа.

В кустах захлебывалась камышовка-барсучок. Из-за ее громкого верещания еле слышно доносилось стрекотание речного

сверчка, ближайшего родственника камышовки. Над волнующимися на ветру рогозовым морем проплыл, не шевеля крыльями, болотный лунь, гроза околоводных и водоплавающих птиц.

На берегу Алатыря, оказавшимся довольно полноводной речкой, мы вынули, развернули, и накачали "Нырок - 2". И по воде продолжили свой путь. Нашими попутчиками были все те же озерные чайки и речные крачки. Да еще пока не навязчиво звенели, обычные на каждой речушке, кулики-перевозчики.

Ближе к Суре болото в правобережье сменилось лугами. А в левобережье появились участки лесов. Миновали деревянный мост, соединивший два берега. На нем устроилось много рыболовов с поплавочными удочками, надеющихся хоть что-то выудить из воды.

Вот и устье - широкое, спокойное. Вода успела намыть за май хорошую песчаную косу, далеко вдающуюся в русло Суры. Коса перегородила кратчайший поворот воде из своей реки, и хорошо видно, как более светлая Алатырская струя огибает косу и сливается с мутной Сурской водой, постепенно исчезая в ней.

Места впадения притоков очень привлекательны для всякой живности. Она сюда привлекается обилием корма, которым, кстати, служит и сама для каждого последующего в длинной кормовой цепи. Одно из последних звеньев здесь представлено рыбоядными птицами. Основная масса их с Алатырской колонии, однако количество черных крачек - 36 - не сходится с их числом на колонии. Такой факт наводит на мысль существования их колоний, или отдельных пар в правобережье Суры, где-нибудь за видимым отсюда железнодорожным полотном.

Теперь плывем по Суре и занимаемся маршрутным учетом птиц. По обоим берегам, тянется лес. Оттуда доносятся разнообразные голоса: поют славки, иволги, горлицы, соловьи, пеночки, чечевицы, варакушки, камышовки. В крутых склонах берегов огромное количество норок береговых ласточек. Встречаются колонии по 700 - 1000 гнездовых нор. Вечереет, и ласточки роятся рядом с гнездами, хватая опустившихся пониже под тяжестью набрякших в отсыревшем вечернем воздухе гигроскопических крыльев насекомых. Около воды господствуют перевозчики. Реже, но регулярно встречаются кулики-сороки, малые зуйки и малые крачки. Одного кулика-сороку застали вместе с двумя уже большими птенцами. Родитель, торопясь, пытался увести своих чад подальше от берега. Сверкнул рыжими "штанами" острокрылый чеглок, он напомнил мне сообщение моего друга Кости Арзамасцева, прошлый год побывавшего в том районе, о том, что он видел скопу недалеко от Явлей. Мы как раз подплывали к новому автомобильному мосту через Суру около этого села, который обеспечил движение автотранспорта по только что построенной прямой дороге на Алатырь с центральных и северных районов республики, и более внимательно стали осматривать воздушное пространство, с надеждой увидеть редчайшую птицу. Однако, кроме береговушек, да черных и белокрылых крачек, никого увидеть не удалось. Наличие болотных крачек красноречиво свидетельствовало о гнездовании в Явлейской пойме, но поиски колоний этих, обычно малочисленных птиц, занятие бесперспективное. Их миниатюрные поселения встречаются всюду по Суре, и мы фиксируем только самые крупные из них.

Солнце еще не успело закатиться, но неожиданно надвинувшиеся тучи притушили вечернее освещение. Миновали

устье Люли. На левом берегу началась прекрасная березовая роща. Тучи угрожающе нависли над рекой. Надеясь, что они все-таки минуют нас, мы не спешили приставать, но тяжелые капли забарабанили по нам так сильно, что мы мигом причалили к берегу и укрылись под деревьями.

Чтобы не скучать, развели костер. Дождь продолжался очень долго. Мы успели сварить суп из концентратов и поужинать, лишь после этого он прекратился. Однако, спешить уже было некуда, на землю опустились густые, сырые сумерки. С того берега донесся таинственный пересвист неясытей. Неожиданно и рядом с нами заговорили совы. "Гу-гууу. Гу-гууу" - казалось, что звуки исходят отовсюду. Мы усиленно собирали хворост, и только набрав значительную кучу, пошли посмотреть на ночных привидений. Выходя на голос то одной, то другой птицы мы вспугивали их с мест, и они перелетали на соседние деревья. Это был выводок ушастых сов. И тут сказалось ранняя весна - птенцы уже летали. Вновь пошел дождь. Не обратив на него особого внимания, мы шли на наиболее настойчивый призыв, и вышли к огромной, старой иве. Ствол ее оказался сильно расколот и совсем без сердцевины. Там, на дне этого своеобразного цилиндра, сидел совенок. Видимо, младшенький. Испуганно хлопая большими глазами, он непрерывно издавал свои:"Гу-гууу". Почуяв в нас реальную опасность, на ближайшее дерево подлетела мамаша. "Уак-куак-куак" - издала она беспокойный крик. Перелетела на другое дерево: "Уак-куак-куак". Мы отошли, чтобы не волновать ее без необходимости. Вернулись к костру. Дождь усилился. Кроме лодки у нас, как часто с нами бывало, ничего не было. Так и придется продрожать под лодкой у костра всю ночь. Но тут на горе зажегся электрический огонек, и я, оставив Наташу у костра,

пошел полюбопытствовать, что это там за жилье. Оказалось, пионерский лагерь. На мой стук в ворота, вышел сторож. После коротких переговоров он согласился пустить нас на ночлег, тем паче, что пионеров в нем не было.

Пока я ходил за Наташей, дождь перешел в ливень. Но лодка для того и существует, чтобы находиться между нами и водой, будь она снизу или сверху. Нахлобучив ее на головы, мы добежали до лагеря. Ночевать устроились на детских кроватках, соорудив себе ложе из многочисленных матрацев, ими же и укрылись. Спали как принцесса на горошине, под шум непрекращающегося ливня.

Проснулись мы от тишины. Было уже поздно, должно было всходить солнце. Вышли во двор лагеря. Дождь полностью прекратился. Все было насыщено влагой: воздух, земля, трава, деревья. На тропинках блестели многочисленные лужи. Будить сторожа мы не стали. Умывшись мягкой дождевой водой из стоявшей рядом бочки, и взгромоздив лодку на головы, поспешили к Суре.

От всеобщей сырости зябко. Но быстрое движение начинает понемногу разогревать нас. Начался восход. Первые лучи трассерами прошили тяжелый, влажный воздух высоко над нашими головами, и сразу полилось многоголосье из ближайших рощиц, как будто кто-то проснулся и включил радиоприемник. Солнце, как воздушный шар, резко набирало высоту над лесом. Теперь лучи били под всевозможными углами и, конечно, достигли нас. Сразу стало чуточку теплее, но главное, веселее, от того, что можем продолжить свое путешествие.

Мы подкачали немного спустившуюся за ночь лодку, опустили ее на воду. Поудобнее устроились в ней, и

оттолкнулись от берега. Держась стремнины, мы то и дело попадали в пока еще неприятную прохладу тени леса правобережья, и поэтому никак не могли отогнать зябкость сырого утра, хотя усиленно, попеременно работали веслами. Вскоре леса на высоком левом берегу сменились лугами и полями. Затем и справа пошли луга, и солнце, наконец, достало нас своими руками, напрочь, выгнав остатки дрожи.

Мы сделали остановку у устья небольшой речушки, или, скорее, большого ручья Атратки, где приготовили завтрак, размялись, покушали и поплыли дальше. Сура на этом участке становилась полноводнее, течение убыстрялось, и вот за поворотом показалась деревня Сурский Майдан. Сапфиром сверкнул зимородок. Впереди по курсу снова мост, и, как оказалось, не простой, а разводной. Выходит, не только в Ленинграде существуют разводные мосты, а и у нас на Суре существует такое чудо. Вот только конструкция другая. Сам мост плавучий, понтонный, и для прохода судна отводится в сторону лишь одна его секция, находящаяся непосредственно на фарватере. Нам повезло, навстречу шел буксир с баржей, и секция была отодвинута, и мы, не мешкая, проскочили створ вперед буксира, пока тот натужно подходил к проему.

Дальнейшее наше путешествие протекало очень спокойно. Мы продолжали маршрутный учет птиц. Состав их оставался постоянным почти на всем протяжении. Все реже и реже встречались озерные чайки и речные крачки. Обычныими здесь были другие представители крачек - малые. Они представляли собой изящную, уменьшенную почти в два раза, копию речной. Только сапожки, клюв у них были не красные, а желтые. Малые крачки любят гнездится на песчаных косах и островах. Поэтому и

встречаются на всем протяжении реки, хотя и не в значительном количестве, зато постоянно.

После Сурского Майдана по правому берегу тянулись непрерываемые лугами леса. Не было привычного чередования песчаных пляжей, небольшие участки которых встречались лишь на левом берегу. Берег, в основном, был обрывист и на большей части своей протяженности облесен.

Но вот, в ставшее привычным, течение береговых пейзажей вторгается что-то необычное. По правому борту вырисовывается высокий обрыв. Берег круто идет вверх, вознося лес на высоту около сорока метров от воды. Это Княжский яр, одна из двух достопримечательностей берегов нижнего течения Суры. Тянется он метров на двести, светлея фасадом обнажившихся подземных пород. Затем резко спадает. Красивое место, но что-то внутри сдерживает от полного восхищения, величия все-таки не достает.

Лениво взмахивая крыльями, проплыла над нами серая цапля, быстро растворившись за пределами видимости. Вот еще подтверждение, что в небольшом количестве они все же здесь гнездятся. Поиск их мизерных колоний требовал большого количества времени и не входил в наши планы. Мы с сожалением проплыли мимо.

И вот из-за поворота показался Красный яр. Нашему восхищению не было предела. Здесь уже ничто не сдерживало наши чувства. Зрелище было намного монументальней Княжьего яра. И высота метров на двенадцать выше первого, и длина, позволявшая выставить песчано-желтый обрыв красивой другой, - все это создавало настоящее великолепие на фоне несколько однообразных Сурских берегов.

Напротив Сыресь, мы сделали еще одну остановку подольше, чтобы приготовить горячий обед. В этом месте, в левобережье, степь вплотную подходила к Суре. И словно в подтверждение с того берега доносилось знакомое по Астраханским степям: "Уд-уд-уд-уд-уд-уд". Это дудел в свою вечную трубу красавец удод. Птица нежного розового цвета с темными пестринами и великолепным веерообразным хохлом на голове. У нас очень редкая.

Заканчивали мы свой путь в ускоренном темпе, стараясь достичь Порецкого моста засветло. После очередного поворота стало видно село Порецкое, расположенное на высокой горе. Казалось, вот оно рядом, но как далек оказался путь до него. Сура, словно нарочно, усиленно петляла на этом отрезке, чтобы мы не смогли попасть к последним машинам, проходящим по шоссе. Что-то не очень хотелось нам еще одной не подготовленной ночевки.

Недалеко от Порецкого появились на отмелях кулики мородунки. Их не было выше, а здесь отовсюду неслось: "Куведри, куведри, куведри".

Как ни старались мы изо всех сил грести, но окраины Порецкого достигли только после захода солнца. И снова обман зрения при сильном желании, вот он мост, рукой подать, ан нет. Стемнело, с включенными фарами проходили по мосту последние автомобили, а мы все гребли. Причалили под мостом только в полночь. С этого момента прекратилось движение по дороге.

На берегу нас ждал неприятный сюрприз - мошка. От назойливых насекомых не было никакого спасенья. Они превратили нашу ночевку в кромешный ад. Ни огонь костра, ни дым не отпугивали этих кровопийцев. Всю ночь мы не смогли сомкнуть глаз, руки и лицо нестерпимо жгло от укусов, а они все лезли и лезли. Спасение пришло только утром. Прохладный свежий ветерок понемногу разогнал нечисть, и до первого автобуса мы смогли немного перевести дух. Если бы не близкие госэкзамены, мы бы продолжили спуск, но необходимо было возвращаться.

ЦАПЛИ ЧЕБОКСАРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Любое вмешательство человека в природу чревато последствиями. И чаще всего очень, негативными. Вот и строительство плотин на реках убивает саму их сущность. С постройкой Чебоксарской ГЭС мы почти полностью потеряли Волгу, великую реку, колыбель многих народов. Конечно, не одна Чебоксарская ГЭС виновата - причиной является строительство всего каскада волжских ГЭС. Зарегулировав ее сток, мы превратили цветущую реку в зацветающее болото. А сколько при этом загублено лесов, заливных лугов, плодородных земель. Исчезли с лица земли деревни и села, церкви, соборы и другие памятники архитектуры и истории. Огромный ущерб нанесен и самому человеку.

Но многим людям, не задумывающимся глубоко над тем, что они потеряли, нравятся такие рукотворные моря, и это вполне естественно, обширные водные пространства всегда привлекали человека. Однако, вся трагедия в том, что эта на первый взгляд прекрасная акватория, представляет собой еще одну гноящуюся, с трудом заживаемую рану на здоровом теле природы.

Несмотря на то, что водохранилище сотворено человеком, природа пытается окончательно сформировать его по своим законам всего живого на земле. Изучение формирующихся природных сообществ на невольных полигонах природы привлекает ученых. Которые когда-нибудь сумеют сделать правильные выводы и не допустят еще больших катастроф.

Вот и меня привлекло водохранилище возможностью выяснения вопросов, связанных с формированием птичьих сообществ на нем. В душе я, конечно, мечтаю увидеть при своей

жизни обратный процесс, когда будут спущены водохранилища, и будет восстанавливаться природное естество. Я не наивный человек и понимаю, что процесс будет также очень болезненен, но считаю, природа справиться с этой болезнью значительно быстрее, чем с нанесенными человеческими руками ранами.

В прошлом году водохранилище ответило на ряд интересующих нас вопросов. Цапли действительно очень быстро освоили его, и мы даже сделали выводы, что судьба Шомиковской колонии будет плачевной. Однако, результаты подсчета этого 1986 года оказались неожиданно обнадеживающими. Численность загнездившихся птиц в колонии в два раза превышала прошлогоднюю и составила 22 пары. Этот факт заставил задуматься. Очень тянуло посмотреть, что творится на водохранилище. И посмотреть хотелось поподробнее, не с борта мчащегося во весь опор теплохода.

Случилось так, что в Ильинке начал свою педагогическую деятельность мой хороший товарищ Саша Петров. Чем я и не преминул воспользоваться.

Сейчас заканчивались выпускные экзамены в школах, и он должен был быть на месте.

24 июня я хорошо знакомым водным путем прибыл в Ильинку. С усилием преодолел затяжной, крутой подьем в гору. Сама деревня оказалась не на берегу, а чуть дальше. А школа еще дальше, на другом конце деревни. Там с помощью добрых людей отыскал Сашину квартиру, но хозяина дома не оказалось. Ждать пришлось довольно долго, пока он не явился разгоряченный любимым футболом. Мое появление было для него приятной неожиданностью. Уяснив причину моего визита, мы сразу, пока не стемнело, отправились к его другу. Пришлось преодолеть весь

обратный путь к Волге, чтобы встретиться с ним на дебаркадере, где он занимал какую-то должность и в данный момент находился на дежурстве.

Разговор был коротким и деловым. Поняв, что требуется его моторная лодка и он сам к ней в придачу. Сашин друг назвал устраивающую его цену, и мы ударили по рукам. Круиз запланировали на завтра.

В половине седьмого мы были на пристани. Виктор, так звали друга, уже возился у своей "Казанки".

- Ну что, едем? - протягивая руку для приветствия, задал соответствующий моменту вопрос Саша.

- Едем! - уверенно ответил Виктор.

Мы сели в лодку. "Вихрь" взялся с полоборота. Виктор очень развернул и вывел лодку из-за дебаркадера. Выйдя на простор, прибавил газу. Прохладный ветерок, усилившийся при движении, вызвал зябкую дрожь в легко одетом теле. На зеркале воды мелкая рябь, но и при ней немного обдает брызгами.

Наш курс на колонию, что напротив Ильинки. Но Виктор ведет свою лодку не напрямую к ней, а придерживаясь фарватера.

- Если идти напрямую на такой скорости можно запросто налететь на топляк или торчащий обломок ствола, - пояснил Виктор.

Мы вышли в раструб Козьмодемьянского расширения.

- Теперь куда? - прокричал наш капитан.

- Туда! - показал я рукой в сторону виднеющихся отсюда гнезд.

Виктор резко заложил вправо и сбавил ход. Ушли с фарватера, нужно быть осторожней. К колонии подплывали совсем медленно. Тут и там виднелось множество топляков. Начался

мертвый лес, дальше плыть нельзя. Остановились. Рассматриваю колонию в бинокль. Издали казалось, что гнезда расположены на березах. Оказалось не на них, а на дубах. Просто редкие дубы, прикрывал своими белыми телами строй мертвых, полуобломанных березин.

Видимо когда-то, это было одно из самых высоких мест в левобережье. Березы затоплены всего на метр, что называется по колено. В сторону фарватера глубина постепенно уменьшается, и из воды выныривает изумрудно-зеленый, бархатистый остров, без всякой древесно-кустарниковой растительности. Чуть дальше еще пара таких же изумрудных небольших островков. Около них активно охотятся речные и черные крачки, плавают озерные чайки.

До дубов с гнездами от нашей стоянки метров сто. Сквозь частокол березника на лодке не подойти. Правда, все достаточно хорошо видно и отсюда. Всего тридцать восемь гнезд. В основном гнезда расположены по одному на дереве, лишь три мертвых великана предоставили жилплощадь шести семьям каждый. В гнездах и рядом с ними на сучьях сидят птенцы. Они достигли величины родителей и скоро покинут свой роддом.

- Здесь, пожалуй, все, - внимательно осмотрев колонию, констатирую я.

- Куда двигаем шеф? - с хитрой улыбкой спрашивает Виктор.

- Айда-ка, знаешь, куда двинем? – раздумывая, тянул я. - Пожалуй, к основному массиву затопленного леса.

- А чего ты там забыл? Там цапель нету, - удивился такому повороту Виктор.

- Цапель нет, зато есть возможность посмотреть, что представляет собой это невольный утопленник. Ничего хорошего там нет - веско ответил Виктор.

- Вот и посмотрим, чего там нет, а чего там есть. Давай потихоньку вперед, и найди место, где бы можно было размяться, - поставил я точку в разговоре на правах заказника.

- Это точно, размяться надо, а то зуб на зуб не попадает, не смотря на солнце - поддержал идею Сашка.

Взревел двигатель, и лодка осторожно пошла к затопленному лесу. Вскоре мы заметили полузатопленный участок, к которому можно было подойти, подняв мотор. Сходу причалили.

Мы вышли. Нашей тяжестью из почвы выдавило воду. Всюду разбросаны подушечки зеленого мха. Так вот отчего изумрудами сверкают острова. Просто ни одно другое растение не в состоянии расти на перенасыщенном водой грунте.

- Я тут останусь, блесны подготовлю - решил Виктор.

А мы с Сашей пошли вглубь. Суши было маловато, и в основном двигались по мелкой воде. Жуткое зрелище представлял мертвый лес.

- Как сигареты торчат, в антикурительном ролике рекламы - с какой-то внутренней болью протянул Саша, сам заядлый курильщик. А у меня в глазах стояла другая,

более страшная картина. Сотни, тысячи березовых крестов, их я видел в фильмах о войне на кладбищах немецких солдат, но сейчас не кино, сейчас страшная действительность. Весь этот лес кладбище, и кресты, кресты - березовые кресты на могиле леса. До этого довела нас психология нищего, дорвавшегося до богатства.

Жизнь единым днем, когда слизываются только сливки и выливается в грязь остальное, когда подрываются корни - основа всего, привела нашу богатейшую страну к разорению. Не осталось спелых лесов, истощено плодородие почв, выкачиваются недра и т.д. Становится страшно за будущие поколения. Когда мы станем рачительными хозяевами? Не будет ли это слишком поздно?

Взлетевшие утки испугали меня и отвлекли от слишком мрачных и печальных видений. Дальше вглубь, и все больше вспугиваем перелинявших селезней крякв и чирков, а вот и цапля поднялась. Потом подняли еще несколько. Выходит, они тут успешно кормятся.

Мы вернулись к лодке, расслабившись телом и напрягшись душой.

- Давай, Витек, отсюда подальше. Едем к ленточным колониям, - скомандовал я, желая поскорее покинуть это неприятное место, - Ты был прав, ничего хорошего тут нет.

- Конечно, прав, я ведь тут бывал, - согласился Виктор.

Через некоторое время мы подходили к первым, в длинной линии, дубам, на которых имелись гнезда и сидели птенцы.

- Стоп! – заставил я сбросить газ.- Дальше не пойдем, птенцов распугаем. Они толком еще не умеют летать и погибнут.

Виктор подрулил к группе упавших и только еще собирающихся, застывших в медленном падении, словно раздумывающих упасть или не упасть, дубов, и заглушил мотор.

- Тогда порыбачим, - спокойно согласился Виктор и достал блесну.

Прицепив блесну к толстой леске, намотанной на кусок фанеры, и стал опускать ее в глубину.

Я внимательно рассматривал в бинокль начало ленточной колонии. На каждом дубе, вытянувшихся реденькой цепочкой, было одно или несколько гнезд. Дубы эти, наверное, росли когда-то прямо на берегу Волги, а глубже шел какой-либо мелкий лесок или луг. Вот и торчат они теперь посреди водохранилища в постепенно редеющем строю. Не нужны они бесхозяйственному человеку нашего времени, хорошо хоть цаплям понадобились. На их еще могучих, но уже безжизненных сучьях сидело множество повзрослевших желторотиков готовых вот-вот вступить в самостоятельную жизнь.

Пока я разглядывал, Виктор уже выводил полуметровую щуку. Отгребя на веслах метров на пятнадцать, он снова забросил блесну и сразу выудил еще одну хищницу такого же размера.

До нас донесся далекий раскат грома. Мы как один подняли головы. Из-за высокого правого берега выползала черная грозовая туча.

- Сматываемся! - сразу засуетился Виктор, передав снасть Саше, и перескочил на корму.

Саша вытащил блесну, а Виктор тем временем завел мотор и дал ход.

- Внимательно смотрите вперед, будем жать, - прокричал нам Виктор.

Лодка шла на пределе мощности, высоко задрав нос. Туча быстро и угрожающе надвигалось. Мы еще не доплыли до сужения, когда резко стих ветер, это стало заметно по исчезновению волн на

воде. Вскоре правый берег завесила штора мощного ливня, и от него в нашу сторону по воде пошла сильная волна. Через какую-то минуту шквал ветра обрушился на нас. Еще через минуту нас накрыл дождь. Поднявшаяся волна несколько замедлила ход лодки, ее начало бить. Под ливневыми потоками мы мгновенно вымокли до нитки. Тяжелые капли больно били по глазам, и ничего не было видно в двенадцати метрах. Виктор сбавил скорость, осторожность не помешает.

Миновали горловину и напрямую по диагонали, не придерживаясь фарватера, устремились к Ильинке. От ставшего нестерпимым в сочетании воды и ветра холода нас била дрожь, но, к счастью, вскоре все кончилось, мы причалили на свое место у дебаркадера.

- Айда ко мне, тут рядом, - скомандовал Виктор, и мы побежали за ним.

Скользя и падая на размокшей глине, мы с трудом достигли одинокого, большого дома, располагающегося чуть в стороне от причала, почти на середине берегового склона. Сейчас возможности рассмотреть его не было, но я обратил внимание на этот дом вчера, по приезду. На него нельзя было не обратить внимания. Это был, красиво вписавшийся в береговой ландшафт, старинный дом с мансардой. Серебристо-серый от старости, с разными наличниками и платками. Мы взбежали на крыльцо - наконец-то укрытие.

- Прошу в дом,- распахнул дверь Виктор.

- И это твой дом? - вопросил я удивленно.

- А что?

- Да ничего, просто очень красивый дом на прекрасном месте, так у нас, к сожалению, теперь редко строят.

- Это по наследству.

- Богатое наследство.

Молодая жена Виктора, в ожидании мужа, предчувствуя его состояние по возвращении, уже растопила подтопок. Сразу, как мы вошли, она достала сухую мужнину одежду на него и на нас.

- Вот возьмите, переоденьтесь,- и, взяв брошенную у порога рыбу, вышла в сени.

- Моя жена, Вера, - опомнившись, представил уходящую женщину Виктор.

Мы быстро переоделись в сухое, а мокрые вещи, выжав как следует, развесили на просушку около подтопка. Вошла Вера с разделенной рыбой в сковороде и поставила жарить на плиту. Виктор достал бутылку водки. На столе появились тарелочки с хлебом и свежими огурцами. Выпили. Приятное тепло начало расходиться по телу.

- Ну что, еще поедем? - спросил Виктор.

- Неплохо бы, согласился я, - но тут рядом больше делать нечего, а на Ветлугу далековато будет. Туда надо не на один день, и бензина много уйдет.

- Это точно, далековато. И времени нет, и с бензином туго.

- Ничего, Ветлугу можно посмотреть и с "Кометы".

Вера поставила на стол сковороду с поджарившейся до красной корочки рыбой. Мы выпили еще и с жадностью принялись за щуку. Рыба была необычайна вкусна.

За разговорами прошло время, одежда высохла, и мы переоделись. Кончился и дождь. Открылся прекрасный вид из окна на Волгу. Пора было уезжать. Виктор подсказал время, к которому подходит очередной теплоход, и я, попрощавшись и поблагодарив за все, вышел точно к моменту прибытия "Кометы".

Несколько серьезных событий, касающихся личной жизни, позволили нам с Наташей дообследовать водохранилище лишь через двадцать дней.

Собрались, как это с нами часто бывало, налегке. Один спальник, котелок, немного продуктов и бинокли. Трудности с прокатом туристского снаряжения, постоянно заставляют нас рисковать. Хотя природа не раз наказывала нас за легкомыслие.

Мы отплыли от речного вокзала 13 июля. Для кого-то это страшное число, для нас обычно счастливое. К тому же остались считанные дни до того момента, когда последние птенцы покинут колонии, а это, согласитесь, немаловажный факт в определении обитаемости гнезд.

"Метеор" встал на крыло, точнее на крылья. Мы на верхней палубе и вглядываемся в знакомые очертания берегов. Ветерок приятно холодит тело. Пока ничего интересного для меня нет. Только Наташе интересно, она не была здесь с прошлого года. Я стараюсь обратить ее внимание на некоторые, произошедшие за год, изменения. Это касается в основном процесса укрепления берегов и уменьшения площадей затопленных лесов. Нет, не вода отступает, просто падают деревья. Падение деревьев в таких мертвых лесах неизбежный процесс, особенно много их сносится ледоходом.

В Ильинке я показал Наташе замечательный дом Виктора. Затем, когда вошли в Козьмодемьянское расширение, показал, где мы плавали, с подробными комментариями об увиденном.

- А теперь внимание, считаем, - предупредил я Наташу, прерываясь от приятного созерцания.

Мы проплывали мимо ленточной колонии, в которой в тот раз гнезда не подсчитали из-за неожиданной смены погоды.

- Два, три, одно, два, одно, пять... , - подсчитывал я вслух количество гнезд на каждом отдельном дубе, а Наташа записывала цифры в блокнот... , - три, три, одно, одно, и еще одно - все.

Пока Наташа подсчитывала общую сумму, я прикинул длину обитаемой цепочки: около километра с четвертью будет.

- Всего пятьдесят пять, - выдала результат Наташа.

- Пятьдесят пять? Неплохо, в прошлом году здесь было только 32 гнезда. А ты обратила внимание, цепочка-то изрядно поредела.

- Да, много попадало, - согласилась Наташа. - Стоп, еще гнезда. Считаем.

Однако, тут торопиться не пришлось. Гнезда в количестве одного, двух или трех располагались на далеко отстоящих друг от друга деревьях. Всего получилось тринадцать, на расстоянии 2,5 км, и мы подходили Козьмодемьянску.

- Если мне не изменяет память, напротив "Козьмы" было одно дерево со множеством гнезд, - спросила Наташа.

- Точно было. По моим записям гнезд было девять. Но, видимо, дерево упало, и цапли расселились по цепочкам.

На теплоход, идущий в Юркино, что на Ветлуге, удобнее было бы пересесть здесь в Козьмодемьянске, но до него было еще часа два, а потратить это время в большом населенном пункте не очень хотелось. Поэтому мы решили доплыть до Юрино, там сойти и дождаться "Метеора" на Юркино.

Сказано - сделано. Через какие-то 20-25 минут, оставив по правому борту интересующий нас отрог, мы сошли на пристани в Юрино. До самого села Юрино около двух километров, а вокруг пристани прекрасный сосновый бор. Мы не прогадали, здесь намного приятнее провести время, чем в "Козьме". На берегу интенсивно велись по его укреплению, сновали самосвалы, ползали бульдозеры... И здесь разрушается. Мы прошли прогуляться по бору, время позволяло. К нашей радости, в одном из низких местах мы набрели на черничник. Спелые, иссиня-черные ягоды таяли во рту. Вскоре мы весело хохотали над перепачканными рожицами друг друга, показывая черные языки.

Передвигаясь от низинки к низинке в поисках черники, мы незаметно вышли на заливные луга. Невдалеке виднелась заброшенная насыпь узкоколейки. На лугах в разгаре сенокосная пора. Мальчишки верхом на лошадях конными граблями лихо сгребают сено. Мужики ловко мечут его в стога. Работа спорится. Берем этот луг на заметку, и, взглянув на часы, бегом возвращаемся на пристань. Увлеклись черничкой, чуть не опоздали на теплоход.

"Метеор" отвалил. Мы сразу выбрались из салона на верхнюю палубу. Наше самое любимое место, отсюда очень удобно вести наблюдения. Обошли мыс на приличном расстоянии от него и вторглись в Ветлужский раструб. Он очень широк и чист. Только далеко справа виднеется мертвый березняк. Хорошо хоть здесь потрудились немного на очистке. А может быть, и не потрудились, просто были здесь обширные луга, от былой роскоши которых слева виднеется небольшой участок. Издали видно, что в низинах стоит вода. И если даже не поднимут уровень еще выше, все равно эти луга превратятся в болото.

Теплоход, шедший прямо в горловину, внезапно делает поворот влево. Удивительно, вроде на берегу нет ни пристани, ни населенного пункта. Затем последовал поворот вправо. Опять влево, и вновь вправо. Что, капитан решил покуролесить на широком водном просторе? И тут только окончательно отвлекшись от визуального поиска колоний, сообразил, судно идет по невидимому среди необузданного разлива бывшему руслу Ветлуги, полностью повторяя его изгибы.

Вот и слева пошел затопленный лес. Раструб, казалось, сузился из-за затопленных деревьев и слева и справа, словно вошедших в воду от нетерпения встречи дорогого гостя.

Прошли пару островов, оставив их слева по борту. Они не затоплены водой, а лес на них мертвый ельник - высок уровень грунтовых вод. Слева среди леса показалась небольшая луговина с блестящими зеркальцами воды в низинах. На ней одиноко стоял брошенный дом. Колодезный журавль от тоски задрал свой клюв к синему небу. Это все, что осталось от деревни Мелковка.

Сразу за Мелковкой последовали два глубоких поворота. После второго показался полузатопленный остров, покрытый мертвым березовым лесом.

- Что там виднеется? - показала рукой Наташа в сторону острова.

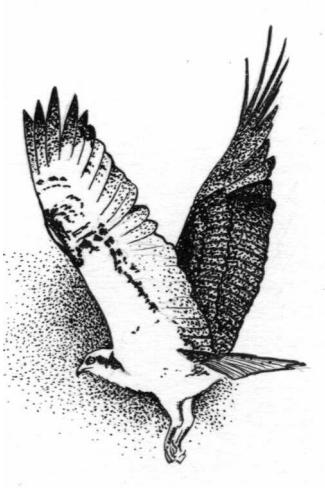
Я поднял бинокль к глазам, всмотрелся. Действительно за гущей березовых крон виднелось множество гнезд.

- Умница, точно приметила, - похвалил Наташу, - это будет твое личное открытие.

Последовал еще один поворот, и колония открылась нам с другой стороны. Гнезда опять оказались на дубах. Всего на нескольких, очень кучно - даже слишком кучно. Мы насчитали

более ста гнезд. Точнее подсчитать было невозможно, буквально одно на другом.

Тут, близко к устью, было много островов. Повороты следовали один за другим, поэтому продвигались вперед очень медленно. На одном из поворотов, недалеко от колонии, я заметил торчащий среди воды обломок ствола крупного осокоря с нахлобученной на него шапкой огромного гнезда.

- Посмотри, Наташа, - показал я на гнездо, - тут крупной хищной птицей пахнет. Так что давай смотреть внимательнее. Однако, хозяина гнезда мы не увидели. "Метеор" вошел в хорошо ограниченное пространство русла Ветлуги. Ивовые кусты побережья и здесь стояли затопленными, словно в весеннее половодье. Такое обилие воды не погубило их, они весело зеленели, несмотря на превратности судьбы.

После вхождения в русловую часть последовал только один плавный поворот, и на вхождении во второй мы достигли Юрино. Пристань оказалась за поселком. Наш теплоход причалил. Все пассажиры вышли, кроме нас. Мы решили вернуться обратно этим же рейсом. "Метеор" отходил через 20 минут, и сходить мы не решились, чтобы ненароком не опоздать.

Двадцать минут истекли незаметно. На теплоход село всего с десяток пассажиров. Мы отчалили с одновременным разворотом. На обратном пути мы были так же внимательны. Хотелось увидеть хозяев крупного гнезда. На этот раз удача улыбнулась нам.

Наше судно вышло из-за поворота недалеко от гнезда. И мы увидели, как с него снялась крупная светлая птица. "Скопа!" - воскликнул я. Мы впились в окуляры биноклей. Она летела встречным курсом, держась отдаленного берега. Замечательная, энергичная, сильная птица. Светлый, почти белый с охристыми вкраплениями низ и темный верх. Словно дорожный плащ накинут на дорогое платье. Скопа величаво проследовала мимо. Да, здесь самое место для гнездования птицы-рыболова. Иван Михайлович Олигер говорил, что их очень много на Рыбинском водохранилище. Возможно, и на нашем они когда-нибудь не будут редкостью. Вот и первое подтверждение этой мысли: в гнезде, на которое мы переключили свое внимание, два, покрытых светлым пухом, птенца. Они еще не успокоились после неожиданного отлета родителя, и то и дело вытягивают неокрепшие шейки.

Все это длилось секунды. Первая в жизни встреча с удивительной птицей-рыболовом позади. Будем жить надеждой встречи со скопой на территории Чувашии. Не может быть, чтобы у нас не гнездилась такая красивая птица.

Скоро мы были в Юрино и сошли там на берег. Решив именно здесь остаться на ночлег, мы пошли к лугу. Там на свежем, душистом сене можно устроить великолепное ложе.

Недалеко от бора и от Волги, или может быть Ветлуги? Кто сейчас поймет, какая тут река? Скажем так недалеко от бора и от берега водохранилища мы нашли хорошее место для ночевки.

До захода солнца, было еще часов пять, и мы прекрасно провели это время. Искупались, насобирали черники для компота, а потом готовили ужин и долго сидели у костра.

Сумерки, мягко ступая кошачьей лапой, постепенно сгладили очертания окружающих предметов, слив их воедино.

Ликующие краски дня поблекли и, вскоре, выцвели совсем. Все стало серым, только желто-красный цветок огня жил и играл, словно шаман во тьме полярной ночи. Мы долго и заворожено смотрели на него, пока загипнотизированные взгляды не захотел настоящего сна. Собрав с валков достаточную кучу почти готового сена, мы улеглись на эту духмяную, хранящую сотни запахов цветущего луга постель, накрылись спальником от ночной свежести и забылись сладким сном.

Пробуждение было сказочным, под птичий гимн восходящему солнцу. Его золотые нити пронизывали невесомую, дымчатую кисею утреннего тумана. Она прозрачно висела над лугом, складками покрывая верхушки кустов. Кое-где нескошенная трава серебрилась от обильного росного жемчуга, рассыпанного щедрой рукой ночи. Вот какая-то невидимая сила потянула кисею на себя. Она еле заметно поползла вверх, натягиваясь и истончаясь. Складки над кустами становились значительно толще. Усилившаяся прозрачность позволила хлынуть солнечным лучам более ничем не сдерживаемым потоком. Сусальное золото разлилось по лугам и лесам, заставив матовые доселе жемчуга заиграть всеми цветами радуги.

Вволю налюбовавшись великолепием летнего утра, мы, с неохотой, покинули теплое местечко нашего ночного отдыха и заспешили к рукотворному морю. Мы радостно бежали, оставляя за собой два темных зигзага на росистой стерне. Вода с восходом солнца уже успела приобрести зеленовато-синие оттенки. От нее, разгоняясь, словно по льду, отрывались в полет клочки вчерашнего тепла. Они, неуловимо для глаза, достигали туманных облаков, пока еще стоящих на небольшой высоте, и сливались с ними. Брызги прохладной воды, взлетевшие от нашего озорства, добавили

веселья. Спешить было некуда, первый теплоход на Горький будет только к семи.

Костер не разводили. Пара сухариков, запиваемая божественным черничным компотом, составила наш легкий завтрак. И мы, не торопясь, направились на пристань. На пристани взяли два билета до Разнежья. Нам необходимо было посмотреть колонии цапель на Срединном плесе водохранилища, о которых мне сообщил И.М.Олигер. Мы планировали остановиться у него на даче и обследовать колонии с лодки. Ждать пришлось недолго. К причалу, сбавив ход и опустившись на днище, подходила "Комета" на Горький. На подводных крыльях мы быстро долетели до Васильсурска. Напротив него мы заметили четыре гнезда цапель, прошлый год их тут не было. Не было цапель и на расширении напротив Сурского отрога. Только войдя в небольшое сужение после прохода мимо устья Суры, мы увидели первую колонию. В ней было 26 гнезд, все также на погибших дубах. Рядом на возвышенности людское поселение. Возможно, это та самая колония, о которой говорил Иван Михайлович, и нам тут выходить? Но "Комета" мчалась, не сбавляя хода. Значит это не Разнежье, успокоил я себя и продолжил осмотр.

Последовал следующий расширенный участок Срединного плеса. По середине его рассекала колонна древесных скелетов, бредущих в неизвестность. "Комета" шла близко к правому берегу и даже в бинокли эта колонна была слишком далеко от нас, но если присмотреться, там еще дальше за ней, еле уловимо угадывались крупные цапельники. Сосчитать гнезда, было невозможно, и оставалось надеяться на лодку Ивана Михайловича.

Так же, на полном ходу миновали еще одно село. Тут я для подстраховки спросил одного из пассажиров, каково его название.

"Бармино", - ответил он. Выходит, еще не доплыли до Разнежья, а Олигер говорил, что недалеко от Васильсурска?

Дальше водное пространство стало напоминать реку, цапельников не было видно, как и населенных пунктов. Я стал осознавать, что мы проскочили Разнежье в самом начале, вот что значит не знать того, куда собрались. Макарьевский монастырь окончательно убедил меня в полном просчете. Так мы попали в Горький. Билетов в кассах автовокзала не оказалось, и мы, с большим трудом, на "перекладных" добрались до Чебоксар.

Так немного необычно завершилась наша исследовательская эпопея, того периода.

Кабаново, 1993.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Течет время-времечко - бежит, все быстрее и быстрее, ускорясь с каждым прожитым годом. Помнится в детстве, тянулась, как не успевшая застыть карамель, а теперь бежит, скоро полетит, полетит к нежелательной скорости. Десять лет уже прошло, как я приступил к исследованиям в Чувашии. Вот уже написана книга о первых четырех годах. Первых - молодых, заманчивых, увлекательных. Недавно вновь удалось посетить все колонии, что были тогда найдены и описаны, и захотелось написать еще одну главу, такого публицистического толка, своего рода эпилог. О том, как все быстро течет и изменяется, о том, как скоро мы можем лишиться того, что еще имеем, и о том, чего уже не имеем, чего лишились по собственной глупости, нерасторопности.

Десять лет немалый срок. Шесть из них я уже не занимаюсь поиском птичьих колоний, но это не значит, что я вообще не занимаюсь поиском. Поиск - это страсть, поиск - это стиль жизни. И сколько бы ни находил человек, всегда есть чего искать, даже в маленькой Чувашии. Все последние годы наши усилия направлены на то, чтобы выяснить, что же еще у нас осталось? Какие леса и луга, в каком состоянии озера и реки, живут ли в них те, что жили и росли в начале нашего века?

Хотя и сменилось направление наших исследований в Чувашии, но это не означает, что я совершенно забыл про птичьи колонии. Самые крупные из них: Ураковская, Новочебоксарская, Шомиковская - находились и находятся под нашим постоянным наблюдением. В них проводится определенная научная работа по изучению и поведению птиц, а вот о судьбе остальных удалось узнать только попутно.

Вспомним, как еще в те годы нас волновала судьба Шомиковской колонии - двенадцать пар осталось в ней в 1985 году. Мы думали, что лишимся этой колонии навсегда, но 1986 год дал нам надежду, когда численность гнездящихся птиц увеличилась до 22 пар. Этой надежде суждено было сбыться. Дальше колония росла как на дрожжах: 1988 г. - 52 гнезда; 1989 г. - 68 гнезд; 1990-93 г.г. - 85 гнезд; 1994 г. - 111 гнезд. Мы внимательно изучили и проанализировали столь благоприятных ход событий. И оказалось, рост, как и сокращение до середины 80-х, напрямую связан с процессами происходящими на водохранилище.

Колонии цапель, которые там возникли на затопленных деревьях, благодаря наличию рядом обширных мелководий, как и предполагалось, оказались недолговечными. Деревья в силу разных причин постепенно падали, особенно во время ледохода. И этот

процесс с каждым годом все ускорялся. Цапли были вынуждены искать более надежные места для гнездовий. И базовые колонии на незатопленных берегах должны были получить преимущество. Потому как колониальные птицы легче поселяются там, где уже живут их товарки. Вот так открылось второе дыхание у Шомиковской колонии. Теперь можно бы успокоиться порадоваться. Но неожиданно люди, живущие рядом с колонией и всегда бережно относившиеся к ней, вдруг решили перебить ей и второе дыхание. Не знаю, наверное, время такое наступило, когда за душой у человека не осталось ничего, кроме материальных потребностей. В 1995 году люди при санитарной рубке на участке леса, где расположена Шомиковская колония, переступили существовавший многие годы негласный запрет, и вырубили сухостойные дубы с расположенными на них гнездами. В совокупности с тем, что за многие годы постоянных санитарных рубок других дубов рядом практически не осталось, такие действия явились для цапель катастрофой. Лишь немногие сумели построить гнезда на липах - совершенно не пригодной для такого дела породе, и тем самым на какое-то время удержались на исторической родине. Да еще те остались, у которых гнезда оказались на живых дубах. Другая половина покинула Шомиковскую колонию, и теперь неизвестно, где нашла она свое пристанище.

А рубка продолжается, ситуация критическая. И если мы промедлим и теперь, с организацией заказника, колония не выдержит натиска и исчезнет. 1989 и 1990 годы явились переломными в судьбе цапель водохранилища. В эти годы почти полностью исчезли поселения цапель располагавшиеся на затопленных деревьях в расширениях и отрогах. Лишь небольшая

колония в 30 пар в Ветлужском отроге продержалась до 1995 года. Именно на эти годы приходится не только максимальный рост численности в Шомиковской колонии, но и увеличение на 40 пар самой стабильной колонии цапель - Ураковской. Многолетняя стабильность ее стоила цаплям больших трудов. Большинству из них не раз и не два пришлось заново отстраивать свои гнезда, после падения сухостойных деревьев. Если вы помните, в период резкого увеличения численности цапли под строительство гнезд использовали сухостой. Деревья погибли во время морозной зимы 1979 года. Ту ошибку они повторяли до тех пор, пока весь сухостой не попадал, и гнезда были заново построены на живых вязах и дубах.

Колония из-за этого растянулась значительно, а после прибытия еще 40 пар в 1989 году, вся площадка длиной в километр на береговом откосе оказалась занятой. Всем дубов и вязов не хватило, появились гнезда на соснах и березах, даже на осинах. Есть сведения, которые нам, к сожалению, пока не удалось проверить, что ниже по течению, на одном из Волжских островов, образовалась совершенно новая колония численностью 38 гнездящихся пар.

И все-таки самые значительные изменения произошли на Суре. Сура, скорее всего из-за отсутствия прибрежной водной растительности и состава, обитающих в ней рыб, никогда не была привлекательной для гнездования серых цапель. Потому там имелось лишь несколько мелких колоний.

И вот, вследствие затопления устьевой части, и возникновения Сурского отрога Чебоксарского водохранилища, произошло замедление течения, появилась прибрежная растительность, изменился состав ихтиофауны. В результате

расцвела Курмышская колония. Это стало нам ясно с первого дня косвенных наблюдений при посещении Стрелецкой колонии в 1992 году. Столько цапель на Суре мы никогда не видели, а челночные рейсы красивых серых птиц наглядно свидетельствовали, что счастливый жребий выпал именно Курмышской колонии.

Удалось посетить ее только на следующий год, во время обследования озер Красночетайского района. Восемьдесят восемь гнезд мы насчитали в ней, причем 76 из них на вязах и только 12 на дубах. Да и расположена она теперь не на самом берегу, а чуть глубже - в лесном овраге. Это место оказалось наиболее привлекательным с точки зрения эмигрировавших с водохранилища цапель, как наиболее надежное и удобное. Затем набравшее мощь поселение, как губка всосала в себя всех цапель с соседних, мелких колоний. Ни Пандиковской, ни Янымовской колоний теперь больше не существует, но вполне возможно, что где-то есть еще, ближе к устью.

Цаплям теперь в нижнем течении Суры благодать, а вот чаек и крачек, а вместе с ними и всех других птиц с Большого Педягильного болота под Ядрином человек все-таки изжил. Хотя, как вы помните, там работала Дружина охраны природы по проектированию заказчика. Уже в Чебоксарах, помогая им обрабатывать материал, я с удовлетворением отмечал, что поработали они, как говорится, на совесть. Они выезжали на колонию еще несколько раз и собрали весь необходимый материал, на основе которого можно было организовывать заказник. Действительно Большое Педягилое болото уникально в своем роде не только для Чувашии. По количеству гнездящихся малых чаек – более 1000 пар, колония являлась уникальной для Европы, так как таких массовых поселений этого вида еще не было известно. Да

и субколония белокрылых крачек была одной из крупнейших в России. К сожалению, как сообщили друзья, уже на следующий год детального обследования, численность малых чаек упала до 350 пар. Выходит появились какие-то негативные причины. Малые чайки резко меняют место своего гнездования, если их что-то перестает устраивать. Иногда это происходит без видимых для исследования причин и вызывает недоумение. Хотя, как я считаю, какие-то глубинные причины всегда есть. Как, например, для Стрелецкой колонии любой из негативных факторов мог оказаться роковым, будь то отношение местного населения, которое позволяло себе сбор яиц, или выпас скота на заболоченной луговине в зоне колонии, или начавшаяся работа мелиораторов.

Ребята срочно передали всю документацию на создание заказника в Общество по охране природы. Я организовал ряд статей в республиканской и районной прессе о необходимости сохранения этого уникального места, но получилось все наоборот. Общество, имея на руках готовые документы, все что-то медлило, пока все они не попали под сукно. А вот председатель колхоза и приглашенные им мелиораторы не дремали. Видя, что из-под носа уходит кусок земли, до этого им совершенно не нужный, вдруг проявили к нему значительный интерес, и работа по осушению болота закипела. В результате малые чайки совсем перестали там гнездиться. За ним в 1989 году покинули колонию и белокрылые крачки. Последними покинули его озерные чайки и кулики со всеми сопутствующими видами, гнездящимися под их прикрытием: утками, поганками, пастушками.

Озерные чайки, в отличии от легкоуязвимых колониальных видов, которые в большинстве своем покинули территорию республики вообще, сделали попытку загнездиться в

полузатопленной пойме на южной окраине Ядрина. Здесь на месте ранее существовавшей небольшой колонии болотных крачек в 1993 году появилось поселение озерных чаек, состоящей из пяти субколоний разной величины. Причем, одна из них, в 65 пар, расположилась несколько обособленно на заросшем озере. Гнезда в ней были построены на осоковых кочках. Птицы из остальных субколоний использовали под строительство гнезд прошлогодние полузатопленные подушки телореза. При всей этой перетурбации озерным чайкам полностью удалось сохранить свою численность.

Среди гнезд озерных чаек было отмечено только 6 гнезд черных крачек, а на одном из земляных островков 18 гнезд малых чаек. Сопутствующие виды, загнездились на соседних болотах и озерах. Сохранили свое представительство широконоска, кряква, чирок-трескунок, мородунка, фи-фи, поручейник, травник, чибис . Перекочевала в соседнее болото и выпь.

Однако, к сожалению, новое место, выбранное чайками под гнездование было неудачным. Во-первых: здесь уже велись работы по созданию зоны отдыха горожан, и, во-вторых: колония расположилась в районе поймы затопляемом во время половодья на максимальный срок. Обычно озерная чайка такие места избегает заселять, так как полая вода держится здесь в сроки строительства гнезд. В 1993 году они заселили это место только по причине слабого половодья, а уже в 1994 году покинули окраину Ядрина по причине длительного затопления этого пойменного участка. Их настоящее местонахождение пока неизвестно. При обследовании правобережной поймы напротив Ядрина удалось обнаружить лишь миниатюрную колонию состоящую из 6 пар малых чаек, 3 пар белокрылых крачек и 2 пар черных крачек. Рядом на заболоченной луговине гнездились 3 пары травников, 6 пар

мородунок, по 4 пары поручейников и фи-фи. Над болотом токовали бекасы, слышали выпь. Рядом на озерах наблюдали кормящихся озерных чаек, крякв, чирков - трескунков, широконосок. Потом прилетела стайка турухтанов в 20 птиц, которая остановилась среди других куликов. Но это явно не тот масштаб.

Вызывает опасения и судьба Новочебоксарской колонии. Здесь полным ходом идут работы по строительству новой очереди очистных сооружений. Шламонакопители уже заняли большую часть прилегающих к колонии заболоченных лугов. Что привело к резкому снижению количественного состава гнездящихся уток, куликов и поганок. Сами чайки пока расширили гнездовую территорию за счет новообразовавшихся в результате выемки грунта водоемов. Возникла отдельная субколония, в пределах 300 гнездящихся пар, а материнская субколония в 1994 году, по-прежнему насчитывала около 1200 пар. Но водоем, где она расположена, все более плотно покрывается рогозом. Такой фактор неблагоприятен для чаек, и в ближайшее время он может вступить в силу, если до этого колония не исчезнет в результате расширения зоны очистных. Колония крачек из-за нестабильности гнездования на очистных сооружениях уже несколько лет не функционировала, а в 1995 году вновь. К сожалению напрасно. Из-за засухи бродячие собаки получили свободный доступ к их гнездовьям и уничтожили все 150 кладок. Крачкам пришлось искать новое место гнездования ниже по Волге.

В благоприятном положении в настоящее время находится только Алатырская колония. Несколько отличная от Новочебоксарских система очистных сооружений позволяет гнездиться чайка на прудах биологической очистки среди зарослей

рогоза. В середине 90-х годов численность озерной чайки там достигла 2000 пар. Они образовали три субколонии на трех отстойниках, соответственно - 700, 1000 и 300 гнездящихся пар. Несколько обособленно там же гнездились в разные годы от 18 до 32 пар речных крачек.

Расположение очистных сооружений прямо на окраине города, да еще и строительства дачного поселка в пойме, полностью исключают возможность охоты в этих пределах, что в совокупности с защитной функцией чаек привело к процветанию водоплавающих птиц. Весной 1994 года мы в пределах очистных сооружений насчитали 36 гнезд красноголовых нырков, 48 гнезд хохлатых чернетей, 10 гнезд лысух. Отметили 8 пар широконосок, 2 пары чирков - трескунков, 1 пару чомг, 26 крякв, и несколько десятков селезней и хохлатых чернетей сверх числа пар соответствующих их количеству гнезд. Такого обилия гнездящихся водоплавающих птиц нельзя увидеть нигде на всей нашей республике.

Алатырские очистные сооружения являются основным источником обогащения охотничьей фауны республики. Правда, из-за отсутствия рядом достаточных площадей заболоченных лугов, там очень мало куликов, только несколько пар чибисов, поручейников, травников и больших веретеников.

К сожалению, до сих пор не удалось сделать детальное обследование Тойсинской колонии. Знаем о ней лишь то, что она существует.

В заключении следует сказать вот о чем: 10 лет существования колонии без охраны показали, что так, мы можем потерять остатки того, что имеем. При кажущемся огромном числе колониальных птиц, эта группа уязвима из-за компактности

поселений. Исчезла Стрелецкая колония, и осталось в нашей республике малых чаек и белокрылых крачек считанные единицы. Вроде обычная птица речная крачка, а в иные годы численность ее падает до 30-50 пар. Поэтому все наши крачки с ними и малая чайка оказались на страницах Красной книги Чувашии

Стоит застроить участок Цивильской поймы, где расположена Новочебоксарская колония и мы, выйдя на Волгу, не увидим сизо-белых птиц, которые для нас являются неотъемлемой частью речных просторов.

То же самое и с цаплями. Вроде много их у нас стало, а на самом деле только Шомиковская и Ураковская колонии, другие близко к границам Чувашии.

Может показаться странным, но виной тому, что мы до сих пор не можем наладить охрану своей природы наше общественное устройство. Только у нас случайные люди могут занимать не свое место. Я имею в виду и бывшее Общество охраны природы, в котором кресла занимали молодые армейские пенсионеры, и которым нет дела до настоящей охраны природы. Имею ввиду, и образовавшийся на волне перестройки Комитет по охране природы, который возглавил ее главный разрушитель, бывший министр водного хозяйства и мелиорации.

Хорошо еще, что хоть сейчас с преобразованием Комитета в Министерство и приходом в него профессионалов, которые разбавили случайных людей, появилась надежда на организацию птичьих заказников. Появилась надежда, что мы сохраним для наших детей и внуков те редкие, еще оставшиеся уникальные уголки природы.